COD(EX) SUPRATTUS. ПАРАГРАФ 1

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ОГНЮ ПЛЕВАТЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В уютном доме Черных Юбок жестоко убит юный хулиган. Какая из вражеских банд нанесла удар и имеет ли отношение к резне кроткая синтетическая онсэн? На фоне разгорающейся войны между криминальными кланами-казоку кровавый след поведет Ланса фер Скичиру через подпольные кухни Гариб-базара, едва освещенные неоном переулки и лавки перекупов-мешочников к развязке, которой он никак не ожидал. И пусть перенаселенный Юдайна-Сити ежедневно наблюдает за сотнями таких историй, для «специалиста по решению деликатных проблем» она станет особенной. Ведь Ланс — единственный на все гнездо человек в окружении миллионов антропоморфных прямоходящих крыс…

- Андрей Фролов
  - Словарь
  - Глава 1. ЛЕГКИЕ ДЕНЬГИ
  - п.1; г.1; ч.2
  - Глава 2. ИСКУССТВО ПЕРЕГОВОРОВ
  - п.1; г.2; ч.2
  - п.1; г.2; ч.3
  - "Ломкая горечь"
  - Глава 3. ЛЕГКИХ ДЕНЕГ МНОГО НЕ БЫВАЕТ
  - п.1; г.3; ч.2
  - praeteritum
  - Глава 4. УЮТНОЕ ОЧАРОВАНИЕ БОЙНИ
  - п.1; г.4; ч.2
  - Глава 5. ПО ТЕПЛОМУ СЛЕДУ
  - "Ломкая горечь"
  - Глава 6. МОЙ БАШЕР БЫСТР
  - п.1; г.6; ч.2
  - п.1; г.6; ч.3
  - Глава 7. КРУЖЕВО ЧУВСТВЕННЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ
  - п.1; г.7; ч.2
  - praeteritum
  - Глава 8. ПОДАРОК ПОКОЙНИКА
  - п.1; г.8; ч.2
  - Глава 9. ВОДА ПОДСТУПАЕТ
  - "Ломкая горечь"
  - Глава 10. СЛЕПОЙ ПЕРЕКУПЩИК
  - п.1; г.10; ч.2
  - Глава 11. АЛАЯ СУКА

○ praeteritum
○ Глава 12. ОГНЮ ПЛЕВАТЬ
○ п.1; г.12; finis

Андрей Фролов
Огню плевать (Ланс Скичира 1)

Словарь

Все использованные ниже термины и определения в тексте дублируются сносками, а здесь опубликованы для удобства читателей.

Приводятся в порядке появления в романе.

ГАППИ. Она же «болтушка», повсеместно распространенное портативное устройство с широким набором функций.

СТРИХ. Сильнодействующий синтетический наркотик с ярко выраженным действием, быстро вызывает психологическую и физическую зависимости.

ДАЙЗУ. Также известное, как «карамель», легализованное психоактивное вещество.

ЧИНГА. Вареный тонизирующий напиток из полусинтетической смеси, вызывающий легкое привыкание.

КИЗО-ДАРИДРАТА. Буквально «благородная нищета», философское течение, образ мысли и существования, пронзающий множественные слои гнезд; предполагает уважительно-пренебрежительное отношение к материальным ценностям и образу существования.

ПАЙМА. Алкогольный напиток крепостью 40–60 градусов.

КАЗОКУ. Ячейка преступного сообщества.

БОРФ. Оскорбительный термин в отношении представителя нетрадиционной сексуальной ориентации.

МОННГО. Азартная игра с использованием специальных фишек-костей для 2–4 участников.

ФАНГА. Игловидный поражающий снаряд стрелкового оружия.

БАШЕР. Ручное стрелковое оружие, чаще всего одноствольное и компактное, но бывают и исключения.

АССОЛТЕР. Ручное индивидуальное автоматическое оружие для ведения длительного и/или дистанционного боя.

РАКШАК. Чу-ха, обученный воинскому искусству и отдавший гражданский долг несением службы.

ГЕНДО. Двухколесное транспортное средство с маломощным электродвигателем.

ВИСТАР. Представитель высшего слоя привилегированного класса чу-ха.

МИЦЕЛИУМ. Единый информационный туман, пронизывающий все слои общества чу-ха.

САДУ. Служитель религиозного культа Благодетельной Когане Но и прочих представителей ее пантеона.

ОПИАНИН. Полулегальный синтетический наркотик.

МАНДЖАФОКО. Операторы, инженеры-проектировщики, отладчики и разработчики новых моделей синтосексуалов.

КАСТУРА. Он же «Моллюск», легкий антропоморфный танк.

БАЙШИ. Негативное определение личности, неразборчивой в интимных связях и вступающей в них с любым желающим.

КАЗОКУ-ЙОДДА. Боец ячейки.

ТАЙЧО. Невероятно популярная игра на специальном столе с воротцами по бортам, с применением шаров-битков и специальной тычковой биты.

КУКУГА. Синтосексуал высшего уровня.

КАЗОКУ-ХЕТТО. Безусловный лидер ячейки.

ОНСЭН. Специалист по оказанию интимных услуг за деньги.

ГЛАБЕР. Он же «лысый землекоп», калибровщик устройств входа в Мицелиум, а также специалист по решению на его просторах задач (зачастую незаконных) любого уровня. Г. нередко объединяются в псевдорелигиозные ячейки и не стесняются демонстрировать принадлежность к цеху уникальных ремесленников.

ДЖИНКИНА-ТАМ. Мифологическое определение суррогатного сознания.

ЮНМУ. Информационный накопитель.

Глава 1. ЛЕГКИЕ ДЕНЬГИ

COD(EX) SUPRATTUS 1
ОГНЮ ПЛЕВАТЬ

В детстве я мечтал, что когда-нибудь спасу мир. Так вот хвост мне на все рыло…

И вообще, зачем я вру? У меня не было детства. Да и юности не было. А с того момента, как я нахожу себя в этой непростой среде, ни о каком ее спасении не промелькивало и крохотной мыслишки…

Возможно, мне не стоило отвечать на этот вызов Сапфир.

Это избавило бы от проблем знатную толпу народа, а ее немалая часть и дальше бы подметала улицы хвостами. И когда я говорю «проблем», то откровенно скромничаю… Но пачка купюр от последней работенки уже успела подтаять, батарея бутылок в шкафу сократилась до неприличных и опасных размеров, а календарь напоминал о приближении грабительского дня ежеквартальных плат за коммунальные услуги.

А может, мне стоило почуять, что от Подверни Штанину за два лестничных пролета несет большими неприятностями? Я не почуял. Более того — клянусь, никак не ожидал, что этот пропахший брагой и химикатами безобидный бурдюк даст толчок настоящей лавине. А еще не слукавлю, если оправдаюсь так: проблемами в нашем огромном, шумно-сонном, уютно-подгнившем и сдвинувшемся городе несет от каждого встречного…

В общем, я ответил. Не открывая глаз, мазнул пальцами по «болтушке» на левом запястье, переадресуя вызов на главную консоль норы.

— Доброе утро, Малыш, — низким, почти томным голосом сказала Сапфир из консольного динамика.

Она всегда обращалась ко мне так, и именно с Большой Буквы. И я, конечно, знал, почему. Но, пусть ханжой себя не считал, явственно ощущал границы, которых переступать нельзя, а потому благоразумно держал дистанцию…

Впрочем, один раз мы весьма неожиданно набрались винищем за просмотром какого-то ток-шоу, после чего в обнимку отрубились на диване, и я до рассвета поглаживал ее волосы синеватого отлива. Но дальше дело не зашло, и оба были рады. Флирта и добрососедских отношений хватало, что бы там за ними ни скрывалось. Сапфир это знала, она была умничкой.

— Не хотела будить, но к тебе клиент, — продолжила

хозяйка *чингайны* на первом этаже. — И ты удивишься не меньше моего.

На консоль пересыпалось изображение, которое я тут же сдвинул на главный проектор. Хмыкнул, разглядывая немолодого и помятого *чу-ха* за барной стойкой Сапфир. Тот дергал носом, топорщил жесткие усы и ежесекундно облизывал крупные желтые зубы.

Работяга по имени… Закатай Штанину? Нет, Подверни Штанину! Из семьи, родового имени которой я не знал. Безобидный и законопослушный, как домашнее растение, даже не удосужившийся в нужный момент поменять детское имя.

Год назад Нискирич собирал по району дюжину умелых, чтобы подготовить к Кубку Всеравенства два новых болида, там я Штанину и видел. И теперь увальню понадобились мои услуги?

Откидывая одеяло и выбираясь из кровати, сонно пробормотал:

— Кажется, я его знаю… Он точно не ошибся адресом?

— Утверждает, что нет, — негромко ответила подруга.

— *Яри-яри*… Он не из блаженных?

— Мне так не показалось… Впускать?

— Конечно, пусть поднимается… Спасибо, милая.

— С тебя причитается. — И добавила традиционное: — Береги себя, Малыш.

Запястный *гаппи**[1]** отключился.

Растирая щеки ладонями, я прошлепал в душевую комнатку и с наслаждением отлил в напольный утилизатор. Брызнул в ладони антисептического геля, протер руки, лицо, шею и прополоскал рот. Вернулся в гостиную, сопровождаемый десятками собственных отражений со стен, накинул халат и прикрыл спальную зону раздвижной ширмой.

Постучал по сенсорам консоли, уменьшая тонировку окон, но раннее утро сразу протекло в нору депрессивными оттенками туманного пепла и призрачными росчерками фаэтонов, вынудив снова зашторить стеклопанели и включить верхний свет.

В десятках метров под моими ногами Сапфир объясняла новоиспеченному клиенту, на каком из лифтов добраться до заветной двери. И, наверняка, готовила гостинец.

Так уж повелось, что дочка управляющего куском бетона, в котором я жил, давным-давно стала моей «почти секретаршей». Добровольно и безвозмездно. Причем помощницей толковой и внимательной, какую и за большие деньги не сразу отыщешь…

Признаюсь откровенно, время от времени меня начинали покусывать муки совести, ведь я отлично понимал, на каком фундаменте строится это «сотрудничество». Но укусы быстро

переставали зудеть, потому что нанять полноценного напарника я себе все равно не мог. Сапфир же утверждала, что ей таковое не в тягость, посторонние в комплеблок все одно проникают через ее «Гущу» и вообще будет лучше, если за мной в «Угле» присмотрит кто-то еще, кроме раздолбаев Нискирича…

Тяжелым театральным вздохом я укорил собственный эгоизм и деловито осмотрелся. С прошлым клиентом мы встречались в «Каначанкха», так что приборки нора не видела уже много дней.

Впрочем, по сравнению с соседями по блоку я и без того оставался образцом чистоплотности, а потому совершенно не комплексовал из-за пары закатившихся под диван галет или масляного пятна на стенке шкафа. Зато, для полноты картины: настоящими храмами стерильности в моем жилище всегда оставались душевой узел и оружейный шкаф!

Собрав со столика в гостиной пустые упаковки от лапши, я скидал в них использованные разовые *хаси*, обертки и прочий мелкий мусор; унес в продуктовую зону, густо пропахшую специями.

Отражение коротко стриженного парня смотрело на меня почти со всех вертикальных поверхностей. Возможно, у него было слишком вытянутое лицо? Я не знал, потому что было не с чем сравнивать… Быть может, уголки глаз были опущены так, что придавали лицу меланхоличное и чуть усталое выражение? Я не знал, потому что было не с чем сравнивать… Или глаза? Нормально ли, что они такие синие, или этого недостаточно? А может, уши считались великоватыми, а широкий подбородок с ямочкой — мужественным и красивым? Я не знал, потому что было не с чем сравнивать…

Рассортировав мусор по прессующим отсекам, я подмигнул отражению знакомого незнакомца.

В своем большинстве чу-ха не жаловали зеркал, и я до сих пор не узнал истиной причины. Кто-то из них даже не скрывал страха перед отражающими пластинами, мою прихоть считая не только бесполезной тратой денег, но и увлечением рискованным, а сам атрибут — дурным и опасным.

Но я никому, и даже Сапфир или Нискиричу, не собирался лишний раз рассказывать, что они не имеют ни малейшего понятия о *настоящем* одиночестве и способах одержать над этой сволочью хотя бы мнимую победу…

Сапфир прислала короткое сообщение, что лифт с посетителем уже поднимается на этаж. Успев бегло просмотреть на малой консоли утренние новости, я вернулся в гостиную и попытался угадать, что за разговор меня ждет.

Несмотря на то, что с Подверни мы уже пересекались, я никак

не мог вспомнить, кем именно он работает — то ли в мастерской по починке пассажирских фаэтонов, то ли в системе лифтового управления нашего квартала. Но одно знал наверняка: к миру, в котором вращаюсь я и мои знакомые, пожилой чу-ха не имел никакого отношения. Да что там, вчера на ужин я ел острую лапшу, так вот она была куда более криминализирована, чем этот увалень!

Запястный гаппи на левой руке просигналил, что к входной двери приближаются, и я неспешно отпер засовы. Их, как и зеркал, у меня много. Потому что можно быть хоть трижды любимчиком Бонжура, встречаться с Магдой, уметь решать самые деликатные поручения и входить в ближний круг «Детей заполночи», но ты все равно остаешься чужаком, равно как «Комплеблок-4/49» под названием «Кусок угля» остается тысяченорной высоткой, в стенах которой можно без труда наткнуться на угашенного *стрихом**[2]*** торчка, способного на любую глупость.

Я поочередно выгнал на потолок слепки всех трех коридорных камер; убедился, что больше возле моей норы никто не отирается, и лишь после этого окончательно отпер хитроумную запорную конструкцию.

Сдвинув обманчиво-легкую створку в стенную нишу, я жестом пригласил Подверни Штанину внутрь. Из широкого полутемного холла в нору потянуло пригоревшим жиром, мокрой шерстью и сладковатым ароматом *дайзу**[3]***.

Механик вошел, неуклюже переваливаясь на каждом шагу — невысокий, коренастый, похожий на ходячую переспелую грушу. В приглушенном свете потолочных ламп его темно-коричневая масть отливала рыжим; плотный темно-синий рабочий комбез казался черным.

Ни колец, ни серег, ни новомодных штифтов в губах и бровях он не носил, и лишь тонкая цепочка выглядывала из-за ворота серой рубахи с закатанными рукавами. Из кармана торчала пожульканная кепка штормбольного болельщика.

Мой наручный гаппи выдал короткий отчет от сканнеров в дверной коробке: ни имплантатов, ни скрытого оружия гость не имел. От его короткой шерсти несло промышленной химией, волосы выглядели засаленными. В лапах посетителя был зажат легкий держатель с двумя высокими стаканами — традиционный подарок Сапфир.

На пороге Подверни замешкался и многозначительно уставился на бежевые циновки и собственные рабочие ботинки, запыленные настолько, будто были вымазаны засохшим цементом. Я вернул ему молчаливый и столь же

многозначительный ответ взглядом. Он засопел, покорно стягивая обувь.

— Ты это, Ланс, привет… — смущенно протараторил механик, определенно ощущая себя не в своей тарелке. Что, замечу, в текущей ситуации было почти взаимно. — Звиняй, что я без записи, да и не маякнул с вечера, и вообще вот так вот вдруг… я бы не стал, если бы не жена… но она сразу говорит, мол, что если кто и поможет, так это…

Он топтался на месте, не отрывая взгляда от входного коврика и стараясь не поднимать глаз на стены. И уж тем более — на потолок, хоть и изрядно запыленный.

С учетом того, что среднестатистический чу-ха по росту едва доставал мне до переносицы и принятые в обществе архитектурные стандарты комфорта едва ли вызывали мой трепетный восторг, установка над головой зеркальных панелей стала единственным способом расширить границы этой уютной норки-гробика, пусть даже лишь визуально.

— *Куо-куо, пунчи*, угомонись, — я оборвал его бубнеж и постарался улыбнуться максимально дружелюбно. Отражение на ближайшей стене стало похоже на комок мятой резины, и я оставил попытки. — Проходи-ка в кабинет…

И указал рукой в каморку, которую пафосно именовал кабинетом, после чего забрал у гостя стаканы с горячей *чингой**[4]*. Тот покорно последовал указанию, со смешной старательностью поднимая лапы, чтобы не цепляться когтями за оплетку циновок.

Мы вошли в кабинет. Ну, то есть не совсем кабинет, скорее просторный стенной шкаф без окон и зеркал, в который по всем заветам *кизо-дарида**рата[5]* был вбит старый консольный стол, тончайший угловой шкаф, гостевая банкетка и кресло…

Ну, то есть и не совсем «вошли»… Скорее втиснулись. Сперва Подверни, которому вслед был передан один из дареных стаканов, а затем и я сам.

— Я тебя помню? — умело взболтав во фразе вопрос с намеком, я проскользнул за столик в узкое кресло напротив чу-ха.

Тот смекнул — протянув лапу, чиркнул когтем по дисплею дешевенького запястного гаппи, и на кабинетную консоль тут же ссыпалась предельно простая визитная карточка.

Отсалютовав гостю горячим стаканом, я бегло просмотрел данные.

Тут же получив первый ответ — Подверни работал не в муниципальных механиках, он чинил ветростаты южных кварталов Бонжура. С учетом того, что над двадцатиэтажными комплеблоками постоянно парило несколько десятков полых

энергонакопительных сфер, без работы трудяга не сидел, хотя и в список богатейших семейств Юдайна-Сити мог попасть только в наркотических снах.

Более того, по своему виду Подверни определенно оставался в низовых, не стремясь в более обеспеченные бригады обслуги сфер на поводках или рейдах. Вероятнее всего, по самой очевидной причине — подавляющее большинство хвостатых до усрачки боялись высоты, все свои заоблачные здания возводя исключительно в знак превосходства над обидной фобией…

Семья посетителя носила родовое имя Мисмис. Была многочисленной, вполне законопослушной, и ни разу не замеченной в мутных подводных течениях нашего очаровательного районочка.

Пока я вертел на левом безымянном пальце серебристое кольцо Аммы и изучал визитку, Подверни изучал меня. Нервно, смущенно, подергивая носом и пряча взгляд.

Я его любопытство не осуждал. Хотя когда сам впервые увидел чу-ха, коренастых, шерстистых и замотанных в бездонные балахоны пустынных кочевников, никакого удивления не проявил, словно бок о бок прожил с теми всю свою жизнь. Впрочем, кто знает, возможно, так оно и было?

Тишина и напряженность становились неловкими.

— Чем обязан визиту уважаемого чу-ха? — с безупречной деловой улыбкой спросил я и свернул визитную карточку.

— Ох, Ланс… — Подверни всплеснул свободной лапой, так и не пригубив остывающую чингу. — То есть, господин фер Скичира! Прямо и не знаю, как тебя просить, уважаемый, ибо дело таково…

— А ты изложи свое дело, а там посмотрим, — предложил я. — На твоем месте сидело немало почтенных гостей, обращавшихся за помощью в вопросах столь неожиданных и деликатных, что эти стены когда-нибудь покраснеют от стыда.

Совет его приободрил. Подверни Штанину отставил стакан на край столика, сцепил лапы на выступающем пузе и мелко зашевелил усами. В такой близи от клиента я мог разглядеть тонкие розовые шрамы, оставленные на предплечьях механика металлизированными тросами и реагентами.

— В общем, это не я решился к тебе идти, а жена настояла, — облизывая выступающие зубы и когтем теребя лямку комбинезона, зачастил мой визитер. — Дескать, *предчувствие* у нее, а в них она вообще не обманывается. И никак не переспорить дуру! Я уже и успокаивал, и примеры разные приводил, так она все на своем!

Убогая вентиляция кабинета не справлялась. Мой

утонченный перегар почитателя мятной *паймы**[6]*** мешался с тяжелым дыханием взрослого чу-ха, перед сном предпочитающего опустошить винную флягу. Я задумчиво почесывал щетину, Подверни упоенно тарахтел:

— Дескать, искать нужно, да поживее! И кто в нашем районе лучше прочих с такой напастью справится? Верно — господин фер Скичира, улица не врет! Вытолкала меня взашей, еще рассвести не успело…

Я терпеливо молчал, потягивая терпкую вязкую чингу и ощущая, как просыпаюсь с каждым глотком. Когда почуял, что первая словесная атака захлебнулась и пересчитывает раненых, негромко ввернул:

— А что искать-то, Подверни? Клад? Невесту старшему сыну? Вчерашний закат?

— Ох, фер! — глухо пискнув, механик виновато оскалился и даже прихлопнул себя по сальному лбу. — Вот же я дурень! Речь о сыне моем, о Гладком! Жена говорит, в беде наш сыночек, да только что она понимает?! Но отказать ей не могу, потому и пришел…

— Не части, — попросил я и сделал новый глоток. — Расскажи по порядку, хорошо? Поиск пропавших — вполне по моей части. Но для начала было бы недурно понять, есть ли у этого основания. Знаешь, жители Бонжура часто сами хотят, чтобы их не находили. И хватит уже статусов, зови меня просто Ланс.

Подверни Штанину глубоко вздохнул, побеждая волнение. Не то, чтобы мне не льстило нарочито вежливое обращение гостя, но оно отвлекало и не давало клиенту окончательно раскрепоститься.

— Как скажешь, Ланс, — кивнул чу-ха, теперь ковыряя когтем и без того потертую обивку банкетки. — В общем, сынок наш, Гладкий, он уже третьи сутки как дома не появляется. Не то, чтобы я волновался, он уже взрослый, да и за себя постоять может. Но жена со вчерашнего утра места себе не находит. Дескать, почуяла, что Глад связался с дурной компанией и непременно угодил в беду. Найди его, ладно? А уж мы поможем, чем сумеем…

— Улица упоминала о моих расценках? — словно невзначай ввернул я.

— Все, что могли собрать, — виновато потупился Подверни и прикусил губу грязно-желтыми зубами. — Ну и на будущее в долгу не останусь…

Его лапа скользнула за отворот потертого комбинезона и на край стола перекочевала тонкая стопка мятых рупий. Не меньше

пары сотен, но и не больше трех.

Я подобрался и изогнул бровь. Не густо, но мятная пайма из бесплатных муниципальных колонок не течет. Да и никогда не знаешь, на каком из этажей социальной лестницы Юдайна-Сити тебе уже завтра может понадобиться должник…

Даже на первый взгляд в пачке было втрое меньше моей стандартной таксы, но я не стал выказывать недовольства. Одна моя половина была уверена, что бизнес строится как раз на таких крохотных поблажках соседям. Вторая половина призывала не врать и смириться с предустановленной в базовых настройках добротой. Или хотя бы ее подобием.

— Допустим, я возьмусь за твое дело. — Деньги исчезли в кармане обвислого халата. — Но мне нужны детали. Почему супруга решила, что сын в дурной компании? Где его видели в последний раз? Когда, с кем? У тебя есть основания считать, что жена права?

Механик проводил деньги грустным взглядом, на миг его седые уши прижались к голове. Он кивнул, с хрустом отдирая от многострадальной обивки еще одну нить.

— В последнее время его все чаще видели с «гнилохвостыми», — невесело поведал чу-ха, при этом часто моргая. — Сраная шушера, гореть ей заживо… Говорят, его главным дружком стал некий Лепесток Кринго. Скользкий ублюдок, я лично видел, как он выслуживается перед старшаками «гнилохвостов»… Мой сын и Лепесток уже не первый раз вместе пропадали на несколько суток. Но теперь Кринго снова заметили на улицах, а Гладкого и след простыл…

Значит, «гнилохвостые»? Малолетние наркоманы, отрицающие не только власть города, но подчас и влияние уважаемых уличных *казоку**[7]*? Более глупую ошибку Гладкий мог бы совершить, только шагнув в чан с расплавленным оловом.

[1] Повсеместно распространенное портативное устройство с широким набором функций.

[2] Сильнодействующий синтетический наркотик с ярко выраженным действием, быстро вызывает психологическую и физическую зависимости.

[3] Также известное, как «карамель», легализованное психоактивное вещество.

[4] Вареный тонизирующий напиток из полусинтетической смеси, вызывающий легкое привыкание.

[5] Буквально «благородная нищета», философское течение, образ мысли и существования, пронзающий множественные слои гнезд; предполагает уважительно-пренебрежительное отношение к материальным ценностям и образу существования.

[6] Алкогольный напиток крепостью 40–60 градусов.
[7] Ячейка преступного сообщества.

п.1; г.1; ч.2

Я знал, что следующий вопрос будет выглядеть бледно, но задать его был вынужден:

— Ты не пытался лично прижать того крысеныша?

Уши Подверни Штанину опустились, и без того крохотные глазки превратились в щелки.

— Ланс, я же простой работяга, *сисадда*? Когда *борф**[1]* узнал, кто я такой, просто перестал отвечать на вызовы. На сообщения тоже плюет, умолять его бесполезно, а личной встречи я не искал…

Конечно, он боялся. На его месте боялся бы любой обыватель, каковых в Бонжуре, несмотря на всю его репутацию криминальной клоаки, было хоть отбавляй. Впрочем, кое-кто отбавлял, год за годом без какого-либо умысла, но и без жалости обесценивая стоимость соседских жизней, а потому чу-ха вроде Подверни старались голов не поднимать…

Пожалуй, я бы тоже боялся.

Не будь я мной, конечно же.

Ну и не носи я фамилию Скичира, разумеется…

— Не думал обратиться к тупомордым?

Я прекрасно знал, что этот вопрос тоже является лишним, но и его не задать не мог. Чу-ха снова уставился на меня с подозрением и недоумением. К помощи представителей власти соседи по району не обращались, даже когда попадали в куда б**о**льшие неприятности…

— Ладно, забудь, просто уточняю детали…

Я сделал неопределенный жест рукой, и клиент заворожено уставился на человеческие пальцы, лишенные когтей, шерсти и грубых мозолистых подушечек.

Было трудно винить Подверни за это откровенное и даже хамское любопытство, ведь так меня — бесхвостого, жалкого *терюнаши*, — подчас разглядывали даже хорошие знакомые. В глубине души все равно считая или выродком-мутантом, или демоническим посланцем Триждыпроклятого Бансури. Что, впрочем, не мешало им относиться к моей скромной персоне со смесью озлобленного почитания и завистливого уважения. А главное — терпеть в своем мире, не спеша ни перерезать горло, ни сожрать живьем…

— Где Кринго видели в последний раз?

— Болтают, что на орбитах возле «Аркады», — охотно поделился Подверни, в каждом новом вопросе наверняка выискивая подвох — не испытывает ли терюнаши на нем свое

дьявольское умение? — Они там днями напролет торчат, бездельники, но сам я тудой пойти не решился…

— Разумное решение, — совершенно искренне кивнул я. — Сбрось-ка все данные на сынишку… пожалуй, и правда возьмусь за твое дело.

— О, Ланс! — Подверни Штанину подскочил, отчего полысевший хвост хлестнул по стенке тесного кабинета. — Жена будет просто счастлива! Пожалуйста, найди и верни нашего оболтуса, хорошо? Улица знает, как ты умеешь уговаривать! А ты знаешь, что Мисмис в долгу не останутся!

— Постараюсь, пунчи. Постараюсь…

Я выклинился из кресла, всем видом демонстрируя, что аудиенция окончена.

Чу-ха сообразил, поднялся следом и с грацией перезрелого фрукта выбрался в гостиную через узкую дверь. Пошлепал к входу, при этом взгляд механика старательно избегал бессчетных зеркал на стенах.

Он еще что-то бормотал, но в этом потоке заискивающего попискивания не было и толики полезной информации, одни заверения в вечной дружбе и мольбы. Выставив Подверни в подъездный коридор, я снова запер засовы и поднял гаппи к лицу.

Судя по скудной визитке, Гладкий Мисмис был классическим ребенком улиц и по стопам трудолюбивого папаши зашагать не захотел. Только-только вступающий во взрослый возраст, он нигде не работал и не учился, имел пару незначительных приводов в Управление Тетронов и якшался со сверстниками, такими же свободолюбивыми бездельниками.

Именно они в ближайшие год-другой определят судьбу парнишки — или окоченелой тушкой в печь муниципального крематория, или в одну из неисчислимых «вольных» банд с небольшой отсрочкой приговора…

Я был почти уверен, что при должном подходе найти крысеныша не составит труда. И даже без подключения соглядатаев, уличных глаз и ушей, которым Ланс фер Скичира в свое время оказывал полезную услугу или просто платил за информацию — Гладкий казался слишком мелкой сошкой, чтобы подключать к его обнаружению кого-то еще.

Значит, придется прогуляться.

А это значило, что нужно размять мышцы, несмотря на легкое похмелье…

Разминка прошла по несколько сокращенной программе. Точнее, по основательно сокращенной. Если еще точнее — по блиц-варианту, когда с разлапистого контактного тренажера в углу гостиной сначала несколько минут снимают домашние

шмотки, а затем наносят всего лишь дюжину торопливых, но все равно уверенных и точных ударных связок.

Хорошо, не дюжину, а лишь семь-восемь.

Ладно, пять.

Ощущая себя невообразимым лентяем, я все-таки размял ноги дополнительными приседаниями и даже пару десятков раз отжался от пола. Все-таки это лучше, чем отправляться на улицу совсем без разогрева?

Переложив тридцатку в карман брезентовых уличных штанов, остальные деньги я спрятал в потайном сейфе за одним из зеркал. Вернулся в кабинет, забрав остывший стакан Подверни. Снял крышку, залил внутрь пару бульков крепкого, распечатал питательный брикет.

Проглотив безвкусный батончик и запив гаденько-бодрящим коктейлем, раздвинул дверцы платяного шкафа и уставился на свой небогатый гардероб, задумчиво покручивая на пальце кольцо.

Не то, чтобы я любил каждый день таскаться в одном и том же. Но элитных портных в Бонжуре отродясь не водилось, а умения аборигенов ушивать вещи по человеческой фигуре не отличались сверхъестественностью.

Потому выбор оказался быстрым и привычным: черные штаны, плотная синяя рубаха из искусственной шерсти и, разумеется, жилет в черно-желтую клетку — обязательный фетиш «Детей заполночи», который мне было дозволено не украшать.

Завершили гардероб удобные перчатки и зеленое (неоднократно штопанное в местах ножевых или стрелковых пробоев) пальто с высоким меховым воротником и капюшоном. Мой город любил играть с погодой, и если его утро начиналось с теплого ветерка, это совсем не значило, что к вечеру на улицы гнезда не обрушится леденящая пылевая буря.

Остатки алкогольной чинги я прикончил за чисткой единственных ботинок — высоких, удобных и пошитых из толстой вараньей кожи. Еще в первый год моей новой жизни их за немалые деньги переделали на человеческую ногу из армейской модели, подогнанной барыгами Нискирича. По понятным причинам свое сокровище я лелеял, перед каждой длительной вылазкой надраивая толстенным слоем вонючего крема.

В голове прояснилось, мысли потекли мягким потоком.

Поиск Лепестка представлялся мне делом хоть и отчасти рисковым, но вряд ли долгим. Равно как и допрос тупого малолетки. А вот если гаденыш почикал приятеля после нелепого проигрыша в *моннго**[2]*** и укажет, где спрятал труп…

Тут во мне снова начинали спорить два внутренних Ланса.

Первый советовал не суетиться, напустить тумана и еще хотя бы сутки не сообщать Мисмис о закрытии дела. Может, даже потребовать доплаты на непредвиденные расходы. Второй справедливо костерил за меркантильность и молил сразу донести до Подверни Штанину весть о его непутевом отпрыске.

На последнем глотке чинги заткнулись оба — я решил действовать по обстоятельствам. После чего сдвинул потайную ширму в углу и набрал код на механическом замке оружейного шкафа.

Я не мог бы назвать свой арсенал огромным, но бережный уход за его единицами неоднократно выручал меня в передрягах, а потому мной ценился каждый железный друг.

Набросив на плечи портупею, я утяжелил ее запасными кассетами на одиннадцать *фанга**[3]* каждая и подтянул ремни; в саму подмышечную кобуру лег «Молот» — любимый короткоствольный *башер**[4]* с укороченной под мою кисть рукоятью. В чистке не было необходимости, ее я проводил позапрошлым вечером. Крутанув кольцо Аммы на пальце, сунул в карманы кастет и раскладной нож, и надел пальто, скрывая оружие от посторонних взглядов.

Стволы всегда были неотъемлемой частью Юдайна-Сити. Такой же неотделимой от сути города, как суетливая толкотня на разноуровневых улицах, визгливо-продирающая музыка дешевых кабаков, острый неон огромных рекламных слепков и умение выживать, не привлекая внимания Смиренных Прислужников. С первых недель моего пребывания в перенаселенном гнезде стволы стали друзьями, советчиками, наставниками, защитниками и аргументами убеждения. Наверное, в мире, живущем на принципах контролируемой злобы и затаенного коварства, иначе не могло и быть?

А потому машинка, плюющаяся смертоносными стальными иглами, была у любого, кому позволяла мошна. Тетроны на тотальную вооруженность смотрели сквозь скрюченные пальцы крысиных лап, штрафуя или бросая за решетку, только если вылавливали у гражданских *ассолтер**[5]*, гранатомет или иное тяжелое оружие. У меня ассолтер, кстати, тоже был. И даже не один, виновен, хотя такого уровня агрегаты и нечасто покидали пределы тайников…

Все еще не спеша выбираться из норы, я неторопливо проверил содержимое небольшого рюкзака. Заменил картриджи на маске на случай незапланированного выброса из промышленных зон; убедился в наличии легкой фляги с питьевой водой, компактной аптечки, чехла с набором для чистки и легкого ремонта башера, запасных батарей и ароматического

масла.

Отлепил от браслета короткую пластину с заушником и микрофоном, переклеил за правое ухо. Гаппи откликнулся короткой вибрацией синхронизации устройств.

Отдельного внимания заслужили «Сачирато» — глухие очки с дюжиной режимов, скрывающие пол-лица и закрепленные на мягком ободе. Этот подарок Зикро сделал мне лет пять назад, по собственной инициативе переделав окуляры под рельеф человеческой головы. С учетом ночного зрения чу-ха, они оставались моим единственным способом сравняться с местными в полумраке Нижнего Города, а потому удостаивались бережного отношения наравне с «Молотом» и прочим оружием. Проверив и старательно протерев «Сачирато», я уложил их в жесткий футляр и убрал в отдельный карман рюкзака.

Еще раз осмотрел нору и осознал, что более оттягивать поход поводов не найду…

Из десятков зеркал на стенах на меня с хитроватым прищуром пялился самец чуждой чу-ха породы, готовый к очередной вылазке в недружелюбный, непростой и в то же время манящий мир.

Не стану врать, без порции выпивки мои поджилки регулярно подрагивали перед выходом в город. Юдайна-Сити был до краешка полон рисков, враждебных взглядов и до сих пор неведомых мне традиций, каждое нарушение которой грозило чужаку смертоносным ударом в горло.

Но день за днем я осознанно шел на этот риск, сделав окончательный выбор отнюдь не вчера: если передо мной встанет выбор сгнить безумцем в сравнительно безопасной норе или получить ножом в ребра во время очередного заказа, топившего меня в упоительном адреналине, я выберу последнее.

Ну, разве что перед этим опрокину пиалу паймы…

Активировав системы сигнализации, я глубоко вздохнул, вышел в пропахший дайзу коридор «Куска угля» и старательно запер дверь за все замки.

Кучка молодых чу-ха, отиравшаяся в дальнем конце холла, покивала мне со смесью запанибратского уважения и легкой, почти не считываемой угрозы. Приветственно подняв в их сторону скрещенные пальцы, я стиснул зубы и направился к лифтам.

[1] Оскорбительный термин в отношении представителя нетрадиционной сексуальной ориентации.

[2] Азартная игра с использованием специальных фишек-костей для 2–4 участников.

[3] Игловидный поражающий снаряд стрелкового оружия.

[4] Ручное стрелковое оружие, чаще всего одноствольное и компактное, но бывают и исключения.

[5] Ручное индивидуальное автоматическое оружие для ведения длительного и/или дистанционного боя.

Глава 2. ИСКУССТВО ПЕРЕГОВОРОВ

«Кусок угля» я покинул через вспомогательное разгрузочное крыльцо на севере.

Во-первых, дорожил временем, чтобы огибать громадину комплеблока от главного входа. Во-вторых, буду честен, не очень-то рвался отчитываться перед впечатлительной Сапфир, за какое жалкое дело решил взяться и куда направляюсь. Иногда дамам нашего сердца не стоит знать, откуда берутся монетки, которыми мы оплачиваем жизнь…

Широкие подъемные ворота для грузовых фаэтонов были открыты — на парковочной платформе чу-ха в форменных комбинезонах носильщиков выгружали на автоматизированные поддоны десятки новеньких стеклопакетов. Я сделал решительный шаг за порог и Бонжур дохнул мне в лицо перегаром утомленной, никогда не спящей и столь же регулярно не просыхающей многоликой твари.

Вывернув из переулка, я оказался на улице, и снова — пусть даже в тысячный раз, — едва не оглох от шумной бестолковой суеты. Со всех сторон меня окружали крысы, на чьем фоне человечек в зеленом пальто казался жалкой пародией на мыслящее существо, бледный, лишенный шерсти на теле и беспомощно бесхвостый…

Крысы роились, текли потоком, спорили, болтали по гаппи, отчаянно торговались и торопливо перекусывали пряной уличной едой. Здоровенные прямоходящие чу-ха, низкорослые задохлики и широкоплечие гиганты, толстые и худосочные, одетые по последнему писку моды и завернутые в пыльное драное тряпье; с шерстью черной, рыжей, серой и пятнистой, короткошерстые и патлатые; мускулистые и тощие, разукрашенные серебристым пирсингом и объемными цветными татуировками на эпилированных плечах — опасно-зубастые жители моего мира, его плоть и кровь, его разум, чувства и непостижимая логика противоречивого стайного единства.

Разумеется, моих скромных мозгов хватало почти не использовать термин «крыса» в обыденном лексиконе. Слово, настоящий смысл которого я ощущал лишь смутным пятном на задворках памяти, для самих чу-ха считалось восходящим к временам правления Благодетельной Когане Но, и в большей степени имело обидное значение, применяясь лишь для дружеской подначки или прямого оскорбления.

Впрочем, не шибко больше смысла хвостатые раскрывали и в корректном многосложном термине «чу-ха», каковым себя

величали. И все же… сквозь неприступные мыслительные препоны, что стирали мою жизнь вплоть до судьбоносной встречи в пустыне, все же я чувствовал, что у этого слова есть лишь один истинный смысл, от меня игриво ускользавший…

Жадно вдыхая ароматы синтетического жасмина и имбиря, едкого мускусного пота, влажной шерсти и слитых в ливневки помоев, я пересек открытый двор комплеблока и двинулся по Тринадцатой улице на восток, по направлению к перекрестку с Виривага-ню.

В глаза окружающим, по негласным традициям гнезда, старался лишний раз не смотреть. Тем не менее, многие местные замечали и узнавали меня, скрещивая когтистые пальцы в знаке приветствия.

Юркий разносчик питьевой воды, совсем молодой, но уже украшенный оранжевыми проплешинами тоннельных болезней:

— Ланс, что случилось с нами всеми? Когда мы этого не заметили?

— Добрейшего денечка, Пятка, — отвечал я, не останавливаясь. — Все наладится.

Лишившийся нижних лап *ракшак**[1]* — ветеран пустынных кампаний, чью морду пересекали два ритуальных шрама; с добровольно выжженной памятью, так и не накопивший на протезы:

— О, старина Ланс! Тебе ведомо, когда все это кончится?

— Как дела, пунчи?! — переплетая пальцы в ответ, улыбался я.

Старая беззубая чу-ха, собирательница мусора сетовала мне запанибратски, слеповато щурясь на белое пятно человеческого лица:

— До чего Смиренные довели гнездо?! Вот бы пригнать сюда хоть одного из *смирпов*! Поглядела бы я на то, как он станет выживать на улице!

— Куо-куо, уважаемая! Пусть будет целым твой хвост, — привычно кивал я.

И шел дальше.

Прочие обитатели Юдайна-Сити оглядывались, возбужденно скалили зубы и обменивались удивленным писком. Однако в целом, и с этим обстоятельством я свыкнуться успел, большинству на мою скромную персону было просто насрать.

Не то, чтобы обитатели Бонжура привыкли к такому странному соседу… более того, даже за годы моего проживания в его неприглядных границах тут оставались тысячи чу-ха, про диковинку и слыхом не слыхивавших, но…

Наверное, дело было в том, что гигантское многоуровневое

гнездо жило по законам Взаимопроникающего Невмешательства. А потому удивления прохожих при виде бледнокожего хватало ровно на полминутки. Чем, к слову, я предпочитал активно пользоваться, и шага не замедлял.

Тринадцатая шумела, клокотала и пищала полным набором октав. В свете дня неоновая реклама на стенах домов и парящих щитах выглядела блеклой; над головами с гудением проносились легковые фаэтоны.

По середине улицы тек бесконечный поток электрических *гендо**[2]***, балансировавшие на них чу-ха казались комичными в своей сосредоточенности. Время от времени поток двухколесников разливался половодьем, врываясь на переполненные тротуары, и тогда над улицей скрежетала пронзительная брань участников перепалки.

Толчея и суетливость разговаривали десятками диалектов *нихонинди*, в которых можно было выхватить и чопорную нерасторопность обедневших *вистар**[3]***, и невнятные скороговорки пустынных кочевников-манксов, зачастую не понимавших даже речь соседнего племени.

Высоко над водоворотами хвостатых тел, куда целили острые шпили корпоративных высоток далекого Уробороса, парили сферы ветростатов, пристегнутые к городским накопителям сотнями энергопроводящих шлейфов. Великанские ветряки на крышах комплеблоков вертели лопастями в едином гипнотическом ритме.

Набросив капюшон, я умело лавировал в потоке, не отдавив ни одного хвоста. Торговцы уличной жрачкой зазывали громко и надрывно, противно тренькали сигналы сотен гендо, из продуктовых лавок и магазинов с бытовым хламом неслась безумная звуковая реклама, превращая звуки Тринадцатой в безобразную мешанину.

Над кипящим варевом плотной аккустической похлебки доминировали чарующе-скрипящие композиции «Восьмого чувства радуги», которых чаще всего сокращали до «ВЧР» или «8-Ра» — пожалуй, рискну предположить, самой популярной канджо-транс-группы современности; они в буквальном смысле гремели из каждого устройства, способного подключиться к *Мицелиуму**[4]***.

Спасения не давал даже режим шумоподавления, настраиваемый в заушнике «болтушки». Но одно средство все же имелось: в моей голове эта лютая какофония привычно трансформировалась в странную рваную *собственную* музыку, которую я почему-то называл «*джазом*», хотя и сам не понимал значения этого необычного слова. Под его протяжные ритмы улицы ложились под мои ноги куда охотнее и мягче.

Посреди толкательно-акустического безумия бродили сонные, украшенные цветными гирляндами коровы, которых бережно объезжали даже самые нетерпеливые гендисты. Любимых животных Когане Но мягко оттирали на обочины и в переулки (заставляя очередных прохожих визгливо верещать от негодования), но ни в коем случае не били.

Несмотря на бодрящий утренний коктейль, голова начинала гудеть — сказывались последствия вчерашних посиделок со стариками. Хороший был вечерок… Упитанный *сааду**[5]** Пикири снова сыпал старинными мудростями храма «Благочинного Выжидательного Созерцания», а долговязый Подмастерье Ганкона влет подбирал аналогичные из писания Двоеперовой Стаи. Но в итоге все же не выдержал и скатился в привычную колею дружеской перебранки: дескать, природной мудрости чу-ха не занимать было в любые времена, а вот истинное спасение духа стало возможным лишь с самопожертвованием Стаи, позволившей пожрать себя живьем. Спор приобрел привычный накал, заказали еще бутылку, но к тому времени я уже попрощался и двинул домой.

Забавные, все же, старикашки… Такие разные в служении и миропонимании, уже не первый год оба без смущения общались с уродцем Лансом, даже не пытаясь промыть мне мозги. А Ганкона, недавно переведенный в храм на границе Холмов Инкамо, не только не порвал связь со мной и Пикири, но и регулярно мотался через половину города лишь для того, чтобы опрокинуть пиалку-другую в нашей компании. Ну как тут было отказать?

Кроме того, положа руку на сердце, оба по-настоящему нравились мне.

А такого в Юдайна-Сити я мог сказать далеко не про каждого…

[1] Чу-ха, обученный воинскому искусству и отдавший гражданский долг несением службы.

[2] Двухколесное транспортное средство с маломощным электродвигателем.

[3] Представитель высшего слоя привилегированного класса чу-ха.

[4] Единый информационный туман, пронизывающий все слои общества чу-ха.

[5] Служитель религиозного культа Благодетельной Когане Но и прочих представителей ее пантеона.

п.1; г.2; ч.2

За моей спиной остались сразу пять комплеблоков, похожих на «Кусок угля», словно новорожденные одного помета. Здесь, как и повсеместно в нашем восхитительном районе, хозяева балконов и террас тоже продавали перила направо и налево (причем их услугами пользовались не только местные лавочки вроде закусочных или парфюмерных салонов, но и крупные небрезгливые воротилы из Уробороса), а потому огромные фасады до колкой боли в слезящихся глазах пестрели лоскутами вызывающей рекламы.

Справа началась промышленная зона рыбной фермы «Вертких прыгунов». Кроме камер наблюдения, высокий глухой забор венчали бронированные будки охранников, в которых заседали сторожа — чаще всего отставные тетроны, использовать которых для открытого ведения дел на улице считалось дурным тоном даже в Бонжуре.

— *Не вынесла пятая мышка, но четверо так и не дышат…* — задумчиво пробормотал я, и замедлил шаг.

Шагов через двадцать тротуар под забором фермы преграждали светящиеся разметки оцепления. Внутри свето-струнного многоугольника, почти на обочине, распластались тела двух молодых чу-ха, не так давно изрешеченных крупнокалиберными фанга.

Без отличительных знаков казоку, одетые в тряпье, по виду безоружные. Вероятнее всего, поденщики, пущенные в расход после черновой работы. Или залетные, совершившие ошибку. Впрочем, это могли быть и случайные рассветные прохожие, заметившие лишнего…

Вокруг помалу скапливались зеваки и *мицелисты* местных *прокламационных* ресурсов. Неподалеку от убитых приткнулся фаэтон с гербом Управления Тетронов, на его обтекаемое крыло лениво опирались двое «полосатых рубашек», определенно младшие детективы.

Тупомордые с тоской наблюдали, как усталый патрульный в легкой броне фиксирует место преступления на камеру переносной консоли. Детективы жевали листья «бодрячка» и настороженно поглядывали по сторонам — все до одного участники сцены понимали, что прикормленные служители закона тут для проформы, а настоящее расследование будет возложено на истинных хозяев района. Если, конечно, те давно не в курсе случившегося…

Обогнув оцепление и ловко ускользнув от столкновения с

парочкой тренькавших гендо, я зашагал дальше, стараясь не попадать в жадные объективы мицелистов. Над Тринадцатой повисала мутная пыльная дымка, верный предвестник приближающегося полудня, и тусклое солнце уже почти не справлялась с ее ажурной взвесью.

Перекресток с шестиполосной Виривага-ню встретил меня еще большей толчеей — светофоры едва справлялись с разделением потоков двухколесников, над ними неспешно разлетались фаэтоны всех мастей.

Через дорогу в переулке с неприметного фургона торговали нелицензированным мясом. Свиные отрезы, потроха и уши были свалены в металлические поддоны, предусмотрительно накрытые тряпками — качество продукта и методы выращивания нелегальных свиноферм Такакханы вызывали определенные сомнения не только у тетронов, но и уличных казоку, и торговцы немало рисковали.

На всякий случай засняв фаэтон на гаппи, я двинулся дальше.

На углу у офисного здания в рядок сидели пятеро попрошаек, каждый из которых служил одному из покровителей района. Выудив из кармана горсть медных юнов, я подал каждому, почтительно кланяясь в ответ на благословления и пожелания хорошего дня.

Под подошвами загрохотал металл лестницы, уводящей на кольцевой пешеходный виадук. Поднимаясь над суетой перекрестка, я не прекращал внимательно осматриваться. Сигналили гендо, гудели фаэтоны, мычали коровы.

— *Шестая мышка сердцем вышла*, — нараспев пробормотал я в такт играющему в голове «джазу».

Над повседневной суетой и гомоном, одинаково пестрым и опасным, мне виделись течения и границы, заметные только посвященным. Островки уличной торговли дайзу и *опианином**[1]***; скрытые яркими, ничего не значащими вывесками игорные дома для своих; кухни по пересадке органов и установке несанкционированных имплантатов; офисы *манджафоко**[2]*** и букмекерские конторы, пунктирные обрывистые маршруты курьеров.

А еще пятаки, неофициально выделенные под контроль тупомордых.

Один из таких располагался на юго-восточной стороне перекрестка, где традиционно расположилось боевое звено тетронов, как всегда сакральное числом, в удачу которого блюстители порядка веровали всей душой. Подняв забрала, трое патрульных пили чингу и ловко орудовали хаси, с феноменальной ловкостью выуживая из узких горячих коробок

блеклую лапшу.

Как и все прочие товарищи из братства мнимой защиты законов, эта троица (еще будучи кадетами) прошла обязательные операции по укорочению челюстей и усилению их металлическими имплантами, издали даже напоминая людей. Впрочем, в опасной ошибочности этого сходства я убедился далеко не вчера…

В отличие от встреченных у рыбной фермы детективов, патруль был экипирован укороченными ассолтерами, а над трапезничавшими возвышался четвертый, закованный в броню-*кастура**[3]*. В завтраке пилот не участвовал, и его отстраненность вызывала странное ощущение, что вытянутый шлем «моллюска» изучает перекресток со скрытой злобой к каждому из просканированных.

Впрочем, схожее выражение опасливой брезгливости читалось и на почти плоских мордах под открытыми темно-синими касками. «Полосатые рубашки» знали, что почти не имеют тут власти. Но были обязаны ее представлять, с риском для жизни намекая, что если казоку нарушат неписанные правила, по трупам неприкасаемого квартета в Бонжур войдут сотни механизированных «моллюсков»…

Медленно огибая перекресток по крытому кольцевому виадуку, через выбитые пластигласовые окна я заметил и наших. Молодняк из «Детей заполночи» отирался возле крупной продуктовой лавки на северо-западной стороне; троих я знал, еще четверо были новенькими. Что, впрочем, уже давно не казалось чем-то удивительным — рядовой состав менялся с завидной регулярностью, и не было нужды пояснять, куда девались выбывшие…

Все замеченные мной «Дети» были черноплечими, не особо крупными. Одетые в мягкие кепи и неброские просторные плащи, но с неизменными клетчатыми жилетами поверх плотных рубах или маек, они держались расслабленно и вальяжно, одним видом демонстрируя обитателям перекрестка, кто именно поддерживает здесь порядок и соблюдение правил.

На их черно-желтых жилетах было почти пусто, и лишь у некоторых серебрились простенькие значки и нашивки, вроде «устоял один против троих», «прикрыл раненого брата» или «промолчал на допросе».

— Вот же *байши**[4]*… — негромко протянул я, тоже замеченный снизу.

Поднял левую руку, покачал скрещенными пальцами и большинство «Детей» ответило схожими жестами. Кроме двоих совсем уж новеньких, еще не встречавших легендарного

бледношкурого манкса. Ну и, конечно же, юного Прогиба, от радости подскочившего на месте. Что-то пропищав приятелям, тот бросился к ближайшей лестнице виадука, лавируя в потоке пешеходов, словно капля ртути.

Вздохнув, я пожалел, что снова не выпросил у Сапфир фаэтон…

Вообще-то, меньше года назад попав в казоку и получив право носить черно-желтую жилетку, подросток попытался взять себе имя Разрушитель. Но вместо этого, как зачастую и бывает, в самые короткие сроки стал Прогибом. И мне почему-то представлялось, что это имя молодой чу-ха будет носить до скончания времен.

Не могу сказать, что парнишка был совсем уж несимпатичен, но подчас от его желания выслужиться откровенно воротило. Особенно с учетом того, что, вопреки стараниям, на жилете Прогиба до сих пор не осело ни единой регалии…

В общем, Прогиб был неперспективен. Да чего лукавить? У моего крохотного холодильника было больше шансов дослужиться до высоких постов в казоку.

К сожалению, сам парнишка этого осознавать не желал. Как и все бесперспективные существа в мире компенсируя бесталанность навязчивостью и имитацией беспорядочной активности…

— Ланс, куо-куо, добрейшего денечка-утречка! — скороговоркой протрещал Прогиб, с легкостью нагоняя, ровняясь и заглядывая мне под капюшон. — Пожуешь?

Он протянул надкусанный брикет «бодрячка». Вспомнил, что я не употребляю, торопливо спрятал в карман.

— Ага, точно… Вышел погулять?

От парнишки несло дешевым мускусным парфюмом, которым среди рядовых *казоку-йодда**[5]*** не пользовались только мертвые. Пыльные лысые лапы шлепали по бетонному мосту — обуви «Разрушитель» не носил, утверждая, что разделяет убеждения натуралистов. Но большинство «Детей» было уверено, что тому просто жаль денег.

— И тебе не болеть, Проги, — натянуто улыбнулся я, интонацией и проглоченным слогом делая злую кличку чуть менее обидной. — Работа зовет.

— От работы быки дохнут, — то ли пискнул, то ли хрюкнул чу-ха, потешаясь над собственным остроумием. — И нравится тебе этой дурью маяться…

— Увы, станок сломался. — Я направился к спуску с перехода. Заметил, что чу-ха не уловил всей тонкости юмора, и добавил: — Станок, на котором я печатал деньги… Сисадда?

Тот замер и оперся на хвост, будто вкопанный, невольно заставив меня тоже остановиться и даже обернуться. Карие глазки чу-ха затравлено метались из стороны в сторону. Выдавая растерянность, правой лапой он машинально обтер щеку и торчащие усы; из приоткрытой пасти вывалился розовый язык.

Нас огибали прохожие, в большинстве своем состоящие из работяг или торговцев. Некоторые принимались ворчать на затор посреди прохода, но замечали яркую жилетку Прогиба и благоразумно умолкали.

Несколько мгновений юное «Дитя заполночи» на полном серьезе размышляло, что я занимаюсь штамповкой поддельных рупий. Затем в его крохотном мозгу что-то сошлось, и он снова хрюкнул.

— Ты классный, — мелко, но со знанием дела покивал крысюк. — Смешной, парни это ценят. — И затем предложил то, чего я и опасался: — Давай-ка сопровожу.

— Не утруждайся, пунчи, — моя рука совершила легкий взмах со всей беззаботностью, на какую была способна. — Это не займет много времени.

И я снова шагнул к лестнице, спускаясь на восточную сторону Виривага-ню. Предположения тут же оправдались: так просто Прогиб от меня отлипать намерен не был.

— Потопал за пределы Бонжура? — прострекотал он, важно закладывая большие пальцы за черно-желтые проймы. — Нашепчешь, куда?

Я покосился на него, теперь чуть более строго.

— А может, продиктовать код моего банковского счета?

Глаза Прогиба вспыхнули, будто он снова поверил. Но на этот раз чу-ха смекнул чуть быстрее и сразу скуксился.

— Ланс, пунчи… — негромко, чтобы не слышали окружающие, пробормотал он, и я разобрал в его голосе оттенки обиды, — я же просто предписания сверху выполняю…

— Братишка, — я замер на ступенях, снова развернулся к нему и постарался говорить с предельной доброжелательностью, — пожалуйста, не заставляй меня ругаться.

— Нет-нет, что ты?! — испуганно вскинулся Прогиб, выставляя перед собой смешно растопыренные пальцы. — Ланс, только не злись… Просто… ты же понимаешь… Мы с парнями вынуждены рассказать… — Он быстро глянул по сторонам, будто за нами могли наблюдать: — Нискирич будет недоволен, да…

— Он всегда недоволен.

Лестница кончилась, под ногами застучало пыльное полотно пешеходной части Виривага-ню. Пешеходов почти не убавилось,

но общий фон поменялся на менее кичливый и более работящий. Настырный чу-ха не вздумал отставать и сейчас.

— Может, все-таки намекнешь, куда пошел? — осмелился он, вновь нагнав, но теперь отставая на полкорпуса.

— Ты провоцируешь, — спокойно предупредил я, без оглядки показав ему левый мизинец.

Вместо того, чтобы оскорбиться на жест, Прогиб с понимающей заботой погладил меня по предплечью.

— Все-все, Ланс, умолкаю, не кипятись, брат… я просто узнал, не нужна ли поддержка… Ты ведь знаешь, что я всегда приду на выручку, если будет нужно, сисадда? Ты спрашивай, в любой момент зови! У тебя ведь есть мой личный номер, так?

— Передавай парням привет, Проги, — отрезал я на ходу и красноречиво покосился на него из-под капюшона.

И только тогда Прогиб отстал, пробормотав «конечно, пунчи». Оперся на хвост, тяжело вздохнул и на секунду поник.

Но такие не умеют долго унывать, и вот он встряхнулся, пригладил шерсть на макушке и по-хамски двинул к «Детям заполночи» прямо через унылый поток шестиполосной трассы, каплей масла огибая многочисленных гендоистов и покрикивая на водителей вставших на колеса фаэтонов.

Убедившись, что прилипале достало мозгов не устраивать слежки, я ускорил шаг.

Вокруг раскинулись привычные пейзажи Виривага-ню: закрытые фабрики, коробки торговых центров и серые жилые монолиты с превеликим множеством маникюрных кабинетов на нулевых этажах — следить за когтями и гигиеной хвоста для чу-ха считалось непременной обязанностью, несмотря на уровень достатка и социальное положение.

Несмотря на то, что местные многонорные комплеблоки были еще скромнее и многим выше, чем «Кусок угля», выглядели они чуть более жизнерадостными и… позитивными?

Через пару кварталов на пути оказалась сложноуровневая развязка, уводившая в Нижний Город. Десятки противоречащих друг другу светофоров непрерывно мигали в им одним известном порядке, истиной сути которого не ведал и самый заправский водила; те, к слову, по большей части игнорировали яркие световые предостережения, предпочитая полагаться на интуицию, реакцию, добрый случай и крепкую глотку.

Неспешно обойдя колодец эстакад, я прошел вдоль забора парка ребристых коммуникационных вышек и еще через полкилометра оказался на проспекте Смиренного Служения.

Пешеходов стало еще чуть меньше, фаэтонов — чуть больше. Знакомые морды и наряды все еще встречались, но не так много,

что позволяло максимально раствориться в окружающей толпе. Время от времени в ее вихрях еще мелькали пятна «Заполночных» жилетов, но теперь публика была основательна разбавлена представителями и других казоку. Те, кто узнавал, провожали взглядами и скалились, но беззлобно, по большей части с любопытством.

Все они уважали меня… но недостаточно, чтобы не таращиться.

Все они боялись меня… но недостаточно, чтобы убить.

Возле старинного храма Двоепервой Стаи я ускорил шаг: громадина «Аркады» вздымалась прямо за острой крышей скромного трехэтажного строения, но перед ним ожидаемо приплясывали громкоголосые проповедники.

«*Преступи огонь и поговори с нами, сестра*», распевали последователи Стаи, разряженные в серо-зеленые балахоны: «*Мы сбережем и очистим твои тайны!*».

Порог храма символически перечеркивал прозрачный свето-струнный слепок — стена изумрудного пламени.

«*Брат, сбрось с сердца гнет преступлений и дурных поступков*», зубасто улыбались зазывалы, разбрасывая на «болтушки» расписание храмовых служений: «*Поведай мудрым Подмастерьям Пастухов о черном и дурном! Отмойся от скверны и войди в воинство Стаи*».

Многие прохожие недовольно щерились в ответ, спешно включали антирекламные фильтры заушников и прибавляли ходу. Ничего удивительного… Во-первых, большинство обитателей гнезда проповедовали кармическую Смиренность и вообще не верили в пришествие Стаи. А еще считали верховенство Подмастерьев зажравшимися на подношениях бездельниками, а «откровенные исповеди» — ювелирным инструментом остававшихся в тени смирпов для шпионажа и социального управления.

Вторую точку зрения я был склонен всецело разделять, а потому еще глубже надвинул капюшон и торопливо обогнул служек. Проповедники и барельефные колонны церкви Двоепервой Стаи остались за спиной, и я наконец позволил «Аркаде» обрушить на себя поток безвкусного великолепия.

Фонтанируя ураганами ослепительных красок, панели игрового центра калейдоскопили десятками непрерывных рекламных заставок; голосами игровых персонажей они вопили на пешеходов из скрытых динамиков и растянутых вдоль стен экранных полотнищ.

Невыносимо яркий и громкий, комплекс казался огромным поддельным украшением. По внешним орбитам его хаотично

опоясывали переплетенные серпантины узких бетонных эстакад, с которых желающий попадал на любой из уровней здания. А уж внутри…

Я бывал там пару раз, и мог с уверенностью заявить, что намеренная запутанность постройки давила на психику даже самых стойких завсегдатаев. Что, разумеется, заставляло искать спасения в уютных игровых салонах, каковых «Аркада» предлагала великое множество: от простеньких кабин-симуляторов или продымленных залов *тайчо**[6]*** (погонять шары тонкими шестами хвостатые любили не меньше денежных пари), до сложнейших консольных систем с легальными психостимами или пропитавшихся дайзу ячеек забвения в иллюзиумных очках. Что ж, чу-ха были невероятно азартны и легкозависимы…

Любопытно, но прижимавшая комплекс лапа была вовсе не бандитской. Впрочем, было бы странно, если бы и здесь Смиренные Прислужники не решили воспользоваться кипучей природой своего народа. Казоку Бонжура и сопредельных районов уже не первое десятилетие облизывались на лакомый кусок. Но, пусть смирпы и пропагандировали Взаимопроникающее Невмешательство, отдавать «Аркаду» даже не помышляли.

Отцы казоку бессильно шипели, пытались подобраться то так, то эдак, но оставались ни с чем, вынужденные и по сей день снимать грязную пену в виде продажи «аркадникам» наркоты и кодов взлома особенно сложных игр…

Перед центром было не протолкнуться от молодых зазывал, разряженных в дикие наряды персонажей игровых новинок и ходячей еды из местных забегаловок. Как и Подмастерья Стаи, все они пищали дурными голосами, крутили в лапах светящиеся указатели и беспрерывно шоркали по запястным «болтушкам», разбрасывая на устройства прохожих скидочные купоны.

Я придержал капюшон и задрал голову. На многоуровневых бетонных мостках-юбках «Аркады» традиционно ошивался бездельничающий молодняк, причем как вполне законопослушный, так и предельно мерзотный.

Такой, как я искал.

Мне не хотелось даже предполагать, что будет, если для поиска Лепестка придется войти внутрь. Да что там, я бы в Такакхану шагнул с большей охотой, чем в это царство повернутых на праздности…

Осмотр подступов занял почти четверть часа. Внеся необходимые пометки в свето-струнную карту гаппи, я направился к ближайшей пешеходной эстакаде, стараясь не реагировать на визгливые призывы живой рекламы. К счастью, кроме них на меня особого внимания почти никто не обращал.

Замусоренные мостки отнюдь не пустовали. То здесь, то там на террасах комплекса кучковалась уличная молодежь, жующая «бодрячок» или вдыхающая сладкий дым дайзу-карамели. Некоторые смотрели с подростковым вызовом, но большая часть предпочитала разумно игнорировать.

Сунув руку в карман с кастетом, я расслабленным шагом огибал тесные компании чу-ха, на наиболее дерзкие взгляды отвечая легким шевелением губ. Нехитрое запугивание помогало, заставляя тупиться даже самых нахальных крысенышей.

Открытые лифты на верхние уровни уже находились передо мной, когда за спиной поднялся нестройный гул толпы. Опершись на разрисованный похабщиной бетонный парапет, я выглянул на проспект Смиренного Служения. К торговому центру напротив «Аркады» шустро, но без лишней суеты стекались стаи чу-ха — в отдел Заботы завезли груз продовольствия по бросовым ценам. Сотни местных, мгновенно прознавших об этом, тут же устремились за дешевыми брикетами. И я, признаюсь откровенно, едва не поддался соблазну отложить поиск Лепестка, чтобы тоже влиться в их голосистые очереди…

Одна из десятка лифтовых платформ подняла меня почти к самому верху «Аркады». Высадившись на нужном кольцевом балконе, я неспешно двинулся в обход здания, внимательно вглядываясь вниз сквозь серпантины бетонных изворотов.

Взгляд скользил по группам бездельников, круглосуточно отиравшихся по орбитам и спускавших родительские денежки на развлечения и наркоту. Без труда выявлялись невидимые ареалы влияния, куда был заказан вход представителям чужих компаний: вот тут зависают «аркадники» со стажем, а там любители исключительно игр на деньги, вон заметны стайки мелких барыг, а там осели детишки из обеспеченных семейств…

Нашлись, разумеется, и «гнилохвостые».

Молодые, одетые в вызывающе рваное тряпье, при этом не самое дешевое, они занимали сегмент одной из самых широких бетонных орбит тремя ярусами ниже моего. Яркие, покрытые зеленой флуоресцентной краской хвосты были заметны издалека.

Мелюзга облюбовала площадку возле автоматов по продаже напитков и питательных батончиков, а один прямо сейчас «украшал» жестяные борта вязью витиеватых символов из баллончика с краской.

Облокотившись на парапет и стараясь не высовываться, я поднес гаппи к лицу и вывел на свето-струнный дисплей информацию, сброшенную мне Подверни Штанину. Сверил, хмыкнул.

Яри-яри, легче легкого! Лепесток почти сразу обнаружился

среди десятка юных хулиганов. Хвоста Кринго еще не красил, но шпана определенно считала его своим.

Выставив руку с «болтушкой» за край, я неспешно заснял на ее камеру расположение спусков и подъемов. Затем пару минут чертил на дисплее, выстраивая возможные варианты отхода и не забывая поглядывать вниз — Лепесток никуда не спешил, медленно, но верно накачиваясь дымом «карамели».

По спине прокатилась волна прохладной дрожи. Прикрыв глаза, я несколько раз провернул на пальце кольцо Аммы, а затем достал из внутреннего кармана пальто плоскую фляжку. Глоток обжигающей паймы опалил изнутри, но волнение притупил. Снова нащупав в кармане кастет, я двинулся к спуску.

[1] Полулегальный синтетический наркотик.

[2] Операторы, инженеры-проектировщики, отладчики и разработчики новых моделей синтосексуалов.

[3] «Моллюск», легкий антропоморфный танк.

[4] Негативное определение личности, неразборчивой в интимных связях и вступающей в них с любым желающим.

[5] Боец ячейки.

[6] Невероятно популярная игра на специальном столе с воротцами по бортам, с применением шаров-битков и специальной тычковой биты.

п.1; г.2; ч.3

«Гнилохвостые» заметили не сразу.

Зато когда заметили, воздух мгновенно стал густым и плотным — стихли разговоры и смех, оборвалось шипение баллона. Разворачиваясь к чужаку, они растерянно переглядывались и поводили усами. Растерянные, ошалелые, от неожиданности и страха готовые всерьез разозлиться. Один из самых молодых даже приподнялся в боевую стойку, зашипел и оскалил мелкие зубы.

Лепесток тоже замер, так и не передав напарнику обрывок фольги с рассыпанной по нему жженой «карамелью». Вблизи было заметно, что мой клиент отличается от дружков — и возрастом, и мастью.

Удобная уличная одежда Кринго тоже была намеренно драной, но не в таких масштабах, как у приятелей; темно-серую шерсть над левой бровью удалили широкой полосой, на которой сразу с двумя ошибками было вытатуировано «Гордость».

— Привет, мудила! — широко улыбнулся я, глядя прямо на Лепестка. — Нужно поговорить…

Через мгновение он с писком рванул прочь. Фольга с наркотиком полетела в сторону, в другую упал отшвырнутый с дороги «гнилохвостый».

Мятная пайма в моем желудке предложила рассмеяться, что я и сделал, еще сильнее перепугав обалдевших «гнилохвостых». Подмигнув молодым чу-ха, я легко развернулся на пятках и бросился в противоположную сторону.

Силуэт Кринго виднелся на внутренней орбите «Аркады». Во все стороны шарахались возмущенная паникой мелюзга. Вслед беглецу неслись проклятия и угрозы, но он мчал, даже не огрызаясь.

Вот Лепесток оседлал парапет, собрался комком и сиганул на один уровень вниз. Верткий ублюдок, ничего не скажешь. Но гаппи на моем запястье тут же подсказал, по какому из заложенных сценариев все будет развиваться дальше.

Вскарабкавшись на ограду мостка, я тоже прыгнул, приземляясь на орбиту чуть ниже и левее. Приземлился не очень удачно, чуть не отбил колено, но смог сохранить равновесие и тут же бросился дальше. Крысы разбегались с моего пути, встревожено скалясь и шипя.

Теперь Кринго бежал по параллельной спирали, едва ли замечая, что я нахожусь совсем рядом. Голова его вертелась, но угрозу бегун выискивал только наверху.

— Байши… — сквозь зубы выдохнул я и едва удержался от соблазна обернуться.

Судя по нарастающему за спиной шуму, дружки Лепестка тоже включились в гонку. Вереща, визжа и яростно бранясь, «гнилохвостые» катились по борту «Аркады» волной драных курток и плащей; расшвыривали зевак, что-то вопили моему клиенту.

Со стоном взобравшись на очередной парапет, я снова спрыгнул. Теперь Лепесток остался выше меня на полтора уровня, но предсказать поведение этого дебила я мог бы и без умной «болтушки».

Под ногами шуршал бетон, во все стороны летели пустые бутылки, фольга, ингаляторы и обертки от батончиков. Сердце колотилось, изгибы мостка сливались в размытую серую ленту. Заметив над собой мелькнувшего Кринго, я увеличил скорость.

Сердце уже не стучало, оно колотилось о ребра. В глазах пульсировало и темнело. Организм начинал намекать, что совсем скоро мне предстоит выбрать — или мы остаемся дружны и сбрасываем темп, или он задернет занавес и заставит меня прилечь.

Проклиная лень, отсутствие полноценных тренировок и избыток паймы, я сиганул с очередного парапета и едва не грохнулся на головы двух молодых, модно одетых самочек. Те завопили, зашипели и рванули от меня с такой скоростью, что им бы позавидовал и Кринго.

Теперь от проспекта Служения меня отделяло всего 3–4 уровня орбит. От Лепестка — два. Я прорвался через неожиданный затор из чу-ха (здесь торговали нелицензионными играми) и скатился по выщербленным ступеням. Вслед мне шипели, швыряли пустые банки, но ударить или укусить не попробовал ни один.

Адреналин топил сознание в диком азарте охоты, пусть даже на такого плешивого зверька, как Лепесток. Упиваясь его переизбытком и умоляя сердце продержаться еще чуть-чуть, я несся по дуге вокруг «Аркады», едва не подвывая от удовольствия.

И все-таки взвыл — ровно в тот момент, когда слабоумный Кринго спрыгнул с вышестоящей эстакады, приземляясь ровно передо мной.

Я выставил плечо, рванулся в финальном броске и со всей дури вломил беглецу по правой лопатке. Чу-ха пробороздил пыльный бетон, его хвост больно хлестнул меня по бедру.

Левой рукой ухватив Лепестка за плотную куртку, я рывком перевернул его на спину, но тот вывернулся и едва не тяпнул меня за пальцы. Снова притянув его к себе, я выдернул из

кармана кулак с кастетом и близко познакомил железку с животом хвостатого ублюдка.

Кринго захрипел, брызнул сладкой слюной, сложился пополам и попробовал прикрыть морду лапой. Я ударил еще раз, теперь в его левый бок и чуть слабее, встряхнул клиента и отшвырнул к шкафу-автомату по продаже нюхательного «бодрячка».

Удерживая Лепестка за воротник, я замахнулся ему в челюсть, но он уже сдался — хвост поджался к нижней лапе, скрещенные верхние закрывали глаза, а сам чу-ха был готов завалиться на спину в жесте покорности.

— Ум… ни… чка… — прохрипел я, снова встряхивая крысеныша и разворачиваясь.

Вовремя…

За моей спиной нарисовались сразу семеро «гнилохвостых». Двое держали в пальцах длинные узкие ножи, остальные бесновато скалились и подергивали когтями.

— Не… стоит… этого… делать… ребятки… — все еще задыхаясь, попросил я.

Быстро скинул кастет в карман пальто и приоткрыл полу, демонстрируя рукоять «Молота».

Вид башера подействовал на «гнилохвостых», как распыленный в носы экстракт перечной мяты. Они тут же (разом, всей стаей, будто по команде) осеклись и сдали назад. Ножи исчезли в складках изрезанной одежды.

Впрочем, далеко убираться уродцы не спешили — огрызаясь на случайных прохожих и разогнав с орбиты всех возможных свидетелей, они скакали в десятке метров справа, выкрикивая угрозы и кроя меня матом.

— Это не по правилам… — только теперь восстановив возможность дышать, проскрипел Кринго.

— У меня нет правил, — сказал я и надавил ему на сломанное ребро.

Не стану врать, давно хотел вновь обронить эту чудесную мужественную фразу, да вот что-то случая все никак не представлялось…

— Все-все, сдаюсь, — едва слышно пробормотал Лепесток, одновременно выпуская когти и готовясь к удару. И тут же заверещал, когда я усилил нажим и заставил его опустить лапу: — Ах ты, борф! Хватит-хватит, умоляю…

— Нужно потолковать, — стараясь дышать как можно менее шумно, повторил я. — Ты вообще в курсе, сколько в рупиях стоит минута моего бега?

В темных, одурманенных дайзу глазах Лепестка мелькнуло

«удивление Прогиба».

— Нет. А сколько? — окончательно сбитый с толку, спросил он.

— Вот ты дебил… — хрипло выдохнул я, едва не расхохотавшись ему в морду. — Сиди смирно. Еще раз побежишь, буду стрелять. Сисадда?

— Да не побегу я…

— Сисадда?!

— Да. Отвечаю!

— Посоветуй своим дружкам отвалить! Скажи, я не причиню тебе вреда.

— А ты не причинишь?

— А ты проверь.

— Ладно… эй, парни, остыньте! Не глупите, мы просто поговорим!

Те, конечно же, не остыли. Но пыл поумерили и в атаку бросаться не спешили.

Я отпустил воротник клиента, и чу-ха сполз к основанию торгового автомата. Заметив, что он пытается обвить мою ногу хвостом, я наступил на лысый розовый кончик и снова надел кастет.

— Не обоссысь, Лепесток. Просто потолкуем, понял?

Тот заскулил, пытаясь выдернуть хвост из-под массивной армейской подошвы.

— Какого *уя тебе нужно, белый борф?! — пропищал он, снова прикрываясь лапами, словно я уже метил ему точнехонько в «Гордазть».

— Нужно, чтобы ты успокоился, пунчи, — совершенно честно ответил я, старательно калибруя дыхание и не забывая поглядывать в сторону «гнилохвостых». — А потом ответил на пару вопросов…

Сердце все еще пыталось покинуть грудную клетку, и я понимал, что если дело дойдет до «низкого писка», толку в нем будет чуть менее, чем ноль.

— Байши, я вообще не понимаю, о чем ты! — плаксиво пропищал Лепесток. — Не трогай меня, пожалуйста, я не хочу стать…

— Заткни пасть, — попросил я, плотнее пристраивая кастет на пальцах перчатки. — Заткнись, перестань называть меня гомиком и сиди молча, пока я не заставлю тебя говорить. Ясно?!

— Ясно-ясно, — казалось, Лепесток сейчас разрыдается, а от его хулиганской разнузданности не осталось и следа. — Только не заколдовывай меня, умоляю!

Я невольно усмехнулся. Всегда приятно осознавать себя

знаменитым.

— А есть необходимость?

Лепесток уставился на меня снизу вверх, как будто и правда размышлял над вопросом. Губы его подрагивали, на подбородок стекала алая от «карамели» слюна. Теперь он почти лежал на спине и не предпринимал и попытки побега или сопротивления.

— У меня есть вопросы, Лепесток, — наконец отдышавшись, подтвердил я, но негромко, чтобы не разобрали все еще негодующие поодаль «гнилохвостые». — Ответишь честно, и я не стану позорить тебя перед дружками. Ты же ответишь?

— Отвечаю! — снова взвизгнул Кринго.

Отлично. Легкие болели, а в воздухе воняло, но я заставил себя дышать полной грудью. Чаще всего эти твари бегали значительно быстрее меня, а при необходимости умели делать это еще и на четырех костях, так что если бы не дурь, которой они себя травили, за всю «карьеру» я не догнал бы ни одного урода…

— Ладно, начнем. — Я присел и показал ему башер в расстегнутой кобуре. — Даю пять минут, у меня плотный рабочий график.

— И чо ты хош?

— Ты это знаешь, Лепесток, — мой голос вкрадчиво понизился. — Где твой приятель Гладкий?

Глаза крысеныша распахнулись, словно он услышал невероятно дурную весть. Чу-ха собрался в комок, чуть ли не опоясывая себя хвостом, и замотал головой так, что усы почти били по ушам.

— Не знаю, *терю*, отвечаю тебе!

— За каждую ложь я стану бить тебя еще раз, — охотно кивнул я и приподнял кастет.

— Да не знаю! — простонал Кринго, и сделал это до того естественно, что я почти поверил.

Неужели след с уличным дружком оказался ложным? Твою же мать, только этого не хватало… Поиски, казавшиеся мне задачей не более сложной, чем съесть миску лапши, грозили перерасти в нечто более муторное…

— Где ты видел Гладкого в последний раз? — спросил я и снова надавил на сломанное ребро Кринго.

— Ай, сука… Вчера, вчера я его видел! Поздно вечером! Мы вместе пошли в уютный дом Черных Юбок, но там разбежались!

Моя бровь изогнулась, что лично сам я считал проявлением неподдельного интереса. Уютный дом Заботливой Лоло? Для такой швали, серьезно?

— А ты, выходит, сюда здоровье после ночной гулянки поправить пришел?

— Ну да… у парней всегда лечево найдется… мы вчера знатно убалбесились…

Справа, перегородив мост и бранясь с «аркадниками», все еще бестолково суетились «лекари». Бредущие по параллельным орбитам зеваки с интересом глазели на допрос Лепестка, немало морд я заметил и в окнах самой «Аркады». Но никто ожидаемо не лез и, уж тем более, не снимал на гаппи, потому что за такое «болтушку» могли и отобрать. Вместе с лапой, на которую она надета.

— Откуда у такого дерьма, как ты, Лепесток, деньги на благополучный салон культурного отдыха? — спросил я.

И прислушался к собственному голосу — готов ли применить умения, если таковые потребуются? Пока не совсем…

— Тебе-то какая разница, мудила? — вдруг гневно вскинулся Кринго, и даже оскалил зубы.

Я ударил его еще раз. Без особой силы, но кастетом в челюсть, так что какое-то время твердой пищи пареньку не жевать. Лепесток захрипел, закрылся лапами и перевернулся на бок.

— Хамить не нужно.

— Ладно… ладно… байши… мой жуб…

— Откуда у вас нашлись деньги на дом Черных Юбок?! — спокойно повторил я.

— Кароч… мы провернули одно дельце, — неохотно проскрежетал Лепесток, ощупывая опухающую челюсть. — Рупий подняли чутка… Ничего трудного, и без мокрухи, Стаей клянусь!

Я подался вперед, ощутив на загривке неприятный холодок будущих неприятностей.

— Что за дело?

— Терю, отвечаю, тебя это правда не касается, — страх и боль в глазах мелкого уличного бандита вдруг сменились чем-то еще, и я вдруг понял, что для раскопок *именно этого* дерьма без «низкого писка» не обойтись. — Ты знаешь законы улицы, терю… и ты не тупомордый, так? Так что если слухи не врут, и тебя реально опекают «Дети», то лучше забери вопрос…

Я показал ему край жилетки и задумчиво пожевал губу. Насчет «нет правил» я, конечно, погорячился. Но чужую правоту признавать умел.

— Яри-яри, так это правда… — зачарованно пробормотал Кринго, не отрывая взгляда от черно-желтых клеток. — Ну дела…

— Гладкий, — напомнил я, поигрывая кастетом. — Уютный дом. Что еще?

— Да ни*уя, — вздрогнул Лепесток, жалостливо косясь на беспомощных дружков. — Только не заводись! Пришли мы,

оттянулись… Гладкий остался с *кукуга**[1]***, он по этому синтетическому делу с детства слюни роняет… Хорошая самка, ничо не скажешь, толково сработанная… в общем, он ее купил надолго и сразу с комнатой. Уходил я один, и уже ночью начались звонки от его долбанутого папашки…

— И ты свалил без приятеля?! — прищурился я, наклоняясь к чу-ха сквозь дурман из страха, мускуса и «карамели».

— А чо бы и нет?! — скривился Кринго. — Гладкий взрослый малый.

Я отстранился и с трудом удержался, чтобы не сплюнуть.

Организм окончательно успокоился, извинился за дерзкий ультиматум и предложил вечером опрокинуть пиалку-другую. В честь незапланированных занятий бегом и ударного укрепления сердечно-сосудистой системы. Но чтобы обязательно керамическую, и с листиком гидропонной мяты на донышке, как в Юдайна-Сити пьют только самые отмороженные, кто не блеванет от опасного запаха. Ну и единственный человек, разумеется…

— И тебе не было интересно, где пропал кореш?

— А он пропал? — удивился Кринго. — Байши, терю, мы тут все только и делаем, что пропадаем. И ваще это не впервой… Отоспится да появится, с какой стати истерику развели?!

Самое обидное, что в словах крысеныша было очень много истины. Процентов на сто, если навскидку.

— Почему побежал от меня?

Ловкая смена темы отвлекла Лепестка от собственного вопроса.

— Да еба… ты себя со стороны-то видел, терюнаши? — Чу-ха мелко захрюкал в приступе нервного смеха, но почти сразу скривился от боли в боку. — В общем, только как другу, сисадда? Дельце то, про которое я упомянул, но говорить не стану… Я думал, ты за него кусаться пришел.

Его уши вдруг прижались, когда между ними промелькнуло запоздалое озарение:

— Ой, Ланс, только не подумай, я тебе чем угодно отвечаю, мы «Детей» никак не задели! Отвечаю со всем уважением к Нискиричу, вашу казоку это вообще не трогает! Улица живет, как умеет, сам знать должен…

Глядя ему в глаза, я медленно кивнул.

Конечно, я мог бы хорошенько тряхнуть уродца, причем прямо тут, на виду у десятков прохожих и «гнилохвостых». Тряхнуть и понять, где поганец врет, а где говорит правду.

Но пульс все еще постукивал в висках, да и публичная засветка талантов не казалась гениальной идеей. Значит,

придется навестить уютный дом. И уже после, если понадобится, снова отловить Лепестка, отвести в укромное место и…

— Ладно, бегунок, можешь валить.

Я поднялся на ноги и скинул кастет в карман.

— Я правду сказал, отвечаю… — с обидой пробормотал Кринго, тоже понимаясь и отряхивая со штанин налипшие обертки.

— Проверю.

Лепесток поморщился, прикоснулся к ребрам и заковылял к дружкам, его хвост обреченно волочился по бетону. На матерого пасюка, способного обмочиться от страха и при этом хладнокровно и достоверно врать, он в моих глазах определенно не походил.

«Гнилохвостые» мгновенно обступили приятеля. Похлопывали по плечам, предлагали дури, расспрашивали обо мне, при этом не забывая шипеть и плеваться в сторону «белого терюнаши».

Подмигнув шпане, я бочком добрался до ближайшей лестницы и спустился на самую нижнюю орбиту «Аркады». Вслед мне неслись проклятья, угрозы и летел мелкий мусор. Молодые крысы визжали, скакали и потрясали обрезками труб. Не спеша надевать капюшон, я следил, как бы кто из малолеток не выхватил ствол, но больше никак реагировать не спешил.

На угрозы и брань мне было наплевать. Если бы за каждое оскорбление в свой адрес я получал по десять юнов, то уже давно бы стал миллионщиком…

Помахав «гнилохвостым» с первого уровня, я шагнул на площадку перед игровым центром. Ряженые рекламщики перед входом расступались, с опаской поглядывая наверх, откуда все еще доносились визг и шипение.

— Малолетние дебилы, — пробормотал я себе под нос.

Оставалось надеяться, что с возрастом это поколение поумнеет, как всегда и бывает. Потому что иначе это чудесное гнездо обречено на деградацию и вымирание…

Я застыл на месте, потер лоб, медленно вынул флягу и сделал большой глоток паймы. Осознание того, что в моей голове сейчас распинался дряхлый дед, угнетало и забавляло в равной степени. И все же, ну его на*уй…

Обойдя переполненную площадь перед «Аркадой», я направился к спуску на станцию сквозного транзита. Пара патрульных тупомордых провожала меня ленивыми взглядами. Может быть, они и застали веселенькую гонку по бетонным орбитам, но без веской причины вмешиваться не спешили.

Беготня за кретином Кринго и его же допрос заставили меня

основательно вспотеть — почти все оставленные за спиной чу-ха заинтересованно отрывались от дел и поворачивались в мою сторону, смешно двигая влажными носами.

Негромко выругавшись, я на ходу стянул с плеч рюкзак, нащупал внутри пульверизатор с ароматическим маслом и щедро опрыскался, отсекая излишнее внимание к своей персоне.

Лепесток, долбить тебя копытом, почему ты не мог обойтись чем-то вроде «*конечно, Ланс, с Гладким все в порядке, он отсыпается в одном из наших притонов*», или «*Ланс, пунчи, его вчера вечером замели «полосатые рубашки», можешь взять отчет о задержании в УТ*»? Бесхребетный борф, вынудивший меня тащиться в чужой район!

Значит, остается отработать зацепку с уютным домом.

Ладно, не привыкать. В общем-то, именно в этом, а вовсе не в погонях и потасовках, и состояла моя рутинная повседневная работа: отрабатывать одну мысль-версию за другой, двигаться поэтапно и неспешно, скучно и монотонно. Именно так, шаг за шагом, шесть лет назад я и нашел Амму фер Скичиру. А вместе с ней и подобие семьи…

Из спускового тоннеля на транзитную станцию потянуло гадкой сыростью, ржавчиной и обалденным запахом тысяч набитых в вагоны чу-ха. По широкой лестнице в обе стороны тек плотный поток пассажиров.

Собравшись с духом, я двинулся вниз. Чтоб тебя псы загрызли, Лепесток Кринго! Я посещу уютный дом Лоло, и для нас обоих будет лучше, если не солгал. Последним вопросом стоимостью двести семьдесят девять рупий оставалось лишь, смогу ли я найти там новую зацепку?

[1] Синтосексуал высшего уровня.

"Ломкая горечь"

Всем добрейшего денечка, мои сладенькие!

С вами снова самая откровенная мицелистка Юдайна-Сити — Моноспектральная Чапати, и очередной выпуск новостей криминально-аналитической станции «Ломкая горечь».

Наша объективность в освещении событий города и района гарантирована нашей анонимностью и неуловимостью. А это значит, вы получаете самые острые, свежие и неподкупные новости, причем раньше прочих, и число ваших одобрений уверенно подтверждает необходимость нашей дальнейшей работы.

Коне-е-ечно, мои ненаглядные, «уважаемые семейства» великого Юдайна-Сити могут и дальше, причем сколь угодно долго, угрожать станции закрытием, а его прокламаторам — непосредственной физической расправой. Но им никогда не вычислить Моноспектральную Чапати, что дает ей повод и дальше открыто освещать самые неприглядные происшествия Бонжура и не бояться давления.

Разумеется, многое в наших расследованиях строится на первых слухах и шепоте улиц. Но Чапати честно предупреждает об этом, и выводы вы делаете сами. Но не хуже своих соседей знаете, что если улица шепчет, у этого есть все основания!

А вести у Чапати сегодня не самые добрые. Потому что в нашем родном районе, мои любознательные, совсем скоро может разразиться самая настоящая война. Вы спросите, ради чего и кому она нужна? Моноспектральная ответит: ради богатства и власти, конечно же. Неужели когда-то в Тиаме воевали за нечто иное?

Мы всей душой верим, что дальше локальных стычек дело не пойдет. Но предупрежден — значит вооружен! Так что будем готовы и помолимся Когане Но, чтобы буря возможного конфликта обошла наших родных и близких по длинной дуге.

Дни перемен хуже понедельников, об этом знают даже несмышленые дети Моноспектральной Чапати. Но, судя по всему, так вовсе не считают в «Детях заполночи», раз решили менять расклад сил в Бонжуре.

Чапати сложно судить об истинных мотивах главы упомянутой казоку, не очень-то уважаемого Нискирича фер Скичиры. Но Чапати почти уверена, что он готовит свою стаю к новому эволюционному скачку. Иначе как еще вы объясните, что этот известный в районе делец нацелился на ряд промышленных предприятий, еще вчера принадлежавших другим казоку?

А с чего Моноспектральная вообще это взяла, спросите вы?

Может быть, с того, ответит она вам, что на минувшей неделе удальцы в черно-желтых жилетах решились на рейдерский захват сразу двух ферм на 29-й улице и площади Канамару?

Где доказательства, поспешите уточнить вы? Как все происходило? Чапати охотно предоставит вам свою версию событий. Честную и непредвзятую, как всегда в «Ломкой горечи».

У Чапати есть основания полагать, что уже не первый месяц на упомянутых ей предприятиях (по ее данным, до этого подконтрольным казоку «Вертких прыгунов») начали работать внедренные молодчики «Детей заполночи». В первую очередь, чтобы тайно провести на территории своих глаберов, способных обвалить мицелиумные базы данных.

Что им это дало, спросите вы? Чапати ответит: планомерная работа внедренных глаберов позволила им вскрыть внутренние системы ферм, подменить и спутать не только базы рабочих систем, но и данные глобальных реестров в общем корне городского Мицелиума.

Именно это объясняет, что в один чудесный день пришедшие на работу сотрудники (к слову, порядочные и почти законопослушные чу-ха, едва ли представляющие, на кого именно вкалывают) обнаружили, что отныне трудятся на совсем других «директоров».

Впрочем, Моноспектральная почти уверена, что простым работягам и дальше плевать, от кого получать зарплату. Другое дело, вычеркнутые из реестров управленцы. И сотрудники охранных рот. На смену которым вдруг «официально» заступили бойцы, лояльные Нискиричу фер Скичире и почти не скрывающие косвенной принадлежности к «Детям».

Все это, как вы уже могли догадаться, привело к вооруженным стычкам и штурму одной из фабрик. Которая на минувшей неделе ненадолго (и без особого шума вовне) превратилась в место тихого побоища, о котором мало известно широкой публике. Но не Моноспектральной Чапати, разумеется.

Чапати осмелится предположить, что Управление Тетронов было в курсе готовящейся операции бандитов. Потому что прибывшие по вызову сотрудников патрули «полосатых рубашек» лениво изучили новые реестры, подтвердили их законность и… тут же отбыли. Чем и положили начало вспыхнувшим дракам. Сисадда?

Гидропонную ферму на площади Канамару «Прыгуны» сдали без боя. А вот линия по производству питательных смесей на задворках 29-й улицы печальной участи избежать не сумела. И когда тетроны укатили, прежние собственники решили так просто

не сдаваться и тут же вызвали своих покровителей на пружинных ходулях и прыжковых ранцах.

Как известно Моноспектральной Чапати, кровавое противостояние длилось почти сутки. И пусть до пальбы не дошло, почти двадцать часов на территории цехов длилось яростное сражение с применением дубинок, бит для штормбола, ножей и кастетов. Двадцать часов рядовые казоку-йодда двух семейств шныряли по фабрике, отвоевывая и теряя один цех за другим.

По информации, имеющейся в нашем агентстве, в разгар схватки главы семейств провели экстренные переговоры. Риробури и Раромари, призвав в судьи чуть ли не представителей самого «Диктата», обрушились на Нискирича фер Скичиру с обвинениями, но тот внезапно опроверг любую причастность к попытке захвата.

Думаете, тем самым он развязал путы на лапах братца и сестры, управляющих «Прыгунами»? Как бы не та-а-ак, мои сладкие! Потому что едва те привезли на 29-ю улицу отряд вооруженных боевиков и вознамерились всерьез вычистить наглецов с территории фабрики, как туда были стянуты сразу две полноценных роты кубба — этих безжалостных, напичканных имплантатами элитных тетронских частей.

Совпадение, скажете вы? Чапати так не считает.

Руководствуясь общегородскими Принципами Сохранения Мира и Благополучия и якобы действуя по прямому распоряжению Смиренных Прислужников, бойцы кубба не позволили казоку-йодда «Прыгунов» войти внутрь и устроить бойню. А без долгожданного подкрепления преданные старому начальству работники фабрики в скором времени уступили рейдерам и были вынуждены покинуть ее пределы. Чапати утверждает, что число раненых достигло почти трех десятков.

Сумел ли Нискирич Скичира подкупить офицеров кубба? Ответ на этот вопрос, мои умнички, Чапати предоставит искать вам…

Как бы то ни было, на следующее утро линии по производству пищевого суррогата продолжили работу. Сотрудников, решивших остаться на рабочих местах, поощрили, а охрану полностью заменили и усилили, фактически превратив невзрачное строение на 29-й улице в секретный объект.

Как думаете, Нискирич и правда не имеет отношения к случившемуся? Источники Моноспектральной Чапати утверждают строго противоположное. Более того, «Ломкой горечи» стало известно, что на этом *казоку-хетто**[1]*** «Детей заполночи» останавливаться не намерен.

И поэтому в следующем выпуске наших новостей Чапати продолжит доказывать угрозу приближающейся войны кланов и расскажет, как фер Скичира расширяет зоны влияния в среде торговцев дурманящим зельем, будь то «Кроко» или опианин всех уровней очистки. Причем делает это, надменно наплевав на случайные и многочисленные жертвы среди мирных любителей веселящих порошков.

На этом Моноспектральная Чапати желает вам мира, здоровья и процветания. Будьте начеку, будьте готовы!

Продолжайте слушать станцию «Ломкая горечь» и молитесь Благодетельной Когане Но, чтобы война не закипела в полную силу, как это случилось в Бонжуре десять лет назад. Ведь многие из вас еще хорошо помнят, что тогда без риска поймать шальную фанга было нельзя пройти по улице, а представителей враждующих казоку показательно и вместе со свидетелями убивали в чингайнах и косметических салонах по всему району…

[1] Безусловный лидер ячейки.

Глава 3. ЛЕГКИХ ДЕНЕГ МНОГО НЕ БЫВАЕТ

За раздвижными дверьми станции «Маршала Пигица» меня встретила пылевая буря. Зарождающаяся, еще легкая, но уже намекавшая на скорую потребность в маске и похрустывающая на зубах. Поморщившись, я окунулся в желтые завихрения и ощутил, что настроение стало ухудшаться.

Оно и до поездки на «сквозняке» было так себе, низкий поклон тебе, Кринго. А теперь, после получаса, проведенного в обществе сотен чу-ха, зажатым в вагоне среди зубастых любителей убойного парфюма и органических масел, ну просто одно удовольствие!

Поднимаясь к выходу со станции, я рассматривал их непрерывный поток — суетливый, завораживающий шершавой монотонностью.

Обитатели Юдайна-Сити обтекали меня нервными шаркающими походками, вертели головами, принюхивались, обменивались сплетнями и болтали по гаппи. Их умение игнорировать происходящее вокруг, одновременно оставаясь настороже и прислушиваясь к любым изменениям привычного фона, откровенно восхищали.

К необычному бесхвостому чу-ха с белой кожей и уродливо короткой мордой никто не лез, даже карманники, чему сам уродец был очень даже рад. Прижимая рюкзак к груди, он терпеливо отмахал положенные станции транзита, влился в поток выходящих и спешно выбрался на поверхность.

Меня все еще огибали ручейки пассажиров, а я неподвижно изучал их разномастные наряды и украшения в ожидании, пока площадка перед станцией опустеет.

Да, когда я еще не научился бояться чу-ха, я ими восхищался. Меня устраивала интуитивная саморегуляция гнездового сообщества. Сообщества столь же возвысившегося, сколь и погрязшего во мраке. Сумевшего разработать синтетические мозги, полуроботизированную боевую технику и летающий, пусть даже лишь в ареале силовых рельсов, транспорт; жившего по околорелигиозным канонам недоверчивой атмосферы учения кизо-даридрата — «благородной нищеты», помноженной на невероятный эгоизм, ослепительное тщеславие, примитивную жестокость и коллективно-патриотическую солидарность…

Пассажиры прибывшего транзита рассосались в стороны, и я двинулся в путь.

Вышел на Седьмую, сверился с указателями и повернул в сторону уютного дома. Не самую широкую улицу гнезда обрамляли бессчетные кабаки, дешевые гостиницы и притоны, приплюснутые верхним уровнем. Большинство из них располагалось внутри огромных полых колонн, поддерживающих вышележащий район под неофициальным названием Глянец, но немало втиснулось и между.

Даже без пылевых бурь небесное светило почти не заглядывало на Седьмую. Что ощутимо давило на настроение, но, наверняка, радовало рекламщиков, чьи стелы, баннеры, светострунные полупрозрачные фигуры и растяжки круглосуточно наполняли улицу разноцветным мерцанием.

Патрульных не наблюдалось, причем ни «полосатых рубашек», ни представителей казоку — последние лениво приглядывали за Седьмой через уличный совет, куда включали представителей всех заинтересованных сторон, но на практике хватало и способностей местных вышибал.

Коровы на этот уровень гнезда почти не забирались, зато хватало тощих бродячих собак. И дервишей, причем как осознанно выбравших уличный образ жизни, так и не способных наскрести горсть юнов за проживание в самой убогой норе. Они сонно пищали прохожим о дурной жизни, перерождении и милосердии, потрясали пустыми консервными банками, но ко мне не цеплялись, заставляя чувствовать себя благодарным невидимкой.

Вспомнив, как все начиналось, я невольно улыбнулся.

Ах, до чего иначе представлял я себе картину несколько лет назад, сразу после «знакомства» с великим героем древности Явандрой! Считал себя избранным, уникальным, неповторимым в силу разумных и очень важных причин, которые еще только предстояло познать. Да, в те годы такое мировоззрение казалось мне очень крутым и стильным: одинокий пришелец, отмеченный печатью судьбы и неприкасаемый…

Если быть откровенным, то нельзя не вспомнить про мои первые диалоги с улицей. По глупости и нагруженный крепким (тогда я еще только знакомился с паймой и ее неповторимым вкусом, равно как и эффектом) я бродил по улицам Бонжура или Колберга, убеждая встречных крыс в неотвратимости собственного предназначения.

Я усмехнулся воспоминаниям, невольно привлекая внимание ближайшего дервиша. Плешивый и скрюченный, лишенный половины пальцев, тот вскинулся и с поклоном протянул мне свою банку. Пара медяков перекочевала в нее из моего кармана, а в спину терюнаши понеслось:

— О, благодарю тебя, чужак! Пусть не оставляет тебя удача! Пусть будешь ты благословлен, и легким путем пройдешь все дороги Тиама!

Все дороги Тиама…

Когда-то я считал, что явился в Тиам, чтобы его спасти. Более того, несмотря на всю нелепость предположения, мне даже удалось убедить (не совсем по своей воле) в этом одного недалекого чу-ха с очевидной нехваткой пальцев. Ах, Пять-Без-Трех, спаливший мозги стрихом, мой Первый Подмастерье! Глупый, но инициативный, сумевший сколотить вокруг образа Бледношкурого манкса некое подобие культа, по определенным причинам (и к счастью) не получившего особенной популярности.

На мою удачу, прозрение наступило довольно быстро (не без помощи Нискирича), и я отмахнулся от безумных идей. Поговаривают, что клубы почитания Белошкурого до сих пор существовали в самых темных уголках Нижнего Города, но меня, хвала Когане Но, это уже давно не касалось и толпы самобичующихся флагеллантов по пятам не ходили…

Седьмая вывела к нужному перекрестку и фонтанирующей запахами специй уличной харчевне, где я купил коробку лапши с жареными свиными ушами. Не такой потрясающей, как в «Каначанкха», но все равно вкусной и сытной.

Уютный дом Черных Юбок находился в одной из подпорных колонн, по диагонали через перекресток; трехэтажное заведение с собственным крыльцом считалось вполне респектабельным, а лаконичные иероглифы простой, но говорящей вывески были заметны даже сквозь пылевые вихри. К моему удивлению, сейчас они были погашены…

Я открыл коробку и сразу выбросил третью хаси. Когда-то давным-давно (да-да, как раз во времена собственного «культа») я пытался научиться есть сразу тремя палочками, как делали ловкие чу-ха, но почти сразу оставил это сложнейшее занятие…

Устроившись под воздушным фильтром полупустой забегаловки, я стянул капюшон и набросился на еду, не забывая изучать бордель. Дом Черных Юбок считался хорошим местом. Не лучшим в гнезде, но достойным, с неплохим выбором, причем как живых самочек, так и кукуга.

Байши с улиц Лоло не набирала, атмосферу создавала и поддерживала, за здоровьем работниц следила. Никто точно не помнил, то ли сама она в свое время работала в уютном доме, то ли это была ее мать, но к делу новая хозяйка подошла с пониманием вопроса.

Но почему отключена вывеска?

Доедая лапшу и запивая из фляжки, я едва удержался от

вздоха. Размышления об уютном доме снова напомнили мне об одиночестве. И смехотворных попытках его победить…

Примерно через полтора или два года обитания в Юдайна-Сити я почти *решился*, теперь сей постыдный факт скрывать смысла нет. Предварительно накидался паймой и легкой наркотой, вместе с «Детьми» наведался в ближайший уютный дом, но… в последний момент передумал, и не жалею до сих пор.

Какой бы милой и ухоженной не казалась самочка чу-ха, я не могу. Равно как и с кукуга, которых создают по канонам местной красоты. В итоге я отступил, бежал, с позором оставил поле боя, размазывая по лицу пьяные сопли. Мне сочувствовали и искренне жалели, ведь секс был для чу-ха неотъемлемой частью общества и культуры.

Чуть позже парни из казоку снова собрались помочь мне и даже попытались создать *особенную* кукуга. Разумеется, без опоры на какие-либо каноны или нормативы. А потому из печатного кокона вышла кукла, соответствовавшая исключительно их субъективным представлениям о том, как вообще может выглядеть самка моего вида.

Что сказать о результате? Несмотря на обуявший ужас, я сумел сдержать нервный хохот и сердечно отблагодарить корешей за заботу. Через какое-то время разобрав жуткого мутанта и распродав по частям неприхотливым манджафоко Бонжура…

С тех пор мне только и оставалось, что теребить шланг. В безуспешных попытках подключить воображение, потому что я тоже не имел ни малейшего понятия, какой должна быть нафантазированная секси-самка человека. Ни малейшего, будь оно проклято…

Впрочем, я давно привык и смирился, и отсутствие четких образов уже не мешало «передернуть затвор» и сбросить скопившееся напряжение…

Буря за стеной воздушного фильтра продолжала набирать обороты.

Многие чу-ха на улицах натягивали маски, а погашенная вывеска дома Черных Юбок почти скрылась из виду. Выбросив пустую коробку, я поблагодарил хозяина закусочной, накинул капюшон и снова окунулся в пылевые завихрения.

Чем быстрее я разберусь с делом Гладкого и окажусь в родной норе, тем лучше.

Но кто-то считал иначе…

Едва я пересек Седьмую и был готов к последнему рывку до крыльца уютного дома, с верхних течений улицы передо мной опустился фаэтон. Черный, обтекаемый и длинный, определенно

не дешевый «Крейс» последней модели снизился с нарушением полетных правил, развернулся прямо над головами гендоистов, дерзко разогнал их в стороны, выдвинул шарообразные колеса, опустился на проезжую часть и подкатил к пешеходному переходу.

Съеденная лапша превратилась в бетонный комок, болезненно взбухший в животе. Но идентификационный номер фаэтона отличался от известной мне зловещей комбинации, и я перевел дух.

Двинулся в обход, но фаэтон вдруг сдал назад и вполне демонстративно замер напротив, преграждая путь. Чу-ха, вместе со мной дожидавшиеся сигнала на переход, возмущенно зашипели на наглеца, но тронуть дорогущий транспорт никто не решился.

Комок в животе снова ожил — сомнений не оставалось, Красная Вистар поменяла средство передвижения… Но чтобы вот так, посреди улицы? Продолжая делать вид, что ничего не понимаю, я вместе с остальными пешеходами начал огибать черный корпус.

Конечно же, мне не позволили.

Фаэтон снова дернулся, едва не наехав мне на ногу. Одна из пассажирских дверей приоткрылась, и меня поманили когтистой лапой с россыпью серебряных перстней.

Это оказалась не она…

Сглотнув комок, я попятился и незаметно расстегнул кобуру под пальто. Лапа с перстнями исчезла, из темных недр фаэтона на меня уставились два блестящих черных глаза.

— Куо-куо, Ланс, — сказал незнакомый чу-ха, чуть шире открывая дверь. — Слушай, садись-ка, дружище, нужно потолковать…

Могла Магда отправить за мной кого-то из подчиненных? Не припомню такого…

Наверное, именно это чувствовал Лепесток, когда я вышел к нему на серпантинах «Аркады»? Сидевший в машине самец был мне незнаком, но его манера говорить и одеваться не предвещали ничего хорошего. На вытянутой морде почти не осталось мест, не задетых шрамами; кожаный френч словно только вчера висел в витрине дорогого магазина.

— Папа учил меня не садиться в фаэтоны к незнакомцам, — с улыбкой ответил я и сделал еще один шаг назад.

Холеный чу-ха внутри оскалился в улыбке и с пониманием покивал.

— Ценный совет, верно. Но ты все же садись, — со спокойным нажимом повторил он, и с недовольством стряхнул с колена

налетевшую пыль. — Давай, пунчи, а то наметает… И, слушай, не глупи. Разговор не займет много времени.

Я хотел было сказать, что спешу. И что в это время суток предпочитаю ходить пешком, это полезно. И что беседы с незнакомцами предпочитаю вести на проверенных территориях, или хотя бы при свидетелях.

Но тут водительская дверь тоже открылась, заставив меня икнуть. Подспудно я ожидал увидеть коротышку Жи-ми… но возле «Крейса» нарисовался широкоплечий водитель, по одному виду которого было ясно, что на жизнь он зарабатывает явно не фермерством на гидропонных фабриках. А еще на его голову был небрежно напялен «котелок» сочно-лимонного цвета, и настроение мое опустилось до отметки «лучше бы остался дома»…

Водитель демонстративно поправил шляпу, скрестил лапы на широкой груди и сурово уставился на меня поверх крыши.

Я быстро осмотрелся. Пешеходов вокруг было немного, да и те намеренно не обращали на нас никакого внимания. Конечно, я мог попытаться избежать приглашения и воспользоваться усиливающейся бурей, но… Кринго тоже пробовал сбежать, за что поплатился болью в ребрах…

— Слушай, да садись ты уже! — сморщив нос, коротко рявкнул холеный. — Или мне включить чистку салона в твой счет?!

Я вздохнул и постарался успокоиться. «Желтые котелки» давно не имели открытых конфликтов с «Детьми заполночи». И даже если я чего-то не знал, первыми вряд ли пошли бы на *такое* обострение отношений…

Натянуто улыбнувшись Перстням, я вынул руку из-за отворота пальто и переместил ее в карман. Нащупал нож — случись что, с ним в тесноте салона будет куда сподручнее, чем с кастетом… И нырнул в полумрак, мягко прикрывая за собой дверцу.

Кроме приглашающего «Котелка», сидевшего слева от меня, внутри оказался еще один, расположившийся напротив, спиной к рулю за поднятой створкой — немолодой, тоже в шрамах, но одетый не так вызывающе-модно; его яркая шляпа лежала рядом. Он выглядел более длинношерстным, чем напарник, а под нижней губой топорщилась смешная и неопрятная борода.

Молча изучая меня немигающим взглядом серых глаз, бородатый через трубочку потягивал напиток из хромированной термокружки. Как и Перстни или водитель, он казался весьма опасным малым. Не менее, чем Жи-ми. Или любой из высокопоставленных «Детей». Или прессовальщик бытового

мусора, если случайно засунуть в него хвост.

Судя по неподвижности фаэтона, водила остался снаружи.

— Чем обязан? — стараясь настроить тембр на «низкий писк», спросил я как можно спокойнее.

Термокружка угрюмо молчал и шумно сосал напиток, подергивая бородкой; Перстни стряхивал со штанин налетевшие песчинки. Выждав драматическую паузу, второй все же ответил. Утверждением, не шибко-то порадовавшим меня из уст «Котелка».

— Слушай, улица говорит, ты хорош, — не спросил, а констатировал он. — Чуть ли не лучший в своем деле во всем Бонжуре и прилегающих районах.

— Смотря, что говорит улица, — мягко согласился я. — Вроде бы считается, что я недурно пою. А над моими танцами могут посмеяться детишки.

Термокружка хищно прищурился, но так и не моргнул, с каждой секундой выглядя все более угрожающим. Перстни, однако же, усмехнулся.

— Ты работаешь на Нискирича фер Скичиру, так?

Я покосился на него, одновременно пытаясь определить, чем чу-ха вооружен.

— Это не является тайной.

— Фамилию задарили? — внезапно уточнил Термокружка, не вынимая питьевую трубочку из пасти. Его голос был глухим и надломленным, выдавая застарелое ранение горла.

Я решил проигнорировать бестактный вопрос; поерзал на сиденье, одновременно устраиваясь к Перстням вполоборота, и обратился к шрамированному.

— Судя по классу фаэтона, «Котелки» стали подрабатывать на Смиренных Прислужников?

Очередной шумный глоток Термокружки оборвался на середине, но Перстни снова покачал головой, будто хотел показать, что был готов к моей непокладистости.

— Слушай, если ты спрашиваешь, как идут дела, то недурно, вашими молитвами. — Он лениво откинулся на сиденье и расправил полы черного френча. — Но нет, Ланс, мы не работаем на смирпов.

— Значит, у «Котелков» появился вкус! Поздравляю!

Одна моя половинка упивалась собственным остроумием. Вторая в панике умоляла перестать провоцировать собеседников и засунуть остроумие в отверстие, никогда не видевшее дневного света.

Однако Перстни не обиделся и в этот раз.

— В настоящее время нас попросили выступить посредниками одной уважаемой организации. Если тебе

интересно, — доверительно добавил он, — ничуть не менее уважаемой, чем почтенные Прислужники, да будут их годы длинны, а решения бесконечно мудры.

Я чуть не поперхнулся слюной. Услышал собственный голос со стороны и запоздало сообразил, что безнадежно сбил тембр:

— Снова поздравляю! И кто же эти счастливцы, заполучившие в партнеры столь уважаемую уличную казоку?

п.1; г.3; ч.2

По обшивке фаэтона шуршал гонимый ветром песок, время от времени бросая на черную полированную плоть мелкий уличный мусор. За окнами виднелись размытые силуэты пешеходов, отчаянно бранящихся на перегородивший дорогу «Крейс».

Термокружка снова прищурился, пытаясь перехватить мой взгляд. И снова сделал это не моргая, чем немало меня разнервировал.

— Слушай, пунчи, скажем так, — в отличие от угрюмого приятеля, Перстни продолжал демонстрировать терпеливое дружелюбие, — эта крайне уважаемая казоку, отстаивающая свои интересы преимущественно в промышленных районах нашего великого Юдайна-Сити. Сисадда?

Моя следующая шутка застыла на губах, скукожилась и рассыпалась в прах. Я невольно выпустил нож и попробовал покрутить кольцо Аммы, но перчатка не позволила, отчего со стороны показалось, что я нервно ухватил себя за палец. Спохватившись, спешно сунул правую руку обратно в карман с оружием.

Термокружка заметил и едва заметно улыбнулся. Перстни продолжал искоса наблюдать за моей реакцией. Просторный салон позволил ему раскинуть мускулистые лапы на подголовники заднего сиденья, при этом между нами еще осталось немало пространства.

Неужели расфуфыренный чу-ха намекал на «Диктат Колберга»? Но тогда какого беса им понадобилось от меня? Ладонь на рукояти ножа вспотела.

— Далековато вас занесло, — осторожно прокомментировал тот второй я, что любил исключительно адреналиновый юмор. — Размышляете, какое предприятие прибрать? — И, игнорируя мертвенный взгляд Термокружки, заговорщицки понизил голос: — Слышал, неподалеку есть интересный пошивочный цех. Не меньше тридцати сотрудников, максимально говеное из существующего оборудования, а качество одежды оставит в недоумении самого отчаявшегося чу-ха…

Перстни вздохнул, печально взглянул на напарника и почесал шрамы на правой щеке.

— Остряк, да? — Он неторопливо пригладил усы и с философским пониманием кивнул. — Нас предупреждали…

— А о чем еще вас предупреждали?

Байши! Иногда мне стоило носить кляп…

— Что тебя можно нанять, — не смутившись, ответил

Перстни, второй раз заставив меня сглотнуть. — Нанять для решения, скажем так, деликатного вопроса. А еще, что, несмотря на всю твою дерганную смешливость, ты лучше прочих чу-ха умеешь держать свой крохотный язычок за своими страшненькими зубками.

И уставился на меня, ожидая реакции.

Что ж, она последовала, причем весьма яркая. Надеюсь, напряжение и полумрак позволили мне сохранить ее в тайне, а пронзительный взгляд Перстней я выдержал с безразличным холодком. Удивил ли меня «Котелок»? Безусловно. Обещало ли его предложение стать интересным? Более чем!

Однако:

— Лестно слышать, парни, но я сейчас при деле, — отбросив малейшие намеки на шутливость, ответил я, поочередно поглядев на обоих и без дрожи выстояв под немигающим взглядом Термокружки. — Могу оставить номер помощницы, она запишет вас на прием, там и договоримся.

Тишину уютного салона снова нарушил хриплый голос второго «Котелка».

— Не зарывайся, умник, — проскрипел бородатый чу-ха и самую малость подался вперед. — Похер планы, я все сильнее хочу вышвырнуть тебя в песчаную бурю.

Я хотел сказать, что даже не пытался юморить. И что действительно нахожусь при деле, к любому из которых отношусь предельно ответственно. Но тем самым чутьем, что позволяет выживать на улицах, я вдруг уловил легкую перемену атмосферы, а поэтому лишь молча кивнул.

— Весь внимание, господа.

— Слушай, ты можешь помочь нам найти одну вещь, — снова проговорил Перстни, любуясь украшениями на когтистых пальцах. — Видишь ли, Ланс, наш *хеттто* не любит копаться в отбросах, а эта самая вещь может оказаться где угодно. Так что мы решили, что самую грязную работу сделаешь именно ты. Разумеется, за щедрое вознаграждение.

— Цена вопроса? — почти без заминки выпалил я, заставив Перстни заинтересованно покоситься.

— Допустим, я назову сумму в три тысячи, — задумчиво произнес он, внимательно наблюдая за моим лицом.

Три тысячи… Вообще-то я гордился умением держать невозмутимую мину, это признавали все крысюки, с которыми нам доводилось сходиться за игровым столом в «Оглянись!». Но «Котелки» видимо все же заметили, как дернулось веко…

— Пять, — решительно поправил шрамированного я.

Потому что если уж ковать клинок, то пока заготовка

раскалена.

— Слушай, пошел-ка вон! — задорно хохотнул Перстни и потянулся к клавиатону управления дверьми.

— Пусть будет три. — Смирение, с которым я это произнес, не шло ни в какое сравнение со злостью на собственную наглость. — Попробовать стоило.

— Любой бы попробовал, — признал Перстни, убирая лапу от клавиатона. И доброжелательно добавил: — Слушай, так и быть, накинем еще тысячу бонусом, если искомая вещь будет обнаружена быстро.

— О каких сроках мы говорим?

— Ты просто найди ее там, куда не достают даже самые глазастые системы наблюдения, — не меняя голоса, посоветовал чу-ха в черном кожаном френче, — а мы решим, быстро ли все сделано.

Я задумался.

Конечно, тут было, о чем подумать — три куска плюс один сверху! Сквозь пылевые вихри за тонированным окном виднелись иероглифы уютного дома, черные на сером бетоне колонны, будто ожоги.

Разумеется, предложение «Котелков» (даже стартовое) выглядело нереально заманчивым, хоть выбор исполнителя и казался немного странным. А Нискирич никогда не ограничивал меня в поисках клиентуры, даже если речь заходила о других казоку…

Закончится ли поиск Гладкого Мисмис за порогом этого борделя? Я очень хотел верить, что щенок до сих пор там, мучается с похмелья и спускает на девочек последние деньги. Потому что если его там нет, мое желание заполучить четыре тысячи рупий может перевесить над желанием недорого найти непутевого малолетку, якшающегося с такими, как Кринго…

— Рассказывайте, — кивнул я, вынимая руку из кармана с ножом.

Перстни мягко свел ладони, а Термокружка криво ухмыльнулся. Говорить не начинал ни первый, ни второй, и я закатил глаза. Попросил искренне и с мягким укором:

— Парни, хорош ломаться. Разумеется, все сказанное будет конфиденциальным и останется между нами тремя как во время выполнения работы, так и после. Это мои принципы, и раз уж улица нашептала вам, что я лучший, об этом вы тоже должны были слышать.

Перстни молча потер ладони и задумчиво почесал шрам на правой щеке, Термокружка шумно допил и не глядя опустил хромированный стакан в специальную выемку на подлокотнике.

— Вы издеваетесь? — прищурился я. — Мне что, на крови поклясться?

— Не нужно, — наконец заговорил Перстни, поворачивая ко мне вытянутую морду, покрытую бороздами от ножей и когтей, — испачкаешь обивку. В общем, запоминай, Ланс Скичира, и помни о вреде пустой болтовни. Не так давно троица поденщиков выставила дом одного малоизвестного антиквара на границе Глянца и Каменных садов. Как ты мог догадаться, по заказу.

Термокружка продолжал буравить меня немигающим взглядом. Перстни следил за реакцией, выдавая подробности неспешно, будто бы порционно.

— Но мы вынуждены признать, что при передаче посылки заказчику кое-что потерялось, — он развел лапы. — Сегодня утром старш**о**й поденщиков скоропостижно скрутил хвост…

— Не вынес душевной беседы, — выразительно ввернул его приятель. — Сисадда?

— …А остальные внезапно залегли на такое дно, что мы не хотим пачкаться…

Грустно, но ожидаемо.

Крепись, Ланс, вероятнее всего, тебя снова ждет путешествие в Нижний Город. Впрочем, если я проведу там слишком много времени, обязательно попробую снова поднять таксу. Да и вообще, задача не из уникальных, меня уже нанимали для подобного, и примерный план действий я составлял параллельно с рассказом Перстней.

— Вопросы у тебя остались? — осведомился чу-ха.

— Что это была за вещь? — напрямую спросил я, но тут же заметил недоверчивое подергивание усов. — Я могу попробовать разыскать вашу штукенцию, парни, но только если буду располагать хоть какими-то зацепкам. Поэтому спрошу еще раз — что именно пропало?

Вместо ответа Перстни вытянул левую лапу, когтем правой чиркнул по запястной «болтушке» и на мою пересыпался информационный пакет. Задрав рукав пальто, я активировал проектор и через секунду изучал свето-струнный слепок весьма неказистого кулона.

В золотистой рамке с примитивным геометрическим узором, он выглядел очень старым и совсем не дорогим. В короне внутренних зажимов, часть которых была отломана, гнездился зеленый неограненный камень, по виду даже не драгоценный.

— Выглядит бледно, — честно признал я, украдкой наблюдая за обоими «Котелками».

— Слушай, и стоит сущие гроши, — с внезапной охотой согласился Перстни. — Но для уважаемой персоны, возжелавшей

получить этот кулон вопреки упорству глупого антиквара, он считается очень ценным. Фамильная реликвия, если угодно.

— Уяснил. — Я еще немного повертел слепок и свернул. — Сбрасывайте всю информацию по делу, посмотрю чуть позже.

Термокружка снова вмешался в разговор, отчего я едва не вздрогнул.

— Ее мало. Взломщиков нанимали не мы.

— Это правда, — подтвердил его напарник. — Не наши методы. Как и деликатность. Именно поэтому и протекает данная беседа. Но что нарыли, будет сброшено. Слушай, сосредоточься на мешочниках и переплавщиках, даже если они носа не кажут из вонючей Такакханы. Мы верим в тебя, Ланс. Найди эту безделушку, хорошо? Примени свои *штучки*, если о них не врут на улицах, и разыщи нашу пропажу как можно быстрее. Договорились?

Гаппи мягко просигналил, что получил еще один информационный пакет.

— Приложу все силы! — Я с энтузиазмом покивал Перстням. — И спасибо за ценный совет. А теперь могу я получить аванс?

— Пятьсот, — произнес усыпанный шрамами чу-ха. — Переведем на твой счет через час.

— Вот и прекрасно! — улыбнулся я, вовсе не лукавя: — Тогда и приступлю к работе!

Термокружка, однако же, не совсем верно понял мое нежелание совмещать два заказа. Он подался вперед, и седые брови надвинулись на его остекленевшие глаза.

— Любишь баловаться с огнем, Скичира? — проскрежетал он.

— О, несомненно, — я отодвинулся и прикрылся глуповатой улыбкой. — У меня в норе даже есть специальные огнеупорные прихватки!

Перстни лишь хмыкнул, отвернулся и постучал когтями по клавиатону бортовой консоли. За моей спиной бесшумно открылась дверь, впуская в салон подвывания ветра и ругань недовольных пешеходов.

— Слушай, пошевелись-ка, наметает, — на прощание бросил мне чу-ха в черном френче, лениво облизывая выпирающие резцы. И добавил, едва заметно подмигнув: — Удачи, Ланс. Мы приглядим за тобой.

— Не сомневаюсь, — ответил я с бравадой, которой не испытывал, и выбрался в объятья песка.

Дверь фаэтона тут же затворилась, водитель мгновенно занял место за рулем и через считанные мгновения «Крейс» укатил в серо-желтые завесы.

Теперь мешкать было нельзя — нужно быстро, как можно быстрее отработать несчастного Гладкого, скинуть родителям-паникерам координаты пропажи и нацелить все силы на поиски фамильной дешевки!

От предвкушения легких денег и азарта предстоящей охоты у меня снова засосало в животе. Впрочем, это могли быть просто последствия от не самой свежей лапши…

praeteritum

Они находят меня утром, на второй день моего бесцельного изнуряющего пути. Прятаться нет смысла, а как станет известно чуть позже, разведчики все равно обнаружили бы, даже попытайся я.

Сейчас же у меня нет ни сил, ни желания…

Я измотан и жалок, спотыкающийся на каждом шагу, монотонно подвывающий сквозь стиснутые зубы и теряющий остатки былой личности, если таковая вообще когда-либо существовала.

Во все стороны света раскинулась душная однотонная пустыня, чей рыхлый песок частенько чередуется с обширными проплешинами плотного грунта, поросшего чахлой травкой. Солнце — полыхающий злобой беспощадный враг. В отдалении кружат силуэты крупных птиц, и я догадываюсь, что терпеливые пришли за мной…

Замечаю бродяг издали — пара силуэтов в авангарде, быстрых и легконогих; на изрядном расстоянии за ними бредет тонкая цепочка ведущей группы старейшин и воинов; по ее следам тащится основное ядро племени. Всего их сотни полторы, может чуть больше.

Попыток убежать не предпринимаю. И даже, кажется, с усилием машу рукой. Вяло, сонно. Но меня, конечно же, замечают. Причем задолго до того, как я сам увидел кочевников на горизонте.

Один из разведчиков тут же припускает к основной группе, причем мне мерещится, что он бежит на четырех конечностях; второй быстро направляется ко мне.

Замирает в отдалении, стягивает с плеча оружие с комично-длинным стволом. Оно выглядит самодельным, весьма грубым и до брезгливости неказистым. И лишь многим позже мне демонстрируют, что однозарядные буар-хитты пустынного народа с пяти сотен шагов способны остановить лысого тура. Вооруженный скаут невысок и замотан в светло-коричневый балахон, под которым не разглядеть лица.

Я что-то хриплю, счастливо улыбаюсь и падаю на ноющие колени. Я взволнован спасением, но одновременно встревожен тем, что совершенно ничего не понимаю.

Вероятно, старейшины выслушивают дозорного. Затем недолго совещаются и принимают решение — цепочка ведущих покидает бархан, и все полторы сотни фигурок направляются в мою сторону. Впереди вооруженные, позади «обозы».

Падаю на колени и медленно погружаю обветренные руки в

песок. С кожи обсыпаются тонкие ломкие струпья. Внутренний голос в голове звучит чуждо и неприятно. Жду.

Сквозь пальцы утекает бледно-желтый раскаленный песок пустыни. Сквозь мысли утекают слова и понятия, чей смысл уже вторые сутки становится все более размытым каждую последующую секунду.

Нефть, кинематограф, лунный модуль, трубопровод, диктатура, интеграл, граммофон, полынь, дирижабль, баллистическая ракета, дефрагментация, заяц…

Я силюсь вспомнить, что означают эти привычные, кажущиеся родными понятия. Я точно знаю их смысл, значение, степень наполненности образами и категориями. Но они игриво не даются и стремительно тают, напоследок оставляя в голове неприятное ментальное послевкусие, бледные тени от теней существования какого-либо смысла…

Кочевники приближаются. На этот раз самые смелые подступают куда ближе — их пара десятков; остальное племя держится на дистанции в пятьдесят метров. Замотанные в одинаковые тканевые балахоны, в накидках и массивных солнцезащитных очках, босолапые и почти не обремененные поклажей. Но с оружием, как огнестрельным, так и холодным.

Я смотрю на выступающие из-под хламид волосатые и когтистые звериные лапы, утопающие в песке. Верхние длиннее моих рук и с куда более широкими грубыми ладонями, нижние массивны и мускулисты. Ошарашено изучаю вытянутые морды, подрагивающие носы, проволоку усов и крупные выступающие резцы, украшенные родовым узором племени. И понимаю, что окружен вовсе не людьми, а двадцатью прямоходящими крысами размером с взрослого мужчину.

Они напоминают ожившие кучи тряпья, впустую не подставляя солнцу ни сантиметра пепельно-желтой шкуры. Свои капюшоны откидывают лишь трое-четверо, и я бессильно щурюсь, окончательно осознавая, что не стал жертвой галлюцинации.

За спинами старейшин в нервных пересудах гудит кулак племени — молодые самцы, самки и дети. Сложив на песок примитивные волокуши, на которых день за днем тянут нехитрый скарб, шатры и детишек, они возбужденно переговариваются и шипят.

Окружившие меня воины тоже начинают спорить. С прицокиванием и большим количеством отрывистых фраз, скупо жестикулируя, но не оставляя ни единого сомнения — разговор идет обо мне.

Подавленный и изнывающий от жажды, я не предпринимаю ни малейшей попытки встать. Сижу на жопе, обалдело разглядываю

пустынных обитателей и с ужасом осознаю, что их речь мне понятна.

Кочевники общаются на малораспространенном диалекте нихонинди, и я не понимаю, откуда мне это известно. Часть произнесенных вокруг меня слов еще только готова явить свою суть сквозь туман недопонимания, но некоторые вполне отчетливы и знакомы.

Вероятнее всего, в эту минуту я умираю, причем вовсе не фигурально.

Оглянувшись за спину, силюсь вспомнить, куда и откуда шел. Память отказывается помочь. Как меня зовут? Как я выгляжу? В сознании пусто, там тоже шепчет злой ветер и палит немилосердное солнце…

Я одет в тонкий прозрачный комбинезон телесного цвета, глухой и без швов, скрывающий тело от пяток до обритого затылка, с единственным общим клапаном для сортирных нужд. Материал мне незнаком, но, еще эластичный вчера, теперь он медленно иссыхает на ветру и каждую минуту бесцельного похода по пустыне отшелушивается тонкими лоскутами, словно отмирающая кожа. На моих висках неровные наросты, на ощупь напоминающие две застарелые, плохо зарубцевавшиеся раны…

Вслушиваясь в спор, который к своему ужасу почти понимаю, я полон уверенности, что сейчас погибну. Что самое нелепое — меня это вовсе не пугает.

В голове медленно, но верно тает снежный покров моего бесценного умственного багажа; там идет колдовская переплавка всего накопленного за годы жизни, сколько бы их там не насчиталось. Талая вода этих знаний исподволь подменяется чем-то иным, не менее фундаментальным, пока страшащим до стука зубов, но непоколебимым, как раскинувшаяся вокруг пустыня…

Как человек по утру теряет обрывки сна, даже не уверенный, что видел его, так и я утрачиваю образность и внутреннюю силу таких понятий как гипермаркет, упряжь, орбитальная станция, океан, динамит, нейросеть или силикон.

Они оставляют меня. Остаются пустыми скорлупками от неведомых смыслов, которым только предстоит наполниться свежей плотью непознанного. И я отчаянно хватаюсь за утихающие в голове сочетания букв, будто это может помочь удержать образы казино, микроскопа, депрессии, рок-н-ролла, насоса, шоколада, синицы, креозота, валюты, дистилляции, титанового сплава и гиперзвука…

Пытаюсь что-то сказать, но из горла вырывается только хрип. Кочевники подаются прочь, будто от прокаженного. Кто-то даже стягивает с плеча буар-хитту, кто-то длинным когтем

чертит в воздухе странные знаки.

Неуверенными жестами изнуренного странника я даю понять, что хотел бы напиться. Пусть даже напоследок. Крысы переглядываются, но я не вижу глаз, они по-прежнему скрыты за многоступенчатыми выступающими окулярами. Снова раздаются шепотки, в основной группе начинает плакать мелкий крысеныш.

Наконец один из кочевников приближается ко мне, и я без удивления замечаю, что его правая лапа-рука лежит на рукояти длинного, изогнутого вперед тесака в кожаных ножнах на поясе. Свободная кисть исчезает в складках балахона, и через секунду человекоподобная крыса протягивает мне тощий меховой бурдюк.

Этого доброго малого зовут Джу-бир-Амрат. Но для меня это знание открывается значительно позже, как название встреченного племени — Стиб-Уиирта. Это не на нихонинди, это на внутреннем языке пустыни, и означает что-то вроде «катиться по барханам в сторону заката»…

Дрожащей рукой я забираю бурдюк, с усилием выдергиваю костяную пробку и припадаю к горлышку. Вкуснее этой теплой вонючей воды я не пил за всю свою жизнь. Впрочем, что это за жизнь? Я не помню…

Амрат отбирает ополовиненный бурдюк и возвращается к своим. Кочевники все еще переглядываются, рисуют когтями в жарком воздухе и негромко обсуждают. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что они снова решают мою судьбу.

Обсуждают, не будет ли безопаснее убить меня, и я (вот так ирония!) не могу их за это винить: наслаиваясь на обрывки уходящих в забвение воспоминаний, сверху ложатся новопривнесенные из таинственного ниоткуда, но почти не противоречащие свергнутым основам. И гласят они, что примитивные народы невероятно суеверны и столь же просты. А поэтому большинство их поступков, совершаемых с непосредственной детской жестокостью, иным кажутся невероятно чудовищными…

Старейшины и воины спорят все громче.

Из-под желто-коричневых хламид все чаще мелькают стиснутые кулаки, в мою сторону ежесекундно тычут узловатыми звериными пальцами, кто-то даже в сердцах хлопает себя по вытянутым волосатым ушам, в которых я различаю серебристые серьги.

Градус спора нарастает, кто-то шипит и скалит крупные желтые зубы. Но победителем из переговоров, к моему счастью, выходит все же Амрат. Которого с этой секунды, если говорить откровенно, мне и стоило бы называть вторым отцом…

Он отдает негромкое приказание. Двое младших воинов тут

же подходят ко мне, подхватывают подмышки и вздергивают на ноги. Их хватка крепка и несокрушима, когти болезненно впиваются в кожу.

От одежд и короткой шерсти пахнет дикой смесью отталкивающего и приятного — маслами, потом, специями, плохо выделанной кожей, чем-то едким и чем-то сладким, пылью, оружейной смазкой и пронзительным одиночеством пустынного кочевника.

Со всех сторон до меня долетают смешки и оскорбления.

Джу-бир-Амрат не обращает на них внимания, довольно кивает сам себе и приближается вплотную. Он ниже меня ростом, но сейчас я безвольно повис на лапах воинов, так что мое лицо и его морда находятся на одном уровне.

Мой спаситель довольно кивает, сухо прицыкивает и деловито осматривает мой живот, член и мошонку, колени и копчик, оценивает ширину плеч и твердость бицепса. Затем протягивает лапу, длинными пальцами хватает меня за подбородок и бесцеремонно вертит голову, разглядывая со всех сторон.

Грязный коготь крысочеловека оттягивает мою растрескавшуюся губу, затем нижнее веко, подцепляет коросту на виске — я невольно всхлипываю от острой боли, и крыса хихикает с высокомерием хулигана. Затем приседает, зачерпывает песка и умывает лапы, напоследок бросая горячую горсть мне в обгоревшую на солнце грудь.

После этого мои кисти связывают за спиной тонким кожаным ремнем, и Стиб-Уширта продолжают свое бесконечное странствие по пустыне.

Глава 4. УЮТНОЕ ОЧАРОВАНИЕ БОЙНИ

Буря декорировала улицы Под-Глянца в мрачные канализационные тоннели Нижнего Города. Она давила на прохожих и гендоистов сверху, сплющивала с флангов, лишала ориентации и мешала дышать.

Западный ветер нагонял в подуровень Седьмой пылевые облака, а обусловленный архитектурой сквозняк превращал бетонную кишку в аэродинамическую трубу, заставлял водителей фаэтонов сбрасывать скорость или вовсе снижаться на проезжую часть.

Обладатели двухколесников заматывали морды платками или натягивали маски. Я за своей в рюкзак лезть не спешил — от крыльца отделяли всего пара десятков метров. Придерживая капюшон так, чтобы не заметало за шиворот, я не без труда дождался разрешающего сигнала на переходе и трусцой припустил к крыльцу уютного дома.

Мне очень хотелось, чтобы ответ на вопросы нашелся сразу за резными двустворчатыми дверями. Это позволит мне без промедления вернуться в Бонжур и начать трясти скупщиков и информаторов.

Поднимаясь на крыльцо Черных Юбок, я почти убедил себя, что поиск кулона не станет трудным делом. Более того, был готов биться об заклад, что это будет не сложнее, чем найти в моем холодильнике бутылку паймы!

На первый взгляд (а у подпольных ювелиров он зачастую служил единственным критерием отбора) безделушка не представляла никакой ценности. Впрочем, в том же состояла и возможная трудность. Потому что, оптом купив краденое барахло у уличных толкачей, переплавщик мог с легкостью выбросить золотистую поделку. И вот тогда мне придется в прямом смысле слова окунуться в дерьмо…

С трудом устояв под ударом колючего ветра, я поднял голову к двум скрытым камерам наблюдения. Не общественным, повсеместно устанавливаемым смирпами и «полосатыми рубашками» и столь же повсеместно разрушаемым уличным народом, а частным, работающим на безопасность уютного дома.

Привычно кивнув в объективы и скрещивая пальцы в знак добрых намерений, я потянул черную створку и проскользнул внутрь, отсекая грязно-желтые завихрения. Стянул капюшон, уже приготовившись очаровать самочку-хостес парой искрометных

шуток про буйство погоды, и удивленно замер.

Прихожая, как и изящная стойка для приема клиентов, пустовали… Почесав бровь и выждав несколько вежливых секунд, я сам раздвинул внутренние двери и прошел в холл.

Внешне, как я и помнил с последнего визита, он совершенно не изменился — просторный колодец трехэтажной высоты был окольцован балконами, откуда клиенты попадали в номера; вдоль стен кружились широкие винтовые лестницы, украшенные бумажными панно с приятным геометрическим узором. Парящие светильники все также наполняли полую колонну приятным зеленоватым мерцанием; в сторонке перемигивались рекламными панелями автоматы с закусками и напитками для гостей.

А вот атмосфера… она отличалась разительно.

Во-первых, не было слышно привычной струнной музыки, на мой вкус излишне резкой и неровной, но почитаемой большинством чу-ха. Во-вторых, сам колодец был совершенно пуст, причем не только низкие диваны с обычно скучающими на них самками-трудягами, но и изогнутый стол для записей и расчетов.

Я взлохматил волосы, посыпая глянцевый пол налипшим песком, и в недоумении осмотрелся. Уютные дома, даже самые затрапезные, имели привычку работать круглосуточно. А если уж и закрывались, то обязательно выставляли на крыльцо пару сотрудниц, приносивших гостям извинения и подсказывавших адрес ближайшего схожего заведения.

Через мгновение оказалось, что тишина была не полной.

Задрав голову, я наконец разобрал голоса — сразу несколько чу-ха (в основном самцы) на повышенных тонах спорили в глубине третьего яруса. В остальном же уютный дом напоминал расселенную постройку, подготовленную к сносу…

Из неприметной двери справа выскочила одна из Черных Юбок. В простом, но стильном платье одноименного цвета, с боевым раскрасом на морде и салфеткой в лапах.

Переведя дух, я двинулся было к ней, но самочка прошелестела мимо меня со скоростью опаздывающего гендоиста, даже не удостоив взглядом. А еще я заметил, что ее яркая косметика поплыла от нескромного потока слез. По узорным плиткам зацокали непростые подошвы ритуальных туфель. Перебежав холл, *онсэн**[1]*** скрылась за еще одной неприметной дверью для персонала, еще сильнее подпитав растущее во мне чувство необъяснимой тревоги.

— Эй, уважаемые?..

Я хотел непринужденно выпалить это на весь пустой колодец, но давящая тишина этого обыкновенно шумного места вынудили

лишь сдавленно просипеть. Потоптавшись возле стойки, я обошел ее в надежде найти хоть какие-то ответы… и только сейчас заметил в холле еще троих чу-ха.

Троица бесшумно расположилась в дальнем конце холла за широкой расписной ширмой. Все были одеты в форменные фиолетовые комбинезоны лицензированных манджафоко. Сидели на мягких подстилках, обложенные клавиатонами и переносными консолями для калибровки и диагностики синтетов.

Заметив меня, операторы кукол сдвинули консольные очки на низкие лбы и теперь обеспокоено переглядывались, словно я застал их за чем-то крайне неприличным.

— Куо-куо, парни! — как можно приветливее улыбнулся я и переплел пальцы. — Как жизнь? Может, расскажете, что тут вообще происходит?

Но ответили мне вовсе не манджофоко.

Из той самой двери, куда скрылась зареванная самочка, вдруг появился крепкий поджарый чу-ха. Почти моего роста, короткошерстый, весьма плечистый, хоть в его породе встречались и покрупнее. Не тупомордый, судя по отсутствию на скулах хирургических шрамов, но определенно с полузабытой военной выправкой. На плече удобной куртки виднелась нашивка уютного дома, хотя мне служивый был незнаком, вероятно, его наняли сравнительно недавно.

— Уходи! — коротко бросил он, и его низкий голос породил в колодце неприятное эхо. — Мы закрыты.

— О, пунчи, как славно, что ты вышел меня встретить!

Я оставил испуганных манджофоко в покое и сделал несколько шагов в сторону незнакомого вышибалы. Поднял руки, примирительно демонстрируя раскрытые ладони.

— Но дело в том, что мне очень нужно тут быть. Прямо очень. Позови поговорить кого-то из взрослых, и после этого я сразу покину ваше уютное гнездышко.

Карие глаза охранника сжались в щелки, скулы отвердели, а губа приподнялась, обнажая здоровенные желтые резцы. Он оглушительно хрустнул костяшками когтистых пальцев и медленно двинулся вперед. Теперь его голос стал еще ниже, а из-за стиснутых зубов слова казались бессвязным рычанием, будто он носил обязательный намордник банды «Обет молчания»:

— Я сказал, выметайся, бесхвостый урод!

С моих губ сорвался невольный стон. Вот терпеть же не могу, когда мне так беззастенчиво тычут в лицо физическим несоответствиям местным эталонам красоты!

Едва вышибала приблизился и совершенно по-хамски потянулся, чтобы схватить за плечо, я перехватил его правую

кисть и безжалостно выломил наружу.

Хрустнуло.

Громила пронзительно зашипел, оскалился, но не стал выкручивать лапу из болезненной хватки бесхвостого урода; сделал короткий шажок назад и выхватил из-за спины обычный строительный молоток на удобной ручке.

— Изобретательно! — хохотнул я и подался ему навстречу.

Замахнуться противнику, конечно же, давать было нельзя. Поэтому я как можно сильнее сократил дистанцию и смачно хлопнул крепыша по левому уху.

Вообще рукопашная с чу-ха — это еще та возня. Разумеется, невероятно опасная — некоторые из этих тварей умеют вертеться, будто змееголовые демоны самого Бансури. Но главное, что я запомнил с самой первой потасовки: если нет кастета или не хочешь ломать, лупи ладонью — при ударе по ушам прямоходящие крысы быстро теряют координацию.

От удара охранник уютного дома будто потерялся в пространстве.

Глаза его расширились, помутнели, и он почти выронил молоток. Но все же попытался сонно извернуться и тяпнуть меня за кисть. Разжав захват, я выругался и потянулся за кастетом. Не попал пальцами в карман, выругался еще раз.

Громила, тем временем, немного пришел в себя. Перехватил оружие, без замаха ударил снова. Я втянул живот и привстал на цыпочках, едва увернувшись от металлического жала, нацеленного в ребра. Но вместо того, чтобы разорвать дистанцию, снова насел и еще раз хлопнул его по ушам, на этот раз сразу двумя ладонями.

Охранник пискнул, поплыл, покачнулся. Молоток наконец-то прозвенел по гладкому полу, но его хозяин оказался вовсе не прост — качнувшись назад и опершись на толстый хвост, он пнул меня в левое бедро массивным ботинком, почти угодив в пах.

— Байши… — задохнулся я, отлетая от противника и падая на четвереньки. Бедро откликнулось онемением. Будь этот чу-ха натуралистом, я бы уже истекал кровью из перебитой артерии… — Это уже обидно…

Громила мягко скользнул в сторону, кончиком хвоста подцепил молоток и ловко подкинул его себе в ладонь. Стиснув зубы и все еще не спеша подниматься на ноги, я потянулся за собственным «Молотом». Посмотрим, чей эффективнее!

— Прекратите!

Громкий властный голос прокатился по колодцу уютного дома, заставив нас на мгновение оцепенеть. Покосившись на лестницу, я заметил немолодую чу-ха в глухом черном платье с

длинной юбкой-колокольчиком. Вцепившись в перила второго этажа, она испепеляла нас взглядами; седые усы гневно топорщились.

— Немедленно прекратите, — уже тише повторила она и продолжила спускаться по лестнице.

— Госпожа… — сдавленно огрызнулся вышибала. — Мои извинения за заминку, но я уже почти вышвырнул этого бледношкурого ублюдка прочь…

— Не нужно, Гвоздодер, я знаю этого юношу… Спасибо за хлопоты, но перестань на него нападать… — И когда я уже отнял пальцы от рукояти башера, снова понизила градус тона: — Ланс, милый, ты наконец-то *созрел*? Польщена, что выбор пал именно на мой дом, но тебе придется прийти повторно. Сегодня мы закрыты… по техническим причинам, прости.

Я с кряхтением встал, скрывая кобуру под пальто, но не спеша застегивать. Пожилая чу-ха спустилась с лестницы в холл и теперь направлялась к нам, шагая мелко и с достоинством. Ее плотная юбка приятно шуршала по гладким плиткам.

— Нет, я не к твоим девочкам, Лоло. Нужно поговорить, — как можно беззаботнее протараторил я, незаметно растирая бедро и не отводя глаз от Гвоздодера. — Это быстро, клянусь, всего пара вопросов. Поверь, я не полезу в ваши дела, чем бы ни были вызваны эти «технические причины». Клянусь.

Да, вынужден покаяться, у меня в норе есть старое кресло, которое скрипит реже, чем я произношу ничем не подкрепленное слово «клянусь»… Заботливая Лоло, вероятно, об этом догадывалась, потому что ее седую мордочку скривило в гримасе.

— Это *действительно* важно?

— Более чем.

— Это вопросы от Нискирича?

— Нет, госпожа, я тут по собственной воле.

Лоло остановилась в нескольких метрах от нас с Гвоздодером, снизу вверх рассматривая меня цепким змеиным взглядом. Невольно покосилась наверх, откуда еще доносились встревоженные голоса. Неодобрительно и красноречиво уставилась на молоток в лапе Гвоздодера.

Тот смутился, спрятал оружие за пояс и отступил.

— Хорошо, Ланс, — наконец решила хозяйка уютного дома. — Пойдем в салон. Но только быстро.

— Не займет и пяти минут!

— Выпьешь?

— Не стоило и спрашивать.

Госпожа Лоло поцокала коготками по сенсорам гаппи и вызвала служанку. Пропустив ее в сторону салона для

привилегированных гостей, я неспешно захромал следом. Напоследок подмигнув громиле, все еще в растерянности наблюдавшим за сценой.

Гвоздодер снова прищурился и ответил взглядом такой ненависти, что на мне чуть не задымилось пальто.

Лоло раздвинула полупрозрачные стеклянные двери и скрылась в полумраке салона. Из узкой дверцы рядом выскользнула совсем молоденькая самочка в широком поясе прислужницы, и шмыгнула за госпожой, чуть не сбив меня с ног. Развернувшись на пороге, я неторопливо вытер подошвы о специальный коврик, мягко прикрыл створки и еще раз улыбнулся Гвоздодеру.

Неспешно прошелся вдоль полок со статуэтками, наслаждаясь качеством пружинящих циновок. Постучал по прутьям просторной, снабженной всеми удобствами клетки с парой белоснежных мышей внутри — подражая вистар высшего общества, хозяйка уютного дома тоже содержала питомцев, заученно восхищаясь: «ох, какие же они милые!», или «совсем как мы, только примитивные», или «они так забавно бегают, но вот на задних лапках ходить почти не умеют», а подчас и поражая гостей таинственным «знаете, говорят у нас с этими малышами масса общих генов, и по некоторым теориям они являются нашими предками, не сумевшими перешагнуть важную ступень эволюции»…

Спрятав перчатки в карман, я задумчиво покручивал кольцо Аммы и взвешивал, как начать разговор. Служанка юркнула к столику в углу, зазвенели пробки графинов.

— Что стряслось у Черных Юбок? — Я спросил максимально осторожно, осматривая комфортабельный кабинет и выбирая себе место среди кричаще-безвкусных кресел.

— Это первый из пары твоих вопросов? — саркастически оскалилась Заботливая.

Уселась на один из больших темно-красных диванов, грациозно расправляя юбку симметричными волнами. Кокетливо подвернула хвост и бережно уложила на колени с благородством, больше присущем чистокровной вистар, нежели простецкой дочери улиц. Глава Черных Юбок выглядела усталой, подавленной и постаревшей на десяток лет.

— Нет, конечно… — со вздохом признал я, опуская рюкзак в ближайшее кресло. Сам присел рядом с госпожой, выдерживая тактичную дистанцию. — Признай откровенно, «Дети» могут помочь?

— Благодарю за заботу, милый, — кивнула чу-ха, вынимая из поясного кисета плоскую коробочку с нюхательным

«бодрячком», — но нам уже помогают.

Стянув длинную перчатку и зацепив черным лакированным когтем щепотку порошка, госпожа Лоло ловко отправила ее в ноздрю. Оглушительно чихнула, от удовольствия замотав головой. Пригладила усы и вдруг все же поделилась, смешивая в голосе печаль и раздражение:

— Немыслимое, Ланс… Одна из девочек, причем с приличным стажем… кукуга, как ни странно. Я не могу сказать, что она натворила, но… в общем, какое-то время мы будем закрыты.

Служанка бесшумно приблизилась, раздав нам с Лоло по широкому граненому стакану с коричневатой паймой на дне. Пожалев, что не попросил плеснуть в керамическую посуду, я все же благодарно отсалютовал хозяйке. Но пить пока не стал. Заботливая же глотнула, причем разом опустошив стакан. Ее желтые истрескавшиеся резцы звонко стукнули по стеклу.

— Вот не думала, что такое вообще возможно, — снова скривилась моя собеседница, протягивая лапу за плечо.

Наблюдая, как служанка беспрекословно принимает стакан и снова наполняет его, я старательно подбирал слова. Неприятности с кукуга? Такое бывало, но разве это повод закрывать уютный дом и устраивать драму?

— Значит, именно поэтому в твоем холле засела целая стая манджафоко, — я с пониманием кивнул, покачивая напитком и ощущая его терпкий дразнящий запах. — Собираетесь протестировать весь коллектив?

Лоло прищурилась на меня поверх стакана и изогнула подкрашенную бровь.

Я тут же улыбнулся и подался назад, всем телом демонстрируя, что не собираюсь вступать на запретные территории. Что, кстати, стоило мне немалых усилий, ведь любопытство уже вскипало внутри, подбивая все-таки разузнать.

Что такого могло случиться с кукуга, чтобы это так явно отразилось на хозяйке уютного дома? Чего бы ни сотворил синтет, он не мог сделать ничего ужасного, это знали даже дети. Жидкие мозги полуразумных секс-кукол пичкались таким количеством защитных протоколов, что их носители в принципе не были способны ни на что дурное. Да что там?! Мой пищевой конструктор, пожалуй, мог причинить куда больше вреда, чем запрограммированные на удовольствие синтосексуалы!

Всяческая их перепрошивка была строжайше запрещена уже много десятилетий. И манджафоко отлично знали, какое возмездие постигнет любого из цеховиков при малейшей попытке не то что сделать из куклы боевую единицу, но даже просто

добавить в ее протоколы нечто постороннее, но способное изменить главное предназначение кукуга, официально разрешенное смирпами…

Заботливая Лоло молча наблюдала за моими раздумьями. Служанка тенью замерла у столика с напитками.

В холле послышалась возня — сквозь матовое стекло дверей я заметил силуэты сразу нескольких чу-ха. Белесые, будто обряженные в глухие комбинезоны, они определенно спускали с лестницы носилки. Байши, до чего же мне хотелось взглянуть! Но злоупотреблять доверием госпожи Лоло я не имел права, как и затягивать дарованную встречу.

А потому улыбнулся, уважительно покивал, глотнул обжигающей паймы и наконец заставил себя перейти к делу.

— Госпожа Лоло, — умело играя голосом, сказал я, наклоняясь вперед, — я ищу одного малолетнего недоноска. Ничего серьезного, как я уверен, но меня наняли побыть нянькой, так что прошу понять… Его зовут Гладкий Мисмис, и у меня есть информация, что он гостевал в твоем уютном доме совсем недавно. В паре со своим поганым дружком по имени Лепесток Кринго.

Вообще-то я гордился своим голосом. И речь даже не о «низком писке», а о повседневном умении складывать слова во фразы и толково озвучивать их посторонним. Считал его мягким и пластичным, способным по моему желанию играть в диапазоне от стального клинка до самого нежного шелка.

А потому чуть не поперхнулся паймой — стоило мне замолчать, как морда Лоло исказилась, будто я заорал ей в ухо, да еще и дал подзатыльник…

По моей шее сыпанул град ледяных градин. Умоляя судьбу не быть такой бессердечной, я придвинулся к пожилой чу-ха и заставил себя бережно взять Заботливую за кисть. Ее спрятанные под черной полуперчаткой пальцы были холодны и тверды, от седой шкуры пахло страхом, скрыть который не помогали даже обильные ароматические масла…

— Так, Лоло… — как можно мягче позвал я, заставляя взгляд госпожи стать чуть более осмысленным, — я хочу, чтобы ты рассказала. Что натворил этот тупоголовый ублюдок? Клянусь, это останется между нами, но мне правда нужно знать…

Лоло удивленно моргнула. Еще раз, будто стряхивая сон. Повела усами, покачала головой и ответно пожала мои пальцы, будто предлагая остановиться.

— Ох, милый Ланс, о чем ты? Парнишка по имени Гладкий и правда был в стенах моего дома, это правда. Но он ничего не натворил, поверь, и вообще казался мне вполне безобидным

малым. Конечно, о его безродном приятеле я такого сказать не смогу, но этот твой Мисмис… мне всегда думалось, он просто заигрался в бандитов…

Я спрятал полнейшее недоумение за краем стакана. Глотал пайму мелко и неспешно, всматриваясь в мимику Лоло и с каждым мгновением все сильнее убеждаясь, что мне недоговаривают. Но почему? И ради чего?

— Ты можешь рассказать мне все, — негромко произнес я, косясь на безмолвную служанку и снова поглаживая когтистые пальцы Заботливой Лоло. — Клянусь, это не затронет репутации уютного дома.

— Милый Ланс, — оскалилась она, дохнув на меня продирающей смесью крепкого напитка и «бодрячка», — у нас ведь хорошее место. Все улицы об этом знают.

Мне пришлось унять дрожь. На морде госпожи сейчас застыла искаженная маска, и чу-ха изо всех сил старалась не дать ей треснуть.

— Верно, — признал я, очередным пожатием призывая ее продолжать.

— Не люксовое, — растягивая слова, продолжала выцеживать из себя Лоло, — с уютными домами Глянца не сравнить… но у нас уже много лет никого не обижали, сисадда? И тем более…

Ее голос дрогнул, а глаза вдруг засверкали скопившимися слезами. Моя шея вовсе оледенела в предчувствии предельно дурного толка, но теперь отступить я уже не мог. Физически и морально. Даже если предстояло услышать совсем уж поганое…

— Кто-то пострадал, так? — прошептал я, снова косясь на служанку.

Одним глотком допил пайму, даже не ощутив ее крепости. Протянул стакан в пустоту, и его сразу забрали повторно наполнить. Лоло молчала, едва заметно сотрясаясь в нервной дрожи.

Вероятно, я уже знал ответ. Но был вынужден услышать его от хозяйки уютного дома. Даже если для этого нам пришлось бы в молчании просидеть тут до вечера и выпить три бутылки. Байши! «Котелки» не обрадуются внезапной заминке… но я предупреждал, что в этот чудесный день они оказались отнюдь не первыми клиентами…

— Твой Гладкий… — наконец проскрипела старуха, глядя в невидимую точку за моим плечом.

У меня в горле образовался крайне неприятный бесформенный комок, мешавший дышать. Фрагменты головоломки уже могли бы сойтись, если бы не несколько взаимоисключающих факторов, а потому я снова сжал узловатые

звериные пальцы.

— *Вийо*, Лоло?!

— Парнишка, которого ты ищешь… Он погиб, — подтвердила та бесцветным голосом. — Несчастный случай. Чудовищный в своей сути. Но умоляю, Ланс, сохрани это в тайне. Если о нем пронюхают тетроны, уютному дому конец…

Комок в глотке превратился в гранит и рухнул, царапая изнутри. В желудок будто бросили спичку, и выпитая пайма пыхнула прозрачной болью. Перед внутренним взором мелькнули картины: вусмерть перепуганный Лепесток, тело на носилках, предчувствие матери Гладкого.

Словно бы со стороны я услышал, как предупреждаю Заботливую, мягко, но настойчиво и без малейших признаков потрясения:

— Мне придется рассказать. Его отцу. Но он не станет поднимать шум. Я гарантирую, Лоло…

— Ах, Ланс… — проскрипела старая хозяйка уютного дома, до боли сжимая мои пальцы.

Слеза, застывшая в ее подслеповатом глазу, так и не скатилась на щеку. Вместо этого чу-ха подняла к морде бокал и выпила одним глотком. Жутковатые зубы опять нервно тренькнули по стеклянному краю.

— Его убийца, — вкрадчиво подтолкнул собеседницу я, придвигаясь еще ближе. — Назови мне его имя. Обещаю, что найду его так тихо и быстро, что уютный дом не пострадает.

Госпожа Лоло покосилась на меня, как будто только сейчас заметив, как близко я сижу. Ее бледный язык смахнул капельку паймы, налипшую на седой шерсти над верхней губой. Во взгляде же ее… там было нечто, чего я объяснить не мог. Что-то диковатое и потаенное, о чем не рассказывают даже близким.

— Лоло, — повторил я, отставляя стакан на циновку под ногами и накрывая узкую крысиную кисть обеими ладонями, — я знаю, что это сделал Лепесток. Но хочу услышать это от тебя. Отцу Гладкого потребуются доказательства чуть более весомые, чем мои домыслы…

Безусловно, на этот раз найти Кринго будет не так-то просто. Более того, охоту придется отложить, чтобы заняться делом «Желтых котелков». Но я найду ублюдка. И теперь он не отделается парой ударов по ребрам…

[1] Специалист по оказанию интимных услуг за деньги.

п.1; г.4; ч.2

Глава Черных Юбок покачала головой и мягко высвободила лапу из моих объятий. Вынула платок, промокнула глаза, но я видел, что это — не более чем уловка, призванная потянуть время и дать ей собраться с силами.

Понимающе кивнув, я подхватил стакан и поднялся с дивана. Пересек комнату, бегло осмотрел ассортимент барного столика и налил себе сам. Служанка стояла рядом, неподвижная, с опущенной головой, не пытаясь ни помочь, ни помешать.

Покачивая паймой, я вернулся к дивану, но остался на ногах — посматривал за Лоло, якобы поправлявшей потекшую тушь. В затылке пульсировал неприятный маячок. А чего бы в нем оказалось приятного, если он настойчиво намекал, что в рассуждениях крылся изъян?

Допустим, Лепесток действительно недалек умом. Но стал бы последний тупица, пришив кореша в уютном доме и там же засветившись, торчать у «Аркады», накачиваясь дайзу?

— Назови мне его имя, — снова попросил я, делая мелкий глоток.

— Милый, лучше не лезь в это, — без промедления ответила госпожа Лоло.

В голосе ее не осталось и намека на грусть, теперь там было сухо и прохладно, словно в салоне дорогого фаэтона. Она протянула в сторону пустой стакан, и служанка снова плеснула в него, возвратив с ювелирно взвешенным подобострастием.

— Сообщи отцу парнишки все, что посчитаешь нужным, — попросила хозяйка уютного дома. — Скажи, что его сына больше нет. Но убийцу обязательно покарают. Можешь даже поклясться ему в этом, я гарантирую. Но сам забудь. Делом уже занимаются, поверь.

Я с трудом удержался от потока спешных, очевидно глупых вопросов. Пожевал губу, глотнул, посмаковал, затем медленно вернулся на прежнее место. Диван скрипнул.

Вот, значит, как? Делом уже занимаются? А как насчет того, что им уже занимаюсь я? Вместе с легким опьянением внутри меня поднималась волна злости, которую я пока умело контролировал. Я взял почти триста рупий Подверни Штанину. Да, значительно меньше обычного. Но теперь обязан отработать их до последнего юна…

Что это значило?

Что мне придется рискнуть.

— Дорогуша, принеси нам, пожалуйста, порцию сладкого

энергетика, — громко попросил я, обращаясь к неподвижной служанке. — Твоей госпоже нужно восстановить силы.

Та вскинула острую мордочку, вопросительно переводя взгляд с дерзкого манкса на хозяйку и обратно.

— А еще лучше, самой чистой воды. И найди в аптечке что-то успокоительное, — добавил я, не меняя повелительного напора. — У вас всех был трудный день.

Заботливая Лоло вздохнула, пригладила серебристые усы и устало кивнула девчонке. Та поклонилась, попятилась к дверям и почти бесшумно выскользнула в колодец холла.

— Прости, что заставил понервничать, — искренне покаялся я, забирая стакан престарелой госпожи и отставляя на подлокотник дивана. — Обещаю, наш разговор почти окончен и скоро мы сможем отдохнуть. Но сейчас, Лоло, я хочу, чтобы ты выслушала меня внимательно, и не перебивая…

Та, покорно позволившая забрать недопитую пайму, настороженно повела сухим носом, но едва заметно кивнула. Она доверяла мне, как доверяла Нискиричу и всем «Детям», и подонок Ланс фер Скичира собирался воспользоваться этой доверчивостью. Пусть и как можно мягче…

Времени у меня было опасно мало. Наклонившись к Лоло, я настроил голос на нужную тональность и негромко, нараспев произнес:

— *Девять крохотных мышат,*

Сговорились не дышать…

Глаза Лоло, и без того не самые блестящие от солидного возраста, словно затянуло белесой пленкой. Чу-ха нахмурилась, вслушиваясь в стишок, ее нос снова вздрогнул. Косясь на дверь, я продолжил:

— *Один вдруг затих не шурша,*

И осталось лишь восемь мышат.

Заботливая часто заморгала, откинулась на спинку дивана, плечи ее поникли, лапы упали на жесткие юбочные складки.

Это было трудно назвать везением, ведь труп моего клиента сейчас выносили из борделя через вход для прислуги, но его элемент тут был — почти без давления поплыть моей собеседнице помогли именно стресс и усталость. Внимательно наблюдая за рывками ее зрачков, я усилил нажим, на всякий случай прочитав еще один фрагмент:

— *Задохнулся второй насовсем,*

И мышаток осталось семь.

И когда заметил, как зрачки хозяйки уютного дома Черных Юбок сжались до размеров булавочного укола, зафиксировал мощной фонетической подсечкой:

— *Отречение.*

— Отречение, — негромко повторила госпожа Лоло.

— Бесцветная относительность переплывает горизонт радости, — скороговоркой выпалил я.

Она снова повторила, слово в слово, без эмоций, находясь под всепоглощающим воздействием того, что в нашей казоку называли «низким писком». Потому что если ты позволял мне начать… если не знал или был не готов… то обязательно попадался, как все прочие *до*, и все *последующие*. Потому крысы и боялись Бесхвостого. Потому и уважали его…

Смахнув с виска пот, я глотнул паймы, вдруг ставшей совершенно безвкусной. Придвинулся еще ближе. Приказал негромко, не меня тембра:

— Лоло, милая, назови мне имя убийцы Гладкого Мисмис.

Ее шелестящий ответ чуть не выбил меня из колеи, поставив под удар весь этот спешный допрос.

— Симайна, — спокойно ответила старая чу-ха. — Это сделала Симайна, одна из моих проверенных кукуга.

Я отшатнулся, с опаской покосившись на двери салона.

— Не лги мне, — все же удержав нужную интонацию, распорядился я. — Не смей мне лгать, Лоло! Кто, как и когда убил Гладкого?!

Ее стеклянные глаза нашли мои, уставились в них, а затем госпожа задумчиво оскалила крупные потрескавшиеся зубы в улыбке. И я сразу понял, что она не врет. Никто не может обмануть терюнаши под воздействием его чар…

— Это сделала Симайна, — с горечью повторила Лоло. — Немыслимо, верно? Но это она. Вчера ночью. Ближе к рассвету. Она порвала бедолагу на куски. Так много крови… Да, Симайна. Она сбежала, если хочешь знать. Не знаю, как весть о бойне просочилась за стены моего дома… но недавно пришли чистильщики. Хорошие чу-ха, очень вежливые господа. Они пообещали мне, что все сделают, и никто больше не узнает.

Мой следующий вопрос застыл на губах. Вернулся в горло, заставив поперхнуться, и растаял на деснах прозрачной пластинкой «карамели».

Я точно знал, что Заботливая Лоло говорит правду, но не мог в нее поверить. У Гладкого обнаружились некие покровители? Казоку, способная предоставить уютному дому высококвалифицированных чистильщиков?

Я почувствовал, что стремительно потею под всей своей многослойной одежкой. Жгучая капля скользнула в глаз, заставила поморщиться. Тогда я только и нашелся спросить, тут же пожалев о бездумной трате вопроса:

— У Гладкого были весомые друзья?

— Это мне не известно… — Лоло пожала обмякшими плечами и вяло всплеснула лапами. — Но их команда работает умело и быстро. Вот увидишь, через час тут уже не будет и следа этой бойни…

— Лоло! — Я приблизился к ней почти в упор, будто хотел поцеловать, и взглянул в мутные глаза. — Не смей мне лгать! Синтет не способен убить обитателя гнезда!

— Но я не вру, милый, — глуповато улыбнулась старая крыса, пощекотав мою щеку белыми усами. — Клянусь предками.

Я встал. Я оглянулся на дверь. Глотнул еще паймы, лихорадочно соображая, что делаю не так. Наклонился, пытливо изучая зрачки чу-ха. Совсем скоро она сорвется с крючка. Или вернется служанка. У меня оставалось время на последний вопрос, самый важный и ценный, иначе я останусь ни с чем…

— У тебя есть полная база слежения самок-кукуга Черных Юбок?

— Ха! — сонно усмехнулась Лоло. — Разумеется, милый, без этого я была бы очень плохой хозяйкой…

— Пересыпь мне в «болтушку».

— Конечно, милый.

Она подняла вялую левую лапу, задрала перчатку и пострекотала коготками по панели запястного гаппи. Мой тут же откликнулся, просигнализировав о получении нового информационного пакета.

А еще через секунду зрачки Заботливой Лоло начали увеличиваться в размерах, и я торопливо присел рядом с ней на прежнее место. Мягко заставил взяться за стакан, придержал, ласково погладил по костяшкам и оправил задранную полуперчатку.

— Не волнуйся, Лоло, все обойдется, — громко, но с настоящей заботой произнес я в тот самый момент, как дверь салона открылась и внутрь проскользнула служанка с подносом. — Выпей лучше лекарств, а пайму оставь пропащему Лансу…

Я снова забрал у нее стакан и с деланной бравадой подмигнул служанке, но заметил на ее мордашке подозрительное замешательство. Поставив поднос на подлокотник, та опустилась перед госпожой, встревожено заглядывая ей в глаза.

— Успокоительное, — вполголоса напомнил я, взглядом указав на принесенный пузырек.

Лоло, пробуждаясь от транса, задумчиво потирала висок. Искоса наблюдая за мной и будто бы что-то подозревая. Быть может, сопоставляла внезапный провал в памяти со слухами, что

плодят обо мне улицы Юдайна-Сити?

— Все в порядке, — уверил я ее, поднимаясь с дивана и допивая угощение. — А вот ты на крепкое лучше не налегай…

Хозяйка уютного дома молча проглотила пару капсул и запила водой. Зрачки ее пришли в норму, но правое веко еще подрагивало.

— Благодетельная Когане, — прошептала старуха, — мне и впрямь нужно отдохнуть…

— Спасибо, Лоло, — совершенно искренне поблагодарил я, отставляя стаканы, подбирая рюкзак и направляясь к дверям. — Обещаю, все сказанное останется только между нами.

— Ох, Ланс, милый… — она махнула мне вслед лапой, тут же бессильно уронив ее на юбку. — Надеюсь, так и будет. Ведь от этого зависит будущее всех Черных Юбок…

Поклонившись хозяйке заведения, я вышел в холл, мягко затворил за собой стеклянные створки; а затем сдвинулся так, чтобы меня не было видно из салона, опустил рюкзак на пол и прижал разгоряченный лоб к холодному бетону стены.

В голове шумело от выпитого и новостей.

Кукуга-убийца! Яри-яри, если бы я не узнал об этом на личном допросе, не поверил бы даже самым близким чу-ха… А что, если Гладкого почикал все-таки Кринго, обставив так, чтобы подозрение пало на бедняжку Симайну? Пожалуй, это возможно, но тогда я крепко недооценил его мозги.

А сама кукуга? Сбежала из уютного дома, серьезно? Такое вроде бы уже случалось, но только когда опасность угрожала самим служительницам синтосексуализма. Но чтобы та осознанно причинила вред гостю? За несколько десятилетий эксплуатации кукол ни разу не случалось сбоя, приведшего к летальным последствиям. Или случалось, но умело замалчивалось манджафоко?

Я рывком повернулся к ширме, за которой продолжали настраивать оборудование трое операторов. Но не успел и рта открыть, как вдруг заметил, что в колодце холла теперь присутствует еще один чу-ха.

Он стоял на балконе второго этажа, почти там же, где нашу драку с Гвоздодером застала Заботливая Лоло. Черной масти, широкоплечий, с пугающе-стильными когтями-имплантами из матового титана и такими же клыками, врощенными в челюсть по обе стороны от резцов. Одетый в очень строгий и столь же дорогой пепельно-серый брючный костюм; со старательно залакированной на бок челкой; в умных непрозрачных очках цвета хром. Которыми, без сомнения и всяческой скромности, сейчас сканировал меня.

— Терюнаши Ланс, — кивнул незнакомец, вежливо приподнимая невидимую шляпу. — Ты не голоден? Как поживаешь?

И улыбнулся, продемонстрировав выдвижные клыки-имплантаты. Я улыбнулся в ответ, шустро накинул рюкзак и небрежно оперся о стену. Мне вдруг стало жутковато, а оставленный Гвоздодером синяк на бедре очень не вовремя заныл.

— После рюмки-другой в компании старой знакомой все становится куда лучше! — Я легко поклонился, продолжая ощущать себя подопытным под прицелом микроскопа. — А ты кто?

Пожалуй, в привычной мне манере я хотел смутить и даже раздразнить внезапного собеседника, сбить его с толку, перехватить инициативу. Но не вышло. Тот облизнул ослепительно-белый резец и совершенно спокойно ответил.

— Ты, Ланс, можешь называть меня господин фер Сакага.

Моя рука чуть не соскользнула со стены. Сделав пару шагов к центру колодца, я задрал голову и с нарочито нахальным интересом еще раз осмотрел чу-ха. Тот оставался неподвижен, опирался на перила и бесстрастно взирал на меня сверху вниз.

Теперь в моей голове не просто кружило, там бесилась лихорадка мыслительного урагана. Фер Сакага? Сам Пыльный, собственной персоной? В борделе средней лапы, где кукуга якобы порезала якобы безродного клиента?

Я начинал всерьез подозревать, что в съеденную недавно лапшу было что-то подмешано. А может, меня отравили «Котелки»? Мог салон «Крейса» быть наполнен дурманящим газом?

Вероятно, очки Пыльного сканировали не только одежду и тело. Будто прочитав мои мысли, фер Сакага неспешно провел по гаппи титановым когтем и на мою «болтушку» пересыпалась визитка.

Подняв запястье к лицу, я уставился на простую, на грани примитивизма, презентационную карту, в которой значилось: «Господин Сакага. Специалист по решению незаурядных задач». А в уголочке, совсем крохотный, блестел свето-струнным глянцем миниатюрный герб «Уроборос-гуми»…

Я подумал, что возможность связно излагать мысли вернется ко мне совсем нескоро. Поднял глаза к Пыльному, и тот еще раз дружелюбно кивнул.

Раньше мы не сталкивались. Что, впрочем, я считал неслыханной удачей. Потому что Сакага… то есть, господин фер Сакага работал на казоку, рядом с которой «Дети заполночи»

казались беспомощными «Детьми заурядности». И одно дело, ненароком встретить столь опасного чу-ха во время ночного представления в «Перпекто», и совсем другое — в доме Черных Юбок, откуда только что вынесли моего клиента со скрученным хвостом…

— Ты здесь по работе, Ланс? — поинтересовался Пыльный.

Голос у него был мягкий и вибрирующий. Вполне подходящий для использования «низкого писка», если бы обитатели Тиама вообще имели к нему талант. Но чаще всего за приятным произношением всегда кроется гадкий подтекст, и вот он-то действует на меня крайне агрессивно.

— Нет, какой там, — как можно небрежнее отмахнулся я. — Вставлял под хвост новенькой, вот с Лоло и разболтались. Обсуждали, так сказать. Могу посоветовать.

Сакага улыбнулся. Не как большинство своих сородичей, а вовсе не обнажая выступающих зубов, будто бы протяжно и лениво. И нужно заметить, выглядело это пугающе.

— А ты забавный манкс, — признал он, и с перезвоном побарабанил темно-серыми когтями по перилам балкона.

— Только для друзей.

Шокирующее очарование, распространяемое Пыльным, сразу прошло. Я снова стал сыном Нискирича, «Дитем заполночи» и дитем улицы, болезненно реагирующим на скрытые угрозы. Даже от таких непростых чу-ха.

— Приятно слышать, — не смутился фер Сакага, оправляя рукав безупречно пошитого костюма. — В таком случае, Ланс, позволь дать тебе дружеский совет.

И, не дожидаясь моей реакции, чуть повысил голос:

— Что бы ты тут ни вынюхивал, совет будет одним — не нужно. Ты должен знать, как мы уважаем младшие уличные казоку. И из уважения к Нискиричу я скажу его сыну — тебя любит и ждет улица, Ланс Скичира, но происходящее в этих стенах может оказаться не по зубам. Сисадда?

Я хотел было напомнить ему, что в нашей ситуации было бы более уважительно использовать доставшуюся мне по праву усыновления приставку «фер», но отчего-то решил смолчать. Некоторым дозволено запанибратское общение, верно? До нужного часа, скажем так…

Пыльный улыбнулся, на этот раз с оскалом, успев вновь похвастать безупречной белизной ухоженных зубов, на фоне которых выделялись изогнутые клыки. Я задумался, пожевал губу. А затем весьма демонстративно вытер правую ладонь о полу пальто, надел перчатки, затянул потуже и подвигал пальцами, будто бы примеряясь к рукояти башера.

И только затем ответил чу-ха на втором этаже, причем почти без издевки:

— О, фер Сакага, вы дали действительно мудрый и дельный совет. И я обязательно им воспользуюсь, не сомневайтесь.

Шутливо поклонившись, я направился к входным дверям. Меня так и подмывало поговорить с притихшими за ширмой операторами, но не на глазах же Пыльного, недвусмысленно попросившего покинуть заведение? Очуметь… Агент «Уроборос-гуми» в уютном доме Седьмой улицы! То ли с ума сходил я, то ли свихнуться готовился весь привычный мне мир…

— Ты молодец, Ланс! — Донеслось мне в спину. — Пусть будет легкой твоя дорога!

— И вам не болеть, господин Пыльный, — едва слышно пробормотал я, открывая двери в прихожую.

И краем глаза заметил, как длинные титановые когти Сакаги впиваются в перила — глубоко, почти протыкая. Смыкая за собой створки, я подумал, что происходящее мне все больше не по нраву… К добру ли это, второй раз за час столкнуться с представителями столь почитаемых в гнезде казоку? Казоку, если говорить откровенно, на определенных условиях способных бросить вызов даже Смиренным Прислужникам.

Обдумывание этой мысли пришлось отложить: из неприметной дверцы для персонала во входной шлюз вдруг выглянул Гвоздодер, и я благоразумно покинул уютный дом со всей возможной для меня скоростью.

Глава 5. ПО ТЕПЛОМУ СЛЕДУ

Пылевая буря утихла, оставив Седьмую под слоем грязно-желтой пыли. Завывания тоже смолкли, но наэлектризованная атмосфера подсказывала, что выше Глянца, поглаживая ветростаты серой бахромой, собираются ливневые тучи.

На сердце было неспокойно, отбитая нога наливалась тяжестью.

Бригады уборщиков ворчливо выбирались из нор-сторожек, расчехляли мобильную технику и начинали уборку песка с тротуаров и обочин. Вокруг них с азартом вились лысые уличные псы, носились по барханам и со смешным воем выискивали в сыпучих волнах нанесенных из-за города насекомых.

Убедившись, что Гвоздодер не решился переносить нашу распрю на крыльцо, я вынул флягу и сделал несколько больших глотков воды. Затем, несмотря на завершение бури, все-таки надел маску, под которой мое бледное бесшерстное лицо не так бросалось в глаза прохожим.

В голове перестукивались вопросы, смазанные паймой до состояния неуловимых образов. Что за срань вообще происходила? И почему, во имя Благодетельной Когане Но, заурядное задание неопрятного механика нельзя было выполнить проще и быстрее?!

Впрочем, почему это нельзя?..

Изучая проезжающих по Седьмой гендоистов, я потрогал кольцо Аммы и задумчиво хрустнул пальцами.

Гладкий Мисмис убит. Это четкий факт, и чтобы засвидетельствовать его, мне не нужно требовать осмотра тела. Кринго не при делах. Даже останься он в уютном доме на ночь, помочь приятелю бы не смог. Труп Гладкого уволокли чистильщики Пыльного, и если Подверни проявит дипломатический такт, чуть позже сможет выпросить его для достойной кремации. Впрочем… я встречал глухонемых, обладающих куда большим даром убеждения, чем этот увалень. Выходит, мне остается лишь вернуться к несчастному отцу и честно передать ему результаты своего короткого расследования.

Но что мешало мне сдвинуться с места, снова сесть на транзит и как можно скорее вернуться в комплеблоки Бонжура? Я знал ответ. И он меня не радовал.

Потому что столь же прекрасно знал, что такая вот неугомонность однажды может свести меня в печь крематория… Байши, да теперь я был просто обязан найти эту странную кукуга и непременно выяснить, что случилось в доме Черных Юбок, и

всю ли правду сказала мне Лоло!

Зачем? Почему я так рвался закончить дело на 279 рупий и собирался еще на несколько часов отложить в ящик заказ на четыре тысячи? Эти ответы тоже были мне ведомы, но озвучивать их я не стал бы даже мысленно…

Обнаружив, что стою на обочине, я медленно поднял руку с растопыренной пятерней. Из потока электрических самокатов почти тут же вынырнул (нарушая правила, вызывая на себя потоки брани и отвечая не менее цветасто) гендорикша с кабинкой на трехколесной раме.

— Домчу, как ветер, чтоб деньги не на ветер! — оскалился он под прозрачным противопылевым забралом из исцарапанного пластиката. — Садись, уважаемый, пешком ходит только неуважаемый!

Стиснув зубы, я забрался в узкую кабинку за спиной «поэта». Тот еще что-то трещал, благодарил и желал приятной поездки, но полиэтиленовый полог застегнуть помог, позволяя мне укрыться и от непогоды, и от собственных чудо-виршей.

— Куда едем, мой дорог**о**й? Верной ли дор**о**гой?

Закатив глаза, я заставил себя игнорировать изобретательность его несравненных рифм и сверился с запястником. Сдвинув полученный от Перстней пакет, открыл базу Заботливой Лоло, торопливо набрал нужное имя. Консоль какое-то время размышляла, цепляясь к мощностям Мицелиума и перебирая данные станций слежения, и наконец пометила карту алой букашкой маяка.

Моя бровь изогнулась, хотя ничего иного я не ожидал… Впрочем, могло быть хуже — будь все хоть вполовину так плохо, как уверяла хозяйка Черных Юбок, с Симайны бы сталось и в Нижний Город нырнуть…

— Гариб-базар, — бросил я в щель засаленного полога. — За скорость доплачу.

Рикша обернулся и расплылся в такой довольной улыбке, что я испугался за сохранность его челюстей. А затем с пониманием кивнул, плавно вложил длинные нижние лапы в специальные мешки-педали и рванул с места.

Гендо юркнул в течение себе подобных, без умолку тренькая клаксоном; в ответ на ругань мой водитель не стеснялся отвечать втрое. Стянув рюкзак, чтобы не давил в спину, я постарался как можно удобнее устроиться на узкой сидушке и сдвинул маску на грудь.

Внутри свербело. Гаденько, протяжно.

Гул Седьмой улицы снова сливался в дерганный музыкальный ритм, на который накладывалось хриплое дыхание

двигателя гендо. Сняв перчатки, я задумчиво потер ладони и активировал гаппи.

С делом Гладкого, какими бы мотивами я не руководствовался, следовало заканчивать как можно скорее. Потому что совсем скоро «Котелки» переведут на мой счет авансовый платеж. За который, кстати, спросят. А у меня до сих пор не нашлось времени даже по диагонали изучить дело ограбленного антиквара…

— Поднажми! — выкрикнул я сквозь полог, при этом нервничая чуточку больше, чем хотел.

Водитель покивал переднему колесу. Не оборачиваясь, поднял вверх оттопыренный большой палец с обломанным когтем и сумбурно срифмовал что-то вроде «платить-лететь». Кабинка вокруг меня затряслась и заскрипела, затем еще сильнее, электромотор зафырчал и начал ощутимо пощелкивать.

Через пару минут мы выбрались из-под подуровня Седьмой, и по тонкой крыше отстучали первые капли дождя.

Я знал, зачем тащусь в Гариб-базар. Потому что самой реалистичной версией все еще оставалась такая: Лепесток сам порешил дружка. Под наркотой или за долю в добыче, но расписал его с такой жестокостью, что ужаснулась даже выросшая на улицах Лоло. А затем, не придумав ничего умнее, свалил все на кукуга. Но, байши, сумел сделать это так достоверно, что госпожа поверила…

Оставался интересный вопрос — откуда нарисовались «Уроборос-гуми»? Чтобы такая серьезная казоку, уважаемая даже Смиренными Прислужниками, крышевала второсортный уютный дом в подвалах Глянца? Причем напрямую, используя персон вроде Пыльного, а не лапами подконтрольных уличных кланов?

Я поймал себя на том, что качаю головой и бездумно пялюсь в стенку, на которую падал свето-струнный слепок с «болтушки». Предчувствие, зародившееся в салоне Лоло, крепло и становилось все более недобрым…

Подавшись вперед, я выглянул через щель в пологе, за что был отблагодарен порывом свежего ветра, ворвавшегося в низкую вонючую кабинку. Судя по всему, мы давно оставили за спиной и заведение Черных Юбок, и Глянец, сейчас приближаясь к Тысяче Дорог.

Встряхнувшись, я глотнул еще воды и все же решил просмотреть переданные Перстнями данные. Порыскал в недрах гаппи, вывел данные на стену. В ту минуту мне показалось, что если я хоть ненадолго не отвлекусь от странного дела Гладкого, то просто взвою…

Информации, как и предупреждал Термокружка, было

немного. Предположительно, ограбившая дом антиквара банда состояла из трех или четырех поденщиков. Верховодил чу-ха по имени Псина, и именно его досье я решил изучить более пристально.

Пролистал снимки из тетронского архива, справки о привычках и физическом состоянии, скудную информацию о детстве и криминальных пристрастиях.

Тощий, осунувшийся, загодя постаревший от многочисленных передозов, Псина был представителем той самой породы, что в «Детях заполночи» не доживали до третьего серьезного дела. Но, судя по собранной «Котелками» информации, свое дело по вскрытию замков знал, а ловушки и системы наблюдения обходил с дерзкой игривостью. Которая, впрочем, не помогла ему пережить «душевный разговор» с последними…

За стенками кабинки шуршал дождь, принося Юдайна-Сити прохладу и свежесть, мягко прибивая и вымывая нанесенную из пригородов пыль.

Сработали парни Псины довольно чисто. Ни в отчетах тетронов, ни на новостных станциях не засветились, из района ускользнули без следов и трупов случайных свидетелей. Я задумчиво уставился на пиктограмму, под которой хранились короткие сопроводительные записки на предполагаемых членов шайки, но знакомство с этой дешевой мразью решил отложить…

Вернулся к Псине. Обнаружил, что с юных лет он жил законами улиц, но в достойных казоку никогда не состоял, пару раз крупно конфликтовал с «Верткими прыгунами», имел полдюжины приводов в Управление и почти не высовывался из Нижнего Города.

Откинувшись на жесткую спинку, я уставился в обшарпанный потолок пассажирской кабины и покрутил кольцо Аммы. Вот за что мне такое?! Причем уже в этой жизни… Неужели так дурно жил в прошлой?

Такакхана, Подпол Дна, Нижний Город… грязный и опасный, провонявший плесенью и отходами, не видящий дневного света, не соблюдавший ни законов города, ни законов улиц. Снова ждущий меня в гости?

Ничего, как-нибудь управлюсь… на моем веку бывали и куда более гадкие заказы, вспомнить хотя бы дело о «гулящей монашке». Или о «переговорщике, ставшем заложником».

В первом случае нанимателем стал довольно известный промышленник, не самый крупный в гнезде, но и не из мелких. Он так и не признался, откуда узнал о моих услугах, но не побрезговал лично притащиться в Бонжур и нанять бледнокожего мутанта для разбирательства в одном странном дельце.

Дескать, его целомудренная дочь, решившая встать на путь затворничества и пожизненного служения Когане Но — больше не его дочь. Начиналось у меня все достаточно чинно: посещение благопристойных районов на восточных окраинах, изучение красивейшей Храмовой Аллеи, где сосредоточены многие места служения, монастыри и комплексы уединенного обитания почитателей Благодетельной. Повидаться с «дочерью» тоже удалось, но издали, препятствовали уставы и запреты храма. В итоге в комплекс пришлось проникать тайно, попутно нашпиговав «сомотранком» двух подвернувшихся служек.

При более тесном контакте с самочкой (чего законопослушного папашу лишали упомянутые уставы) выяснилось, что это действительно не она, а очень качественная кукуга, выполненная по спецзаказу за серьезные деньги. Я начал распутывать цепочку. Вышел на не самого чистоплотного манджафоко, который превратил куклу в копию заказчицы и обучил подобию смирения, убедив не кидаться на соседок-монашек с предложением жаркого массажа. И вот оттуда-то и потянулась ниточка в Нижний Город…

В общем, оказалось, что у дочери клиента появился ушлый хахаль. Причем совсем не с ее социального этажа, обычное уличное отребье, ни секунды не забывающее прикидывать, где и что плохо лежит. И случилась у них сумасшедшая любовь, на которую папаша по понятным причинам смотрел без энтузиазма. Тогда парнишка и предложил улетный план с целомудренностью, почитанием Когане и подменой. А опьяненные чувствами малыши спокойно прихватили часть папашиного состояния и растворились в Такакхане. Точнее, думали, что растворились.

Я все же нашел обоих. Почти два месяца потратил, но нашел. В свальной обители Красных Носов, где пылкий юноша приноровился за недорого сдавать молодую жену в краткосрочную аренду соседям. Перед этим, разумеется, прокутив все сбережения и крепко подсадив самочку на стрих.

В итоге я прострелил ему горло, и вовсе не «сонной» фанга, а ее вывез наверх. В багажнике фаэтона, так уж вышло. Но папа-заказчик на меня в обиде не остался… Внизу нет ни единого силового рельса, поэтому фаэтоны там не летают, а опасно буксуют на загаженных дорогах. Это, должен признать, значительно усложнило отступление, в какой-то момент переросшее в полноценную погоню с пальбой и давкой пешеходов. Но я все же выбрался, после чего зарекся соваться в Нижний Город и целый год этому правилу следовал…

Со вторым делом было не легче. Старый, почти отошедший от дел боец Нискирича по имени Хрипун пришел ко мне с горем, что

его племянника схватила залетная банда, утащила в Такакхану и требует выкуп. Дескать, глава казоку решил в ситуацию не вмешиваться, но на деле (я узнал об этом позже) он вообще был не в курсе.

Отправившись на переговоры, где мог бы использовать свои пугающие чу-ха таланты, я угодил в западню. Как выяснилось позже, Хрипун собирался в отставку и задумал обеспечить себя пенсионом — «залетные» оказались его наемниками (к счастью, хоть не из «Садовников»), никакого племянника в плен не брали, а истинным объектом выкупа должен был стать я.

Из той мрачной истории мне удалось выпутаться с тремя дырками от фанга, пройдя по трупам шестерых подельников Хрипуна. Когда я, истекающий кровью, добрался до крепости казоку, Нискирич чуть не обезумел.

Вниз был послан карательный отряд «Детей», вычистивший логово предателя с максимальной жестокостью, а самого предприимчивого старика взяли живьем, пытали, а затем демонстративно распяли посреди Утренней Площади Бонжура, как напоминание о моей неприкосновенности…

Я вспомнил про четыре тысячи рупий. Я вспомнил о грязи и крови, которые почти час отмывал от ботинок после прошлой «прогулки». Я свернул досье Псины и решил, что до поиска схронов домушника мне ст**о**ит потрясти перекупов.

Скорее всего, кулончик уже гуляет по Юдайна-Сити. Еще оставались шансы, что я перехвачу его без очередных допросов вонючих уголовников. Впрочем, все зависит от того, как быстро будет закрыт вопрос Гладкого…

Щелчком ногтя я выключил гаппи.

Как ни крути, но сосредоточиться на заказе «Желтых котелков» мешали мысли о Заботливой Лоло и ее самочках.

Неужели старуха действительно решила, что кукуга способна на убийство? Могла ли глава Юбок соврать «низкому писку»? Шесть лет его использования неоднократно опровергали даже малейшую вероятность такого исхода… Но, возможно, Лоло на самом деле верила в сказанное? Будучи, например, крепко обманутой еще до встречи с Бледношкурым. Ведь *убеждать* в этом городе, как ни крути, умели и кроме меня, причем самыми разными способами… Оставалось надеяться, что одна из этих версий верна. Потому что если нет…

Потому что если госпожа Лоло сказала правду, предостережение Пыльного уже не казалось мне малозначительным формальным намеком не совать носа в чужую тарелку…

Предо мной колыхалась спина рикши, затянутая в балахон

универсального плаща. Испытывая жгучее желание проветриться, я расстегнул полог и позволил свежему воздуху вместе с каплями дождя ворваться в кабину. Да, нужно проветриться. И от обилия новостей, и от обилия выпитой с Лоло паймы.

А гендо, тем временем, уже вползал в паутину Тысячи Дорог.

О, Тысяча Дорог, огромная территория, занятая нереальной тринадцатиуровневой развязкой, с которой можно попасть в любую точку гнезда! Господа и их спутницы, предлагаем вам насладиться захватывающими видами нашего блистательного Юдайна-Сити!

Мы находимся на въезде в Тысячу Дорог, причудливое переплетение бетонных серпантинов, с которых миллионы обитателей гнезда могут попасть в любой район, за исключением Нижнего Города, центральные спуски в который заблокированы несколько десятилетий назад.

Каждая эстакада этого безумного транспортного клубка оборудована самыми современными энергетическими линиями для передвижения фаэтонов и станциями наблюдения. К брюху большинства веток цепляются тоннели транзитов, а в самом сердце Тысячи подвешен крупный пересадочный узел.

Если вы высунете голову из кабинки рикши с риском шарахнуться ухом о кузов обгоняющего грузовоза, то увидите за левым плечом Глянец, где обитают добропорядочные и законопослушные жители, если таковые вообще существуют в нашем городе. К Глянцу примыкают Каменные сады, известные нагромождением дорогущих охраняемых особняков, за ними виднеется плотная застройка известного вам Бонжура.

Узким клином простираясь от нищих окраин до самой сердцевины Юдайна-Сити вбит Колберг, средоточие промышленных объектов, заводов и фабрик. Если вам нужен цех по сборке гаппи или фаэтонов, линия сборки ветростатов, швейное предприятие или крупный пищевой комбинат — добро пожаловать в Колберг.

К северу от него в грязной неароматной дымке теряется Ишель-фав, но пусть вас не обманывает его близость к ядру гнезда. Являясь своего рода северными воротами города, этот район считается еще менее престижным и благополучным, чем Бонжур, а на его территории (разумеется, только по слухам) можно обнаружить не один невольничий рынок. Что, кстати, вашему покорному слуге известно не понаслышке…

Над нами на рейдах парят сотни ветростатов, украшенных символикой смирпов или рекламой корпоративных казоку. Привязанныая к городу огромными кабелями армада столь велика, что кажется: небесная флотилия вот-вот по периметру

вырвет из земли город, к которому крепко заякорена, и утащит в дикую пустыню.

Заметили блеск речной глади, яркой змеей вьющейся через перечисленные районы? Это несет на север свои потоки могучая и неторопливая Ек-Вишаль-Кулхади-Утким-ек-Нишан, в просторечии именуемая просто Вишаль.

Учитывая панический страх хвостатых обитателей Юдайна-Сити перед открытой водой, вы почти не найдете на ее волнах ни барж, ни яхт, ни прочих судов, и лишь широкий мелкий залив Ка-Соу обмелен с безрассудной отвагой, впоследствии укрыт пластигласовыми навесами и дал жизнь сотням рисовых и водорослевых ферм.

Но вернем свой взор к бесформенным сияющим небоскребам, где трудятся самые трудолюбивые и толковые чу-ха во всем городе — это район Уроборос, финансовый двигатель Юдайна-Сити и обитель чистых кухонь, на которых собирают только лучшую армейскую технику или кукуга; место необычайного стиля, надменности и столь же мощной привлекательности, где одна чашка чинги стоит больше, чем недельный заработок рядового обывателя.

Там гостя встретят широкие, ярко освещенные проспекты, заполненные новейшими моделями фаэтонов, слепящие рекламой и огнями ювелирных витрин. Там его ждут самые красивые и модные самочки, пайма двенадцатилетней выдержки, талантливые корпоративные проектировщики в ботинках за тысячу рупий и магазины с едой настолько натуральной и здоровой, что желудочные язвы рассасываются от одного взгляда на нее.

Пожалуй, можно сказать, что Уроборос презирает кизо-даридрата, но с моей точки зрения он ее вернейший последователь — своим блеском район намеренно подчеркивает нищету остального города, напоминая о бренности, сиюминутности и незначительности всего материального.

Гигантская игла, упавшая из низких облаков точнехонько на границу Уробороса и Пиркивелля — знаменитый «Слюдяной небесный мост», самое высокое здание Юдайна-Сити и место столь же таинственное, сколь и потрясающее масштабами.

За деловым центром виднеются скромные высотки Пиркивелля, места повышенной концентрации штаб-квартир крупных корпораций и рабочих резиденций самих Смиренных Прислужников. И пусть вас не обманывает нарочитая скромность изучаемой архитектуры: за гладкими серыми стенами сосредоточена такая власть, рядом с которой фальшивое сияние Уробороса покажется тусклым мерцанием дешевого серебра…

Дальше к северо-востоку виднеются Холмы Инкамо с их Храмовой Аллеей, чуть южнее раскинулся Тинкернальт — место обитания множества уважаемых семей вистар, предки которых стояли у истоков основания нашего благословенного гнезда; а еще восточнее лежат районы, куда ваш экскурсовод не забирался и вовсе.

А вот и конечная цель ознакомительной прогулки!

Чуть ближе Тинкернальта, если скользить взглядом с Тысячи в юго-восточном направлении, вы, без сомнения, заметите два ряда по пять стометровых ветряков, в целом занимающих площадь парочки Бонжуров. Да-да, вон те самые, половина из которых уже отключена, потому что не так давно Смиренные Правители перешли на массовый запуск более эффективных ветростатов. Вам кажется, что старинные ветряки выросли на выгоревшей плеши? Вам не кажется — эта плешь и есть Гариб-базар.

Когда именно сброд с окраин проник на поле энергонакопителей, чтобы захватить землю и разбить у подножий гигантов свой шелудивый городок? Боюсь, об этом не помнят и местные историки. Но теперь он там — ежесекундно гниет в непрерывно движущихся тенях великанских лопастей, бурлит и клокочет, как чан с кислотой.

Видите просторные жестяные ангары? Это Секции, где ведут дела и делишки наиболее важные обитатели сей нищей помойки. Секций восемь, все они возведены вопреки запретам властей и остаются самыми крупными постройками Базара.

Вокруг них, плесенью облепляя основания промышленных ветрогенераторов (но благоразумно не вредя даже устаревшему оборудованию смирпов), рассыпаны тесные кварталы из металлических грузовых контейнеров максимум двухэтажной высоты, шатких модульных домишек и жалких палаток.

Это, господа и их спутницы — места работы и приема пищи, отдыха, сна, строгания и воспитания детей для 90 % населения Базара, большинство из которых никогда не покидали границ района. Заманчиво, не так ли? На этой жизнеутверждающей картине наша поездка подходит к концу, рикша сворачивает в глубины развязочного клубка, а экскурсовод устал…

Задернув полог, я снова откинулся на спинку и вдумчиво размял пальцы.

Несмотря на грязь Такакханы, настоящая помойка Юдайна-Сити, по моему скромному мнению, располагалась именно в Гариб-базаре. Этот нарыв на теле гнезда, эта постоянно возрождающаяся опухоль была настолько лишена даже мнимого присутствия «полосатых рубашек», что Бонжур на ее фоне казался

очаровательным парком Храмовой Аллеи.

Насколько мне было известно по рассказам Нискирича, Базар Бедняков делили между собой все мало-мальски крупные уличные казоку. Да вот только границы зон влияния были настолько расплывчаты и подвержены постоянным изменениям, что их не знали даже сами казоку-хетто.

Немало осложняли ситуацию и сонмы мелких КуВА — Купеческих Военизированных Артелей, беспрерывно нанимаемых и перепокупаемых местными торговцами. Наемники микроскопических профсоюзов постоянно грызлись друг с другом, закон улиц презирали с дерзким бахвальством и предпочитали сначала давать любым чужакам вооруженный отпор, а уже потом разбираться, чьи интересы были ненароком ущемлены.

А под суетой КуВАвцев, уважаемых уличных представителей, воевавших за независимость купцов и нищенствующей швали выгрызали свой кусок такие сумасбродные и неорганизованные шайки, как «Клац-клац», «Гнилохвостые» или «Дикие пастухи». Последние, к слову, были опаснее прочих, враждуя сразу со всеми…

По конструкции гендорикши прокатилась гулкая вибрация — прямо над нами просвистел очередной состав транзита. Снова активировав «болтушку», я повторно раскрыл базу Лоло. И внезапно обнаружил, что маячок Симайны погас.

Применение несколько фильтров поиска окончательно убедило, что это не сбой. Байши! Разумеется, хоть процедура и была незаконной, систему слежения могли обезвредить (особенно в месте, куда я направлялся). Но ведь маяк мог погаснуть и вместе с утилизацией носителя, и тогда мое путешествие станет бесцельным…

Несколько мучительных секунд я размышлял, не подключить ли к делу собственного *глабера**[1]***. Вероятно, Зикро смог бы помочь, причем даже дистанционно, он всегда охотно хватался за подкидываемые ему задачки.

Но окончательное решение созрело почти сразу: лишний интерес к расследованию мне ни к чему, даже со стороны таких близких чу-ха. А потому я положился на память, воссоздал в уме координаты последнего пеленга, сверился с картой Базара и откинул полог.

Хлопнул рикшу по плечу. Не дав «поэту» снизить скорость или ответить умопомрачительным двустишием тирадой, прокричал новые распоряжения. Тот кивнул, закрутил головой, почти сразу заметил Секцию с ритуальными символами благополучия и процветания на покатой крыше, и ринулся лихо

перестраиваться в другую полосу движения.

Воспользовавшись заминкой потока, я осторожно выглянул из кабинки и осмотрел широкую ленту эстакады за кормой нашего гендо. Изучил фаэтоны в коридоре энергетических столбов над головой, пеструю чехарду тысяч гудящих самокатов. Убедившись, что никто из них не осмелился повторять наш опасный маневр, вернулся в кабину и потер виски.

С чего я вообще взял, что за мной могут следить?

Опьянение, полученное у Черных Юбок, сходило на нет, но в горло словно затолкали сухую колючку. Шею покалывало от не проходящего предчувствия, бедра начали затекать.

Наблюдая, как трехколесная тарахтелка приближается к Гариб-базару, я вынул из рюкзака спрей и еще раз опрыскался ароматическим маслом; затем неторопливо и обстоятельно размял мышцы рук и ног. Мне не хотелось думать, что поиски Симайны будут сопряжены с новыми погонями или драками, но быть готовым к подобному повороту событий все же стоило…

Узкую кабинку я смог покинуть только через двадцать бесконечных минут. Впрочем, при этом отдав водителю должное — вместо того, чтобы выкинуть меня на окраине базарного квартала, он сумел-таки просочиться в его недра и до последнего (пока толпы пешеходов не начали колотить по кабине и качать гендо из стороны в сторону, угрожая рикше расправой) вез меня в указанном направлении.

Рассчитавшись и накинув сверху целую рупию, я сгорбился и влился в бурлящую пену посетителей и обитателей Гариб-базара.

— Пусть доброту твою и щедрость в ответ оценит судьбы щедрость! — благодарно прокричал мне на прощание «поэт» и взялся разворачивать дряхлую повозку под яростную брань прохожих.

[1] Он же «лысый землекоп», калибровщик устройств входа в Мицелиум, а также специалист по решению на его просторах задач (зачастую незаконных) любого уровня. Г. нередко объединяются в псевдорелигиозные ячейки и не стесняются демонстрировать принадлежность к цеху уникальных ремесленников.

"Ломкая горечь"

Доброй ночи всем вкалывающим на вахтах, праздным гулякам и страдающим бессонницей! На невидимых волнах правды с вами снова самая честная мицелистка Юдайна-Сити — Моноспектральная Чапати и новости станции честных наблюдений и кристаллизованных фактов «Ломкая горечь»!

У нас только самые свежие, грустные и пугающие новости из укромных уголков нашего замечательного районchика, куда солнечный свет не попадает даже в полдень. Увы, мои аппетитные, в эту темную дождливую ночь Чапати снова будет огорчать и предостерегать…

Кстати, Чапати упоминала, что с момента первого выпуска ее миц-станция получила 17 644 угрозы убийством, побоями, пытками и прочими видами насилия с летальным и окололетальным исходом? Моноспектральная Чапати не знает, зачем вам эта информация, но уверена, что теперь вы станете еще уважительнее относиться к информации, которую «Горечь» добывает для вас на улицах Бонжура!

Ита-а-ак, приступим, мои ушастенькие!

Вы, конечно же, хорошо помните, что совсем недавно Чапати рассказывала вам про зарождающийся конфликт местных казоку? Хорошо, поправимся: возможный зарождающийся конфликт, да-а… Так вот сегодня вам предстоит узнать кое-что еще.

Кто-то из вас, мои бесстрашные, там, далеко-далеко, на другом конце Бонжура может вдруг по какой-то ему одному известной причине посчитать, что вся эта дрянь его никак не касается. Верно рассуждает Чапати? А еще она ответит так: если колесо закрутится, дружочки, то коснется всех без исключения…

Кто-то вовсе может гневно воскликнуть — ах, грязная байши, зачем она постоянно наговаривает на добропорядочного господина Скичиру?! Ведь он хороший, щедрый и честный чу-ха! По праздникам он раздает еду малоимущим соплеменникам района, устраивает детские соревнования, помогает обездоленным и вообще само воплощение справедливости!

Чапати ответит вам: да, хитрые казоку-хетто Юдайна-Сити много десятилетий, если не веков, потратили на то, чтобы создать себе такие привлекательные образы. Но если вы, мои сладкие, покажете мне в этом городе хоть одного по-настоящему честного, справедливого, законопослушного, верного слову и не замазанного с бандитизмом чу-ха при деньгах на благотворительность, Чапати без лишних разговоров взасос поцелует вас под хвост!

А теперь слушайте «Ломкую горечь» и расскажите дружкам.

Информаторы нашей станции в один голос сообщают, что конфликт начинает набирать обороты. А его новый виток совсем недавно ударил по рынку торговли тем дерьмом, что б**о**льшая половина нашего славного района предпочитает нюхать, курить, жевать, сосать и вкалывать в кровь.

Моноспектральная Чапати не винит нариков, не-е-ет, в юности она баловалась и сама. Но Чапати очень больно следить за тем, как зависимые и убогие становятся разменными фигурками в игре семейств!

В общем, речь пойдет о торговле на улицах. И не Чапати рассказывать вам, что такие дела ведутся исключительно в каньонах комлеблоков, из уст в уста, от уха к уху. Попробуй сделать иначе и выстроить надежный зашифрованный канал в Мицелиуме? Удачи, дружочек, в случае успеха тебе поклонится весь криминальный мир! Потому что слушатели Чапати не хуже нее знают, что за последние полвека бандиты не смогли создать ни единого миц-канала связи, который бы не распотрошили всемогущие смирпы…

Ну так во-о-от, мои хвостатенькие, этой ночью Чапати поведает о районе комплеблоков под номерами 5/33, 5/36 и 17/8, об эдаком «Карамельном треугольнике» Бонжура, который уже почти десять лет контролировали толкачи и сунь-в-лапу «Вертких прыгунов».

Впрочем, история Моноспектральной как раз о том, что все стало иначе. И начинается она с того, что, насколько удалось разузнать «Ломкой горечи», некто известный и «уважаемый» — и Чапати ни в коем случае не будет голословно обвинять в этом хитрого Нискирича фер Скичиру, — какое-то время назад внедрил своих змеюк на районные фабрики «Прыгунов» по фасовке стриха и геромета.

А затем, мои внимательные, через какое-то время клиентура «Карамельного треугольника» начала неожиданно скручивать хвосты. Вот у Чапати есть официальные данные: только за минувшую неделю в крематории Бонжура свезли четырнадцать любителей жесткой дури, а еще двадцать один чу-ха едва оклемался после мощного наркотического отравления.

Разумеется, такое неслыханное событие не могло не взбесить Риробури и Раромари. Главы «Прыгунов» тут же устроили чистку и проверку всего выброшенного на улицы товара. И даже, говорят, вычислили парочку внедренных чужаков, цинично травивших партии. Те, правда, решили не ждать бесед с пристрастием и предпочли проститься с жизнью во имя своего господина…

В общем, партии были подчищены и заменены на продукт

высокого уровня. Но молва на улицах Юдайна-Сити живет куда дольше глупых чу-ха, предпочитающих добровольно пичкать себя ядом. А это значит, мои несравненные, что торчки стали бояться закупать у «Прыгунов».

Поползли слухи, и не врите, что не слышали их отголосков. Спрос в районе «Треугольника» решительно упал, и его не смогли реанимировать даже «благородные» акции Риробури и Раромари, приказавших целые сутки раздавать чистый товар бесплатно.

И тут, мои заинтригованные, на территорию комплеблоков зашли новые бегунки. И свистуны, и сунь-в-лапу, и зоркие, и толкачи, и заначники. Яри-яри, сисадда? Чья бы это могла быть сеть, спросите вы? И Чапати ответит вам: поговаривают, это была шпана Нискирича Скичиры. Но кто знает точно, хе-хе?

Новые продавцы, разуме-е-ется, принесли по-настоящему свежий товар. Качественный, недорогой, определенно не отравленный! Торчки оживились, по улицам покатились новые слухи.

«Вертким прыгунам» такой расклад, само собой, не очень-то понравился. И тогда (и все это Моноспектральная уже видела собственными глазами) они бросили во дворы комплеблоков карательный отряд. Причем на этот раз вооруженный отнюдь не битами и цепями…

Что же произошло дальше, спросите вы Чапати? И она ответит: у новой сети распространения внезапно нашлись вооруженные заступники. Ага-а-а, все так, по удачному стечению обстоятельств они поджидали возможного нападения в ближайших подвалах.

Знаете, что еще более любопытно? Ни один из них не носил «знаменитую» желто-черную жилетку известной вам казоку, а в подготовленных стрелковых нишах подчас и вовсе мелькали намордники, что носят дикие маньяки из «Обета молчания»… как бы то ни было, дрались и палили они отважно и вполне умело.

И когда волна «Вертких прыгунов» откатилась, оставив на опознание тетронам шесть трупов на пружинных ходулях, во дворы «Треугольника» зашли «официальные» бегунки, заначники, свистуны и толкачи со значками казоку «уважаемого» в районе Нискирича Скичиры…

Удивительное совпадение, воскликнете вы! Моноспектральная Чапати считает так же… В итоге кровавого побоища, развернувшегося прямо под окнами ваших нор, «Прыгуны» позорно отступили от границы Колберга, и теперь вся торговля на ней осталась за «Детьми заполночи».

Разумеется, на последовавшем собрании казоку-хетто фер Скичира вновь решительно опроверг все домыслы и обвинения в

свой адрес. А рискованные чу-ха, которым посчастливилось хоть краем уха слышать эту напряженную беседу, утверждают, что он даже осмелился хамовато напомнить собратьям по грязному бизнесу старинную поговорку, что «гнездо не терпит пустоты». И еще призвал всех рассудить — если «Прыгуны» не способны удержать рынок на грязном товаре, то кому-то обязательно нужно прийти на помощь больным и зависимым жителям комплеблоков, не мыслящим ни дня без понюшки мощного стриха.

Понравилась эта мрачная история? Расскажите ее друзьям и соседям, мои сладенькие, а Моноспектральная Чапати на сегодня заканчивает.

Все еще не верите в приближение крупных разборок? Ха-ха…

Помяните слово Чапати и будьте готовы, что скоро над нашими улицами запоют фанга! А чтобы бойня не застала вас врасплох, обязательно ищите в Мицелиуме станцию «Ломкая горечь» и старайтесь не пропускать ни единого выпуска!

Глава 6. МОЙ БАШЕР БЫСТР

Дождь решил не усиливаться, а зарядил на одной ноте, противный, мелкий, липкий и густой настолько, что им можно было дышать. «Улицы» Базара превратились в мерно-колышущийся поток зонтов.

Массивная вытянутая маска затрудняла дыхание и натирала переносицу, а края капюшона не позволяли полностью контролировать фланговые зоны и заставляли постоянно крутить головой. Но я терпел эти вынужденные меры безопасности, потому как Гариб-базар мог не оценить мою бледнолицую уникальность, да и лишнее внимание сейчас было совершенно ни к чему.

Из плюсов: я почти не выделялся из толпы — многие чу-ха вокруг тоже предпочитали носить глухие маски, накидки или заматывали морды платками.

Над шумными переулками (гул Бонжура по сравнению с ними казался приятной мелодией) висели гроздья смирповских камер, тотально разбитых или отключенных местными глаберами.

Тетронов, даже закованных в кастура, не наблюдалось и в помине. Время от времени над Базаром появлялись мелкие, управляемые дистанционно летательные шпионы без опознавательных знаков, якобы залетевшие сюда случайно. Но их сбивали и разбирали на запчасти быстрее, чем в центре управления «Голубого Лотоса» успевали сказать «объект сбит».

Воняло так, будто большинство местных опорожнялось прямо на задворках собственных лавок. Впрочем, чаще всего так оно и было, и разогнать смрад не помогали даже бочки с благовонными кострами, на каждом углу разжигаемые волонтерами-сааду с Храмовой Аллеи для хоть какой-то профилактики царящих на Базаре болезней.

Пристраиваясь к скорости окружавших меня чу-ха и старательно копируя их качающуюся походку, я двигался в мокром потоке и старался не оступиться с пластиковых пешеходных мостков, накинутых поверх липкой черной грязи, покрывавшей здесь решительно все.

Оставаясь предельно собран, я прижимал рюкзак к груди и выглядывал излишне подозрительных зевак и не в меру любознательных КуВАвцев, наблюдавших за спокойствием отведенных секторов с шатких вышек или жестяных контейнерных крыш.

Получалось у меня, признаю откровенно, не очень-то — Базар

пытался втюхать посетителям вещи настолько дикие и неожиданные, что взгляд невольно притягивался к витринам и зазывалам.

Я увидел продавца чужих когтей и зубов, прошел мимо распродажи драных фаэтонных покрышек, миновал ларек, в котором торговали полированными кусочками пенобетона и старыми пластиковыми банками. С недоумением обогнул павильон, на столиках которого были разложены сотни детских ботинок, но только правых. Оставил за спиной клетки зверинца, все мыши, собаки и змеи которого были ослеплены. Глотая нервный смех, осмотрел прилавок разнокалиберных урн с безымянным прахом из разграбленных колумбариев, или пирамиду бидонов, в которых продавался использованный аккумуляторный электролит.

Не меньше, чем обилие этих странных вещей, поражало то, что они находили своего покупателя…

И это не говоря про оглушительно рекламируемые «обыденные» товары — одежду и обувку, дешевую и не очень полезную жрачку, выпивку, детали для гендо и сами гендо, детали для фаэтонов и сами фаэтоны, наркотики, услуги по массажу и не только, боеприпасы и легкое ручное оружие плюс все виды клинкового и дробящего, самые разные «болтушки», иллюзиумные очки (зачастую самопальные и опасные) консоли и периферийное оборудование для них, и еще многое, многое, многое другое. Поговаривали, что в недрах Гариб-базара можно купить даже «моллюска», и я был склонен считать, что это правда…

Вокруг вяло кипела отсыревшая толпа, одинаково равнодушная к происходящему и столь же чутко следящая, где и чем можно поживиться. Оставаясь экосистемой внутри экосистемы, Базар с безжалостностью муравьиной матки порождал все новые и новые виды симбионтов гнезда, а старые трансформировал до неузнаваемого вида.

Дервиши привычных мне улиц здесь превратились в касту профессиональных нищих, буквально напичканных имплантатами для воровства и слежки. Стаи бродячих собак были натасканы вырывать сумки и отсекать погони. Даже коровы Гариб-базара были не тем, чем казались, а стоило прикоснуться к их блестящим бокам, как срабатывал мощнейший клей и рядом, будто из-под земли, появлялись умельцы, готовые за небольшие деньги помочь освободиться.

А над всем этим возвышались исполины, одна лишь сорвавшаяся лопасть которого могла раскатать в кровавый блин несколько сотен чу-ха. Крутясь вразнобой, ветряки напоминали

подвыпивших жонглеров, делающих похмельную зарядку или собравшихся на столь же похмельную репетицию.

Воздух был колюч и неприятен, а непрерывная вибрация и тяжелый мерный шелест от вращения пяти широченных винтов через считанные минуты пребывания под сводами гигантов начинали сводить с ума.

Сквозь стиснутые зубы проклиная Симайну, Лоло, Лепестка Кринго и даже покойного Гладкого со всем его семейством, я двигался через Базар, время от времени сверяясь с гаппи. Байши! Неугомонная моя жопа, ну зачем я вообще решился распутывать это дело до конца, когда уже пару часов как мог бы попивать сладкую чингу и лениво опрашивать мешочников Бонжура?!

Дождь ослаб, море зонтов поредело.

В тот же момент перекрученные тоннели нищих переулков внезапно выдавили меня на более просторные «улицы» юго-западного сектора. Отступив к обшарпанной стене местной пекарни, я осмотрелся. Заметил совсем рядом покатый борт Секции № 3 под символами «Процветание» и «Благополучие», и облегченно выдохнул — лабиринты Базара почти привели меня в нужную точку в рядах электроники и консольных начинок, вотчине глаберов и потерявших лицензии манджафоко.

Именно в этом районе Гариб-базара любой желающий (при наличии храбрости, толковых рекомендаций, денег и, желательно, пушки за поясом) мог нанять «голого землекопа» любой квалификации, разжиться виртуальной наркотой нужной мощности или раскачать электронную начинку ассолтера так, что тот начнет прошивать броню «моллюсков».

Еще раз изучив карту в гаппи, я опустил рукав пальто, расстегнул две верхние пуговицы и зашагал к малоприметному зеленому контейнеру в линейке себе подобных. Необходимый мне носил неопрятную светящуюся вывеску над ржавым козырьком, на которой разноцветными лампами выложили: «НИМНОГА ПАЯИМ».

Остановившись напротив на безопасной дистанции (едва ли в квартале электронных умельцев теневого мира камерами не был оборудован и самый захудалый ларек), я осмотрел близлежащие «офисы» и с тоской убедился, что мой путь лежит именно к безграмотным паяльщикам.

Заглянул в проулок, протянувшийся вдоль правой длинной стены бывшего грузового контейнера. Отметил размытые дождем следы на черной грязи, разглядел табличку «пирирф, нушно атахнуть» на главном входе.

По беспорядочным мосткам, соединяющим крыши контейнеров, бродили угрюмые суетливые посетители, болтали,

бранились и с грохотом спускались по железным лестницам. С видом необычайной важности по верхним ярусам протопал и патруль КуВА, перед которым боязливо расступались, но шипели вслед.

Я выждал, пока наемники скроются из виду.

Думал. Взвешивал, все отчетливее понимая, что каждая минута дела Гладкого Мисмис отнимает у меня бонусные деньги «Желтых котелков». И, что казалось мне все более вероятным, втягивает в трясину чего-то очень, очень неприятного…

Влажная шумная толпа обтекала бесхвостого истукана в глухом капюшоне и с недовольством бросалась писклявой руганью, но простор «улицы», к счастью, позволял мне не наступать на хвосты.

Пропустив гендо с прицепом, в котором разместилась крохотная передвижная печка с жареными димсамами, я встряхнулся, аккуратно водрузил на лоб верные «Сачирато» и заставил себя скрыться в темном вонючем проулке.

Интуиция подсказывала, что внутри «Нимнога паяим» куда больше внешних декораций — как и большинство лачуг Гариб-базара, контейнер наверняка имел спуск в добротный подвал, где и размещалась настоящая кухня паяльщиков. А еще он имел второй вход, неприметный и предназначенный для проверенной клиентуры. К нему-то, с руганью хлюпая грязью проулка, я и подбирался.

Под ногами, маскируя и без того отталкивающий проход еще большей неприглядностью, хрустел мусор; подошвы липко чавкали. Включив на очках нужный режим, я неспешно осмотрел ребристую стену контейнера, почти сразу обнаружив в конце переулка узкую скрытую дверь.

Глубоко вздохнул, расстегнул пальто и кобуру башера, и постучал — дробно, нервно, имитируя манеру сидящих на дайзу чу-ха. Сдвинулся в сторону, чтобы в объектив крохотной камеры попадала только моя макушка, и постучал еще раз.

Почти минуту ничего не происходило и во мне шевельнулось недоброе опасение. А если и правда закрыто? Вдруг Симайна действительно была здесь, но момент упущен? Но едва я в третий раз протянул руку к металлической створке, как внутри послышалось шуршание и в створке открылось узкое зарешеченное оконце.

— Чо нада?! — нервно пискнули изнутри и шмыгнули носом.

— Немного припаять, — коверкая голос, проскрипел я, проклиная себя за то, что не додумался сочинить что-то более внятное.

— Закрыты мы, — торопливо бросили в переулок и

высморкались.

Ржавые полозья раздвижного оконца заскрежетали, когда мой собеседник начал задвигать створку на место.

— Втрое накину, сисадда?! — только и сообразил прогнусавить я в уменьшающуюся щель. — Очень нужно починить! Срочно!

Скрежет прекратился. В оконце показался светло-серый глаз, пытливо изучающий меня и темный переулок.

— Вечером загляни, — отрезал обладатель глаза. Но уже без прежней уверенности, и я невольно улыбнулся под маской.

— Пу-у-у-унчи-и-и… — Гнусь в моем голосе могла бы вызвать зависть самого прожженного любителя «Кроко» или «Сладкого хвостика». — Мне ж вас Хряк посоветовал… ба-а-айши, мне быстро нужно… тут делов-то на две минуты. Ну или я свои деньги другим понес.

Глаз с интересом прищурился, за оконцем еще раз влажно шмыгнули носом. Я не позволил себе тревожно замереть, продолжая с нетерпением пританцовывать на месте и тихонько подвывать.

Могло ли быть так, что в Гариб-базаре не было авторитетного чу-ха по имени Хряк? Могли ли быть так, что этот самый Хряк пребывал в неладах с «Нимнога паяим»? А может, обитатели лавки не любили тройных оплат?

Аргументы оказались весомы — внутри что-то пробормотали, залязгали железками.

— Наверх позыркай! — приказал писклявый за оконцем.

Я безропотно поднял голову, искривляя шею так, будто был неказистой сгорбленной крыской. Маска и очки не оставляли на виду ни сантиметра белой кожи, превращая меня в стопроцентного базарного аборигена.

— Тока быстро давай… — негромко прошептал паяльщик, отпирая дверцу. — И не ори. Мне все расскажешь. И деньги тоже мне.

Я без промедления скользнул в темноту контейнера. Верные «Сачирато» раскрашивали мрак закрытой лавки не хуже настоящего прожектора, позволяя уловить каждую мелочь. В том числе, яркие контуры напольного квадрата в углу…

Закуток, куда меня впустили, был отгорожен от основного зала несколькими глухими шкафами. На них громоздились детали от систем управления фаэтонами, части электродвигателей, предохранители, клапаны зарядки батарей, сами батареи разного размера, стопки консольных плат и коробки с разобранными гаппи.

Пустая лавка паяльщиков выглядела грязной, убыточной и

убогой, обустроенной не по заветам кизо-даридрата, а с хорошо выверенным запустением, словно ширма нарочитой нищеты. Способной, впрочем, обмануть разве что доверчивых мздоимцев из КуВА.

Открывший мне дверь оказался невысоким худосочным торчком, чей нос беспрерывно исторгал невероятное количество бледно-желтой слизи. Худой, изможденный, определенно сидящий на грязном стрихе, он откровенно вонял, причем не специфическим мускусным запахом чу-ха, а обыкновенным дерьмом. Проплешины от последствий применения тяжелого наркотика покрывали весьма неаккуратные татуировки.

Одним словом, паяльщик выглядел… скажем так, где-то у меня в норе завалялся гидропонный цветок, давний подарок Сапфир. В специальной стеклянной колбе, не из дешевых. Не стану врать, я регулярно забывал его поливать. Более того, сейчас даже не помнил, куда засунул. Так вот у того растения было больше шансов дожить до ближайшей Ночи Переосмысления, чем у ничтожества, открывшего мне дверь. Пусти я ему фанга в лоб, и Юдайна-Сити вообще ничего не потеряет…

— Давай, выкладывай, чо там у тебя за срочность? — суровым шепотом распорядился дистрофик, вытирая сопли чудовищного вида тряпкой. — Только тихо, у нас тут важные дела. Тебе я сам помогу, сисадда? И деньги тоже мне…

А затем (вероятно, к убогому дворецкому на секунду вернулось обоняние) вдруг повел мокрым носом и потянулся ко мне, недоверчиво заглядывая под капюшон.

— А ты ваще кто? И Хряка откуда знаешь?

— Вы всех ценных клиентов так встречаете? — спокойно ответил я, надеясь, что тщедушный расслышит в моем голосе добрую улыбку.

Выпрямился, с хрустом повертел затекшей от подражательства шеей и шагнул к паяльщику.

— Ты не клиент… — просипел тот, все еще не решаясь говорить в полную силу, чтобы не делиться легкими деньгами с засевшими в подвале дружками. И ведь уже догадывался, дурашка, что никаких денег-то и не будет… — Давай-ка проваливай, пока я…

— Пока ты что? — все так же вежливо и негромко поинтересовался я.

Моя маска оказалась на груди, а в сопливую крысиную морду ткнулся массивный ствол «Молота». Чу-ха оцепенел, пискнул, скосил глаза на башер, а затем уставился мне в лицо и глаза его распахнулись.

— Байши… — пролепетал он. — Ты же Бесхвостый Джадуга!

Я медленно кивнул и приложил палец левой руки к губам, намекая, что беседу стоит продолжить в негромкой рассудительной манере. Что и говорить, любому польстит, когда улица величает его колдуном…

— И если ты не станешь делать глупостей, Джадуга не причинит тебе никакого вреда, — шепотом пообещал я.

— Чо те надо?

п.1; г.6; ч.2

На паяльщика было жалко смотреть. Он по-прежнему боялся даже шелохнуться, отчего сопли потекли рекой, и я брезгливо отодвинул ствол.

— На эту кухню недавно привозили кукуга, — вкрадчиво проговорил я, уже понимая, что для раскола сопливого мне даже не понадобится «низкий писк». — Из качественных, не уличных. Она все еще здесь?

— Нет! — без раздумий выпалил чу-ха, обвивая себя хвостом и вскидывая верхние лапы. — Не здесь. Никого не привозили! Ты с чего это вообще взял? Мы чиним гаппи. И фаэтоны немного. Я не видел никаких кукуга.

Я покивал головой и ласково ткнул его стволом «Молота» в левое плешивое ухо.

— Отпирай подвал. И не дергайся.

— Не нужно… — плаксиво пропищал мой собеседник.

«Молот» снова стукнул его в ухо, на этот раз значительно сильнее. Скуксившись и утирая безобразный нос, паяльщик пошлепал к светящемуся квадрату на полу. Плечи его подрагивали от страха и отчаянья.

— Там внизу, — спросил я в его спину, — сколько?

— Двое, — всхлипнул тот, прикладывая сморщенную ладонь к дактилоскопическому замку. И добавил, будто я не поверил и уже собирался его ударить: — Клянусь, только двое! И… кукуга.

Мое сердце подпрыгнуло, чтобы тут же потяжелеть и тревожно забиться.

— Скажи своим, чтобы не дергались, — приказал я, напоследок осматривая пустую лавку. — Без повода стрелять не собираюсь.

Сопливый кивнул. Распахнул люк, откуда мгновенно вырвался сноп яркого света. Шагнув на первую бетонную ступень, он нагнулся и срывающимся голосом пропищал вниз:

— Парни… это я иду… вы там не дергайтесь, хорошо?

— Ты чо, снова вмазался?! — недовольно рявкнули из подвала. — Уговорились же закончить сперва! Байши, ты совсем спятил, говна кусок? И кто там ваще приходил?!

Но я не был настроен развивать дистанционную беседу — быстро сдвинув «Сачирато» на лоб, схватил паяльщика за засаленный ворот куртки и буквально сбросил того в подвал, прикрываясь тощим чу-ха и стараясь не щуриться от перемены освещения.

Подземная кухня, как и предполагалась, была вдвое

просторнее контейнера сверху. Да и нарочной грязи тут не разводили, разве что хватало ее на полу.

Лестница наверх располагалась вдоль торцевой стенки. Вдоль длинной правой выстроились верстаки и стройные, прикрытые прозрачными чехлами стеллажи с запчастями для консолей и рядами ворованных целых, старательно рассортированными «болтушками» и батареями от гендо. Под потолком разбегалась по углам внушительная сеть кабелей и систем скоростного подключения к Мицелиуму.

У левой стены разместились сразу две «кукольные дыбы» — откидные полусидячие лежаки для калибровки кукол. За ними виднелись закутки туалета и хозяйственной подсобки; чуть дальше несколько шкафов отгораживали спальную зону с двухъярусным топчаном и умным пищевым комбайном. Едва слышно гудела вентиляционная система, наполнявшая лабораторию приятной прохладой.

Вопреки моим опасениям, чу-ха внизу оказалось действительно двое.

Первым был определенно глабер, с выбритой головой — знаком цеховой принадлежности, — суетливый и жилистый, он сидел сразу за парой активированных консолей, а его когти с завораживающей точностью клацали по сенсорным отверстиям двух портативных клавиатонов. Второй паяльщик был как две капли воды похож на сопливого, разве что выглядел менее больным и чуть более опрятно одетым.

А еще… еще в подвале обнаружилась кукуга — чистенькая самочка из онсэн, каких можно встретить только в хорошем уютном доме.

Кукла полулежала в одном из массивных сложносоставных лож, ее хвост нервно подрагивал в специальном углублении. Голову синтета венчал тяжелый вытянутый шлем точной подстройки, скрывавший морду, от него к потолочной паутине тянулись несколько кабелей.

— Тут попахивает чем-то не совсем законным, — весело констатировал я, отпуская Соплю, брезгливо вытирая пальцы о пальто и покачивая башером. — Любите ходить по тонкому льду, ребятки?

Глабер протяжно вздохнул и демонстративно отодвинулся на мобильном кресле от консолей. Челюсть второго паяльщика отвисла, глазки забегали, а вой мыслительных турбин мог посоревноваться с гулом ветрогенераторов снаружи.

— А ты еще кто?! — только и сумел выдавить он.

Из его когтей на верстак с хрустом упала легкая плата.

— Гость. Просто гость, — подмигнул ему я, толчком отгоняя

Соплю к напарнику и держа обоих в зоне видимости. Подошел к кукуга, с ложным пониманием взглянул на консольные дисплеи. — Который определенно не причинит вам вреда, если вы будете вести себя благоразумно.

Ошалелый паяльщик, которого я решил называть Сухим Носом, беззвучно похлопал челюстями. Его усы топорщились, губы нервно задрожали.

— Вийо, ты грабить нас приперся?! — взвыл он и затрясся мелкой праведной дрожью. — Ты совсем ***нутый?! Ты хоть знаешь, кто над нами стоит?

Я позволил себе задумчиво взглянуть на низкий потолок.

— Ветряки Гариб-базара? — Пожал плечами и спокойно пояснил: — Не дергайтесь, друзья. Я здесь только для того, чтобы забрать кое-что свое.

Сопля виновато изучал драные вонючие ботинки. Сухой Нос смерил его испепеляющим взглядом, затем снова поднял глаза на меня, будто не веря, что все это происходит в реальности. Его язык смешно юркал среди зубов, половина которых давно выпала от частого использования стриха.

— А тут есть что-то твое? — только и сумел выдавить он.

— Ага, — кивнул я, стволом «Молота» указав на неподвижную куклу. — Вот, она. Слышь, «землекоп», отключай-ка свои штуковины.

Сухой Нос сглотнул комок, Сопля икнул и бросил на напарника быстрый взгляд. Глабер послушно вернулся к консолям, его когти снова застучали по сотам клавиатона.

— Меня тут нет, — неожиданно зычным голосом сказал он в пустоту, глядя куда угодно, только не на меня. — Нет, и не было. Мне просто заплатили за работу, поэтому я буду признателен, если останусь в стороне от ваших разборок.

— Мудро, — признал я, рассматривая искусственный мех кукуга и поражаясь, до чего правдоподобным выглядела синтосексуалка. — Но мне, в целом, насрать. Даже на то, что ты взялся калибровать чужую куклу, не имея на это ни лицензии, ни разрешения. А что скажет мама, если узнает, какими нехорошими делами занимается ее сынок?

— Моя мать — Мицелиум, — равнодушно поделился с пустотой лысый глабер, ни на секунду не отвлекаясь от консолей.

— Уважаю пафос, — признал я и повернулся к притихшим паяльщикам. — Ну а вы, неудачники, как в это влипли?

Сопля что-то промычал, но я разобрал только «…коль прислал» и «мы не хотели никому вредить». Но Сухой Нос тут же двинул ему локтем под ребра, и тот с обидным сопением втянул сгусток желтой слизи.

— Зря ты так, — злобно прошипел мне второй паяльщик.

— Часто это слышу, — согласился я, не спуская с него глаз. И покосился на глабера: — Отключил?

— Пара минут, и она вернется, — так же спокойно ответил тот.

Снова откатился от консолей, медленно встал, повернулся ко мне спиной и отошел к шкафам, всем видом выражая покорность и мирное бездействие.

Шлем на кукле загудел, данные на экранах сменились. Строчки с незнакомыми символами мигали и постепенно меняли цвет с зеленого на желтый. Кукуга вздрогнула, ее пальцы сжались в кулаки, хвост вздрогнул по всей длине. Через пару десятков томительных секунд она подняла лапы, стянула с головы прибор и открыла ярко-зеленые глаза.

Осмотрелась, внешне равнодушно, но я был готов поклясться, что при взгляде на меня ее зрачки едва заметно сузились. Кивнув с запрограммированной пугливой покорностью, она отложила шлем на сдвижной подлокотник кресла и со столь же запрограммированным изяществом отстегнула убегающие в затылок провода. Заметив, какие длинные у синтета когти, я едва удержался, чтобы поежиться.

— Привет, Симайна, — сказал я, стараясь смотреть на всех четверых разом. — Собирайся, куколка, нам пора.

Она мягко соскользнула с «дыбы» и оправила длинную черную юбку. Поклонилась мне, приятным голосом ответив:

— Благодарю, что знаете меня, господин. Но не стоит тревожиться. У меня случился небольшой сбой, эти добрые господа помогли мне с ним совладать, и теперь все налажено. Пусть будут удачливы и благополучны все присутствующие, но мне пора вернуться к госпоже и возобновить работу ради своего предназначения.

Я улыбнулся, осознавая, что получилось весьма нервно.

— Сбой? — поинтересовался предельно вкрадчиво, коротким жестом свободной руки заставляя кукуга оставаться на месте. — Это он вынудил тебя сбежать из уютного дома, без санкции госпожи добраться до Гариб-базара, уничтожить маяк и выпилить блок подчинения?

— У меня и в мыслях не было причинять вред или каким-то иным образом нарушать законы Юдайна-Сити, — с выверенной мягкостью поклонилась Симайна, но я оборвал ее жестким:

— Молчать!

И в тот же миг уверовал, что синтеты способны врать…

Зеленые глаза кукуга расширились, но больше ее удивительная синтетическая мимика никак не отреагировала на

суровые обвинения. Я не мог знать, что происходит в ее желеобразных мозгах, но на всякий случай сместился так, чтобы между мной и Симайной оставались оба торчка-паяльщика.

А вот они, кстати, после моих слов о блоке подчинения замандражировали еще сильнее. Сопля закусил губу и тихонько взвыл, а его приятель гадко оскалился и замахал лапами, приготовившись отрицать и сам факт своего существования.

— Не дергайся, утырок! — я повысил голос, не дав Носу даже начать оправдываться. — Мне реально наплевать, чем вы зарабатываете на дозу. Но к этой самочке у меня найдется пара вопросов, и я их задам. Не здесь, естественно…

Я позволил себе осмотреть кухню с театральным презрением.

— Сейчас мы уйдем, — продолжил, в первую очередь обращаясь к кукле, но при этом глядя на хозяев «Нимнога паяим», — а вы спокойно посидите на своих тощих жопах и уже через час вернетесь к повседневным делам. Сисадда?

Сопля незамедлительно кивнул, его напарник снова скривился.

— Если моя подруга вам заплатила, — милостиво добавил я и качнул стволом, — можете оставить себе.

Оба, безусловно, дико нервничали. И потому, что в их обитель так безапелляционно вторглись; и потому что это сделал убогий бесхвостый мутант; и потому что проведенные над Симайной процедуры жестко карались. Даже на территории Гариб-базара. Однако спорить со мной, а, тем более, вступать в драку, не спешил ни Сопля, ни Сухой Нос, и обоим оставалось лишь скрежетать остатками зубов.

Вероятнее всего, где-то под верстаками был припрятан башер, а, быть может, и что-то потяжелее… Но рисковать под дулом «Молота» не был готов ни один из паяльщиков, не говоря уже о притихшем глабере.

Впрочем, ситуация накалялась с каждой минутой, наркоманы традиционно были способны и на самую безрассудную выходку, а потому я решил сворачивать представление.

Сказал как можно тверже:

— Симайна, уходим. У меня есть санкция госпожи Лоло, поэтому сейчас мы покинем эту помойку и направимся на Седьмую улицу. Если будешь себя хорошо вести, в дороге я позволю тебе объясниться. Но вы, друзья, об этом уже не узнаете.

Стволом башера я согнал обоих паяльщиков к стене с «дыбами», а сам занял безопасную дистанцию и взмахом левой руки пригласил кукуга проследовать на лестницу. Та еще раз поклонилась, смиряясь с «распоряжением» госпожи Лоло, и шагнула вперед.

По моей шее будто бы провели ледяным камнем. Я не смог бы точно сформулировать, что именно казалось мне странными или подозрительным… но все жесты, движения, взгляды и походка Симайны в ту секунду показались мне чуть *иными*, чем подобает хорошо откалиброванному синтету.

— Симайна, не делай резких движений, — приказал я, и та замерла на месте, словно застигнутая врасплох.

Что сказать? Тогда я отчетливо осознал, что понятия не имею, как быть, если слова Заботливой оказались правдой… если Гладкого действительно покромсали… и если передо мной сейчас находилась единственная на все гнездо спятившая кукуга-девиант. Особенно, если покладистый и понятливый глабер Я-просто-выполняю-свою-работу успел поковыряться в желе и снять нужные блокировки…

Прочистив горло, я добавил паяльщикам:

— А вы, братцы, присядьте и постарайтесь напрочь забыть о случившемся. Не распустите языков вы, останусь нем и я. Честная сделка?

— Слово глабера, — донеслось из дальнего угла.

А вот Сухой Нос и его дерганный приятель ответить мне не успели. Потому что наверху лязгнуло, и по полу подвала заскользил легкий сквозняк, пошевеливший полиэтиленовые чехлы в «стерильной зоне» и прокативший мимо моих ног шарик скатанной шерсти.

В наступившей вдруг тишине голос Сухого Носа показался всем нам трескучим и словно надломленным:

— Ты чо, дебил, дверь не запер?

Сопля сдавленно ойкнул, пролепетал что-то вроде «так это он мне не дал» и с оглушительным свистом шмыгнул вытекающей жижей. Глаза Сухого Носа стали втрое больше обычного.

А я с фатальной неизбежностью осознал, что если поход в «Нимнога паяим» закончится хоть отчасти благополучно, мне нужно срочно перестать думать о деле Мисмис, как о чем-то легком и незначительном… *бучие триста рупий!

— Кого-то ждете?! — прошипел я, направляя «Молот» в морду Носа.

— Вообще-то мы закрыты до завтра, — загипнотизированный чернотой стволового канала, пробормотал он, почему-то обращаясь не ко мне, а к башеру, — спецовое обслуживание же…

Дальнейшее заняло несколько мгновений.

Чуть позже я с ужасом размышлял, что если бы Симайна захотела от меня избавиться, то могла бы решить вопрос одним синтетически-выверенным ударом по горлу… К счастью, она не стала.

Схватив кукуга за плечо в черной бархатистой ткани, я рывком развернул ее спиной к лестнице и толкнул в направлении туалета и подсобки. Та послушно засеменила в полумрак, успев прямо на ходу вежливо поклониться моему решению, и заставила в очередной раз усомниться в результатах допроса Лоло…

Будто шальная фанга проскочив мимо опешивших паяльщиков, я за секунду оказался у шкафа-ширмы в спальную зону. Замер в тени, спрятал руку с башером за полку с консервами и негромко предупредил:

— Всем спокойно. Не дергайтесь и не моросите. Выпроваживаете гостей, заканчиваем разговор и мирно расходимся по разным берегам Вишаль. Это понятно?

Паяльщики, по-прежнему застывшие за креслами для калибровки, слаженно кивнули. И по их вытянутым облезлым мордам я догадался, что торчки на самом деле не имеют ни малейшего понятия, кто же пожаловал в лавку. Да еще и без условного стука или предварительного контакта по гаппи.

Увы, интуиция подсказывала, что ничего хорошего от этого визита ждать не стоит. И, кол ей в сраку, она конечно же оказалась права! В подвал, неспешно ступая по бетонным ступеням и раздраженно щурясь на яркие потолочные лампы, спустились сразу двое «Бритых хвостов»…

Толстяк Пикири неоднократно утверждал, что мое перерождение в облике страшненького мутанта стало причиной серьезной порчи кармы в прошлой жизни. В моменты, подобные этому, я был не прочь согласиться со сварливым стариком.

Потому что в кухню «Нимнога паяим» заглянул не случайный клиент, не представитель адекватной казоку и даже не КуВАвец с поломавшейся «болтушкой», а самые настоящие отморозки, в банде которых великим подвигом считалось погибнуть в бою и непременно молодым, чтобы о тебе проорали пьяную Песню Памяти и Рассвета.

На обоих «Хвостах» красовались толстые кожаные жилеты с нашитыми броневыми пластинами, а в подмышках защищенные кольчужными вставками. Матовым железом были окованы и мыски тяжелых ботинок на «липучках». Обнаженные мускулистые лапы от плеч до пальцев покрывали блестящие булавки, проткнутые прямо сквозь шкуру. Завершали картину бритые, что логично, хвосты, на кончиках которых крепились заточенные боевые насадки.

Серой масти, короткошерстые, с драными в лоскуты ушами, «Бритохвостые» выглядели настоящим отребьем, каковым и являлись. Шрамы на плечах и щеках, каждый из которых был подписан татуировкой с датой драки, только подтверждали

первое впечатление.

У того, что спускался первым, в пальцах была зажата железная бита штормбольного полузащитника; второй нес на плече усиленный двуствольный башер, лупящий не одиночными фанга, а целыми горстями. Мутные глаза «спортсмена» подергивала болезненная пленка, а в уголках копилась прозрачная слизь, будто тот непрерывно плакал.

— А чо это у вас дверца нараспашку? — неприятным тенором протянул Плакса, с нахальной усмешкой осматривая подвал и его обитателей. И запанибратски подмигнул Сухому Носу: — Куо-куо, болезные. Как житуха?!

Он сошел с лестницы и остановился возле ближайшей калибровочной «дыбы», покачивая битой и по-хозяйски изучая еще активные дисплеи. Стрелок остался на нижних ступенях, осматриваясь с настороженным вниманием. Заметив меня, он подслеповато прищурился и брезгливо скривился:

— Байши… Брукс, а это еще чо за уродина?

Показное веселье Плаксы Брукса мигом испарилось. Вглядевшись в глубину спального блока и заметив меня, он тоже покривился и задумчиво положил оружие на плечо. Его хвост нервно дернулся, с лязгом задев острой насадкой ножку ближайшего стеллажа.

— Я просто клиент, — спокойно и негромко произнес я, внимательно наблюдая за реакцией паяльщиков. — И уже ухожу, не извольте беспокоиться.

— *Хао*, валяй, — не скрывая отвращения, протянул Плакса и вязко сплюнул на бетонный пол, — если ты тут не работаешь, то прям ща рыхло исчез.

Я медленно втянул кондиционированный воздух подвала и левой рукой осторожно натянул «Сачирато» на глаза.

п.1; г.6; ч.3

Могло быть так, что «Хвосты» пожаловали в «Нимнога паяим» случайно? Вряд ли, но я молил судьбу, чтобы это оказалось именно так. Чтобы они просто ушли, продав Сухому Носу и его сопливому приятелю пару ворованных консолей. И тогда я заберу Симайну, поднимусь в главный «офис», открою дверку и преспокойно растворюсь в потоках Гариб-базара. Но:

— Слышь, гнилушка крысиная, — разом потеряв ко мне всякий интерес, Плакса вытянул биту и нацелил ее в морду Сухого Носа, — тут должна ошиваться одна залетная синтетическая байши. Поможешь нам ее найти?

Даже с расстояния в несколько метров я услышал, как лихорадочно заколотились подорванные наркотой сердца паяльщиков. Сопля снова простонал и трясущимися пальцами вцепился в перфорированный край кресла, а его напарник задышал быстро и тревожно.

Глабер, по-прежнему стоявший в уголке спиной к происходящему, медленно опустился на пол, обернул себя хвостом и прикрыл бритую макушку обеими лапами. Вполне логично — вид стволов (причем не виртуальных, а настоящих) охлаждает пыл самых надменных позеров…

— Это еще чо такое?! — ошалело наблюдая за его действиями, спросил Брукс, от неожиданности даже опуская биту. — Вы тут чо, угашенные уже?!

И вдруг снова заметил меня, неподвижно застывшего в тенях.

— Слышь, образина! А ты хуле примерз?! Велено же было валить, так двигай, пока кости целы! Сисадда?!

Я неторопливо поднял левую ладонь с растопыренной пятерней и заметил, как дрогнула лапа вооруженного башером «Хвоста». В висках начинало пульсировать, но внутренний «я» уже выкручивал настройки волнения на минимум.

Послушно подтвердил:

— Разумеется.

Позволил очкам подстроиться под яркий свет, включить режим увеличения и внимательно изучил модель дробовика.

— Сейчас я уйду, кости мне д**о**роги. Но только, если позволите, не один.

Плакса снова сплюнул, свободной лапой утирая «слезу» и со стуком положил утяжеленный конец биты на ближайший верстак. Хрустнули детали консолей, на пол соскользнули несколько шлейфов.

— Чо ты там бздишь?! — гадко скривился он.

— Дело в том, — будто со стороны услышал я собственный голос, спокойный и даже внезапно приветливый, — что у меня здесь в ремонте — вот так совпадение! — тоже находилась кукла. Если вы не против, я заберу ее и не буду мешать уважаемым господам вести их дела.

Тонкие серые брови стрелка взметнулись на иссеченный лоб. Очередной плевок Брукса повис на губе, когда чу-ха осознал смысл сказанного и чуть не поперхнулся.

— Стоп-э! — протянул он, оглядываясь в поисках кукуга. — Какая, нах, еще кукла?!

Симайна незамедлительно выбралась на свет. Уважительно сложив лапы перед собой, она глубоко поклонилась обоим казоку-йодда, и я заметил, что на затылке синтета до сих пор открыт технический люк.

А еще заметил, что Черная Юбка вышла к новым посетителям «Нимнога паяим» не по приказу, а по собственной воле, что означало — покладистый «землекоп» все же успел поковыряться в желеобразном супе ее котелка…

— Это она? — спросил стрелок, немало сбитый с толку.

— А хер его знает… — протянул Брукс, и тут же рыкнул на Соплю: — Другие куклы в подвале есть?!

Тот замотал головой так, что сгусток слизи отлетел в сторону и прилип к стене.

— Ну и какого *уя все это значит?! — с растущей злобой проскрипел Плакса. — Это чо, байши, шутка такая?!

— Секундочку! — попросил я все так же спокойно и отстраненно.

Брукс рывком обернулся и с трудом сфокусировал на мне багровеющий взгляд. Его напарник сместился чуть левее, чтобы лучше видеть дерзкого «уродца».

— Парни, это не та кукла, что вы ищете, — в моих словах было столько мягкости, что хватило бы набить подушку. — А я здесь не просто клиент, а по важному поручению. Поэтому если позволите мне и *моей* кукле уйти, то разойдемся со всем приличествующим уважением и взаимопониманием.

— Хуле он несет? — ошалело спросил у Плаксы его приятель с башером.

— Ты хуле несешь-то? — не менее ошалело спросил тот у меня.

Вместо ответа я медленно, невероятно медленно оттянул в сторону полу пальто и показал им черно-желтую жилетку. Стрелок снова близоруко прищурился, а слезящиеся глаза Брукса распахнулись в удивлении. Признаюсь откровенно, его последующий тупой ответ меня немало удивил.

— Ты чо, уродец, больной на всю башню?! — хохотнул тот, в избытке чувств хлопнув себя по левой щеке так, что зазвенели пронзающие шкуру булавки. — Яри-яри, косишь под «Детей заполночи»? Ну, байши, ты и тупо-ой… знаешь, что «Детишки» с тобой сделают, если узнают?

Пока я (несколько осекшийся от безмозглости собеседника) подбирал слова, чтобы как можно тактичнее указать Бруксу на его логическую ошибку, в разговор встрял второй «Хвост». Не столь разболтанный и взвинченный, он начинал понимать, куда дует подземный ветер, а потому поспешил оборвать напряженную беседу о клановой принадлежности.

— Да похер, Брукс! — тихо рявкнул он, а пальцы нервно сжались на удлиненной рукояти башера. — Это наша кукла?!

Плакса вздрогнул, отвел мутный взгляд от моего жилета и угрюмо покосился на напарника.

— А ты других видишь?

Сопля задрожал так, что мне показалось — малой сейчас напрудит в штаны. Сухой Нос отступил за второе калибровочное кресло и с непрерывной возбужденностью стрелял взглядом то на меня, то на «Хвостов». Глабер не шевелился, как и синтет.

— Тогда забираем и валим… — веско отрезал Дробовик. — Нам четко сказали…

Я вздохнул и с удовлетворением отметил, что пульс не ускорился, дыхание остается ровным, а пальцы под перчатками почти не потеют. Справа, отгороженный от меня шкафом, сжался в комок «голый землекоп»; между ним и паяльщиками замерла в поклоне кукуга; дальше разместились помирающие со страху паяльщики и, словно последнее препятствие на пути к заветной лестнице, застыла парочка «Хвостов».

Не самый удачный расклад, сказала проглоченная удавом мышка, но бывали и хуже…

— Так, торчки и выродки, — фыркнув, подытожил Брукс, упиваясь собственной важностью и рассудительностью, — слушать меня! Никто не дергается, никто не раскрывает пасть! А ты, куколка, шагай за мной!

Снова сплюнул, раздраженно смахнул битой с верстака еще немного консольной требухи и уже развернулся к лестнице. Симайна бросила молниеносный взгляд по сторонам, никак не вяжущийся с покорностью безупречных синтосексуалов. Я облизнул пересохшие губы и негромко, но внятно бросил ей в спину:

— Симайна, если хочешь продолжать существование, стой!

Кукла остановилась.

Не потому, что получила два равновеликих одновременных

приказа от живых существ, а потому что мои слова совершенно точно нашли осмысление в ее уникальном, но ограниченном сознании.

Повернувшись к спальному закутку, онсэн внимательно посмотрела мне в глаза, да до того пронзительно, словно могла видеть сквозь выступающее забрало «Сачирато».

У Плаксы отвисла челюсть.

— Ты чо, борф, совсем о**ел тут командовать?! — прорычал он, а мутные белки его глаз снова стали наливаться алым.

Морду напарника Брукса исказила злобная рябь, дробовик медленно опустился в нашу с Симайной сторону. В наступившей тишине Сопля шмыгнул носом так отчетливо и громко, что вздрогнули все шестеро живых.

— Парни, — как можно искренне обратился я к британохвостым и с печальной неизбежностью осознал, что время «низкого писка» безвозвратно утеряно, — поверьте, у меня нет никаких претензий к вашей организации и ее интересам. Но сейчас, увы, я вынужден настаивать на своем.

Нос подслеповатого чу-ха с дробовиком сморщился в гримасе нетерпения и брезгливости.

— Ты, байши, точно тупой! — протяжно прорычал он, оттягивая курок.

А я в очередной раз пожалел, что просто не сел на сквозной транзит и не поехал к Подверни Штанину сообщать папаше прискорбные новости…

«Молот» стоял на полке среди консервов, удобно зажатый двумя увесистыми банками со свининой. Ствол его, упиравшийся в тонкую стенку шкафа, был нацелен на лестницу, а чудесные «Сачирато» позволили без труда высчитать нужный угол и траекторию. Услышав опасный щелчок, я без промедления выстрелил прямо сквозь тонкий пластикат, вогнав боевую фанга точно между глаз «Бритого хвоста».

На долю секунды никто из чу-ха не понял, что произошло.

Протяжно и почти бесшумно хлопнул затвор башера, звонко хрустнула пробитая перегородка, с мокрым шлепком лобная кость Дробовика украсилась дыркой, из которой в глаза стрелка тут же хлынула кровь.

А затем начался бардак…

Убитый еще заваливался на спину и ронял оружие, а Сухой Нос уже юркнул под сегментированное кресло и выхватил спрятанный там башер. Выставив из укрытия лапу, он тут же начал стрелять, причем беспорядочно, во все стороны разом. Хлопки затвора слились в монотонную трескотню.

Фанга засвистели по подвалу, звонко рикошетя от стен.

Лопнул корпус консоли на стеллаже, с приятным шелестящим хрустом дырявились полиэтиленовые чехлы. Погасли две пробитые лампы.

Плакса взвизгнул, зарычал и отшатнулся, когда одна фанга все же достала его, прошив правую лапу и с кровавым веером выдрав из плоти несколько булавок.

К моему счастью, чу-ха в большинстве своем оставались так себе стрелками. Особенно если их этому не обучали — Нос палил во все стороны, умудрившись случайно подстрелить Брукса, но при этом не задев ни меня, ни стоящую посреди комнату кукуга.

Та, впрочем, среагировала мгновенно, повалилась на колени и прижалась к полу, избежав основного урагана. Поскуливал глабер, вжавшийся в угол шкафа и стены так, словно хотел раствориться в бетоне.

Плакса рванулся вперед.

Его бита протяжно ухнула в замахе и обрушилась на лапу с башером, торчащую из-за калибровочного ложа. С хрустом сломались пальцы, Сухой Нос заверещал, его оружие отлетело прочь.

Перемахнув через лежак для настройки и профилактики кукол, «Бритый хвост» замахнулся снова и я не стал его останавливать — тяжелая палица опустилась на голову паяльщика, проламывая кости и сокрушая мозг. Нос захрипел, вскочил спятившей юлой, сделал два шага и рухнул.

Сопля заверещал, будто его резали заживо.

Поднырнув под второй «дыбой», он опрометью бросился к лестнице, но на Плаксу уже накатило боевое безумие, словно от укола «Явандрой». Метнувшись следом, он опустил тяжелую подошву на хвост сопливого, заставил того завопить еще сильнее и дернуться назад, а затем ударил острой насадкой на собственном хвосте, вонзая ее в бок несчастного наркомана. Взревел, подскакивая еще ближе, шарахнул битой по коленям.

Сопля зашелся жалобным писком и упал, вскидывая верхние лапы в позе покорности, но «Британохвостого» было не остановить. С ревом чиркнув битой по потолочным кабелям, он опустил металлическую дубину на грудь паяльщика, заставив того подавиться визгом. Ударил еще раз, на этот раз ломая длинный сопливый нос, и снова — в лоб, мигом обрывая скулеж и хрипы.

Я сместился еще глубже в тень и выставил перед собой «Молот», но больше стрелять пока не спешил. В нос били резкие запахи крови и мочи умирающего Сопли, тяжело дышал глабер. Симайна оставалась неподвижной, и лишь ее глаза торопливо сканировали помещение, оценивая уровень возможной угрозы.

Брукс прекратил кромсать обмякшее тело паяльщика и

медленно повернулся к спальному закутку. С его желтых зубов капала грязная пена, матовая поволока взгляда почти исчезла, зрачки превратились в крохотные точки. Перехватив биту, он до усрачки проворной тенью скользнул в мою сторону, и в ту же секунду я осознал, что его амок мне не перебороть никакими увещеваниями…

Не я это начал, клянусь! Ну, то есть, технически — я. Но ведь не собирался!

«Молот» выпустил три фанга, одна за другой пробивших жилет Брукса ровно напротив сердца. Плакса всхлипнул, занесенная для удара бита выпала и с противным лязгом откатилась прочь. Чу-ха захрипел, вонзил когти в пластины жилета, словно хотел разодрать его на груди, а затем упал на спину и тут же окаменел.

Держа кукуга под прицелом, я неторопливо вышел в основную лабораторию и быстро осмотрел поле боя. Симайна не двигалась, снизу вверх равнодушно наблюдая за моими действиями. Глабер подрагивал в своем углу, но стойко заставлял себя не превращаться в свидетеля и морды не поворачивал.

Остальные были мертвы.

Я громко выругался.

Четыре трупа за считанные минуты… Три с половиной, если считать еще подрагивающего Сухого Носа, но это ненадолго. Впрочем, юморить, пусть даже цинично, мне тут же расхотелось. События принимали, скажем так, весьма неприятный оборот, и грозились вырваться из-под моего контроля.

На секундочку, нужно понимать: не то, чтобы никогда раньше мне не приходилось стрелять в уличный народец… но еще этим утром я никак не мог предположить, что визит Подверни Штанину приведет меня в подвал на Гариб-базаре под перебитыми искрящими лампами. В подвал, заваленный трупами. Тут уж точно не до шуток, а в голове снова зарождался какофонический шум «уличной музыки», тревожной и мрачной…

Пальцы начинали подрагивать, и я торопливо поменял в «Молоте» кассету и картридж с газом. Глабер осмелился-таки искоса оглядеть разгромленную кухню, заскулил еще сильнее и спрятал морду в ладонях.

Симайна медленно поднялась в полный рост. Взглянула на меня, на перезаряженный башер, на убитых. В какой-то момент мне показалось, что сейчас кукуга тоже бросится в атаку, но она только оправила черную юбку, не позволяя ее краям прикоснуться к луже подтекающей крови.

— Так… — выдохнул я, коротким жестом вынуждая ее оставаться на месте, — ладно… ладно… теперь мы с тобой уйдем,

сисадда? Вместе и без глупостей.

Кукла молча поклонилась и повернулась к выходу, но без приказа к лестнице не двинулась. Совершенно бездумно и машинально, почти не осознавая, какому теоретическому риску себя подвергал, я протянул левую руку и мягко закрыл лючок на ее затылке. Тот загерметезировался с едва слышным шипением, без следа скрывшись под мягкой темно-серой шерстью.

— Господин доставит меня к Заботливой Лоло? — вдруг уточнила Симайна. — Или к тетронам?

Спросила не оборачиваясь, довольно спокойно, но я с неожиданным удивлением разобрал в ее голосе оттенки отчаянья. Обогнув лежаки тонкой настройки, трупы и синтета, я поднял очки на лоб, остановился у лестницы и опустил башер вдоль бедра.

— А я похож на «полосатую рубашку»? — Отвечать пришлось вопросом, потому что привычное красноречие вдруг взяло выходной.

Теперь Симайна взглянула мне в глаза.

— Значит, к госпоже Лоло.

Отчеканила это хладнокровно, со смирением приговоренного.

— Посмотрим… — выдавил я, еще не зная, на что именно предстоит «посмотреть». — Но обещаю тебе одно, куколка: я всего лишь хочу задать несколько вопросов, и не намерен причинять тебе вред.

Кукла кивнула, изогнула хвост и взяла его кончик в левую лапу, чтобы тоже не испачкать в подступающих со всех сторон лужах красного.

Я снова замешкался. И потому что не знал, как вести себя с потенциально-перепрошитой кукуга, и потому что сама ситуация казалась мне предельно непростой. Насколько могла быть опасна Симайна? Насколько своевольна и непредсказуема? В ту минуту я пожалел, что не смог взглянуть на тело Гладкого или спальню, в которой почикали парнишку…

— Ты принимаешь мою просьбу? — осторожно спросил я, всматриваясь в зеленые глаза искусственной чу-ха.

— Я исполню вашу волю, господин, — снова поклонилась та.

— Тогда иди вперед. Но прошу… — прошу, а не приказываю, чувствуешь разницу? — не беги, не делай ничего опасного и глупого? Обещаешь?

Слова знаменитого на весь Бонжур Бледношкурого Джадуга буквально сочились страхом неизведанного, но поделать с этим я ничего не мог. Задумался, не встряхнуть ли быстренько наемного глабера, но тот погрузился в такой мощный панический транс,

что сейчас мог только бормотать под нос и пускать слюни.

Кукла, конечно же, с легкостью считала мои эмоции.

— Для беспокойства нет причин, господин, — выверенным тоном профессиональной салонной онсэн произнесла она, и медленно направилась к лестнице. — Моя задача — выполнять приказы и подчиняться.

До чего же не по себе мне было, когда Симайна грациозно переступила через трупы Дробовика и Сопли… до чего же неуютно, растерянно и жутко! Но я не дрогнул и даже заставил себя не угрожать ей башером. Позволил пройти вперед, подняться в контейнер «Нимнога паяим» и только там рискнул придержать за рукав.

Она послушно остановилась на краю подвального проема, дав мне возможность осторожно осмотреть верхний этаж. Башеры лупят не очень-то громко, обычно их шипение газа и лязг затворов не слышно и в соседней комнате, но мало ли кто мог поджидать «Хвостов» наверху?

К моему облегчению, грязная лавка покойных паяльщиков оставалась пустой…

Прикрыв створку люка и убедившись, что замок сработал, я подбородком указал кукуга на дверь. Надел маску, накинул капюшон и последовал за Симайной в узкий вонючий проулок. На нас снова опустился саван тяжелого шелеста ветрогенераторов и гул толпы.

Вновь придержав синтета за плечо, я прислушался и осмотрелся.

По мосткам над нами ходили чу-ха, плевать хотевшие на происходившее внизу. «Улица», с которой я попал на задворки лавки паяльщиков, была все так же наполнена прохожими, по-прежнему моросил противный дождь. Однако стоило мне сделать пару шагов к выходу из переулка, как я заметил фаэтон, которого еще полчаса назад перед вывеской «НИМНОГА ПАЯИМ» не было.

Это оказалась «Барру», весьма распространенная и недорогая модель. Транспорт был грязным, помятым и неухоженным, резина вспомогательных колес вышоркалась, подкрылки украшала ржавчина.

А еще на борту виднелась грубо намалеванная эмблема «Бритых хвостов». И (с моей точки зрения, весьма немаловажная деталь!) третий казоку-йодда — в плотной куртке с пластинами против ножей, нательной майке с логотипом «8-Ра» и красных брезентовых штанах, он лениво подпирал задом переднее крыло…

Булавки усыпали обнаженные лапы молодого чу-ха, виднелись в драных ушах и носу, к тому же украшенному

массивным железным кольцом. Когда «Хвост» отправлял в ноздрю очередную понюшку молотого «бодрячка» и пронзительно чихал, украшения начинали звенеть.

В ожидании дружков он откровенно скучал, забавляясь дерзкими гляделками с прохожими КуВАвцами, да дерзко скалился на робкую брань прохожих, недовольных перегороженной «улицей». Скучал, надо полагать, ровно до тех пор, пока его случайный взгляд не упал в проулок, где замерли мы с кукуга…

— Эй, байши, а вы еще кто такие?! — протянул он, отрывая задницу от фаэтона.

— Стой смирно, — прошептал я.

И машинально задвинул Симайну за спину, далеко не сразу осознав, какому риску снова подвергал свою тонкую бледную шкурку. Но в тот момент у меня не было времени дрожать за нее, а потому я подвернулся к «Хвосту» так, чтобы скрыть оружие, и настроил очки.

— Яри-яри, **ать тебя в харю… ты еще чо за урод?! — брезгливо ужаснулся чу-ха, приближаясь к проулку и успев-таки рассмотреть часть моего лица ниже «Сачирато». — Фу, байши, какая помойка тебя выблевала? Так… стойте-ка!

Он замер, перекрыв выход на «улицу», и встревожено повел неоднократно переломанным носом.

— А где наши? Вы откуда ваще вышли?! А это чо, кукла?!

Коробочка с «бодрячком» шлепнулась в грязь, лапа бандита ухватилась за рукоять заткнутого под ремень барабанного шестизарядного башера.

— А ну, сюда подошла, мразь!

Я выстрелил в него дважды — в горло и морду, чтобы наверняка. Первая фанга навылет пробила шею с еще свежей вытатуированной датой и со звонким стуком вонзилась в рекламный щит за спиной «Хвоста»; вторая продырявила голову чуть ниже левого глаза. Бандит издал визг, переходящий в шипение, так и не выхватил оружие и обеими лапами вцепился в окровавленное горло.

В несколько стремительных шагов по липкой дряни проулка я подскочил к противнику, схватил за отворот дубленой куртки и рывком втащил в темноту. С хлюпаньем швырнул на спину, навис сверху и снова поднял «Молот»… но больше стрелять не пришлось. Левый глаз чу-ха закатился так, что не стало видно зрачка, правый остекленел.

Симайна неподвижно стояла на том самом месте, куда и была определена. На труп «британохвостого» она смотрела безучастно и недолго, уже через секунду поклонившись мне в ожидании новых

приказов.

Спрятав башер в кобуру, я заметил, как все сильнее подрагивают пальцы.

Нет-нет, я уже говорил, что мне не впервой отнимать жизни… Да и ханжой я никогда не был. Но всякий раз, клянусь, мне становилось не по себе. Этот город с аппетитом перемалывал слабых, рано или поздно вышибая любые этические костыли из-под сознания сильных, и терпеливо дожидался своего часа, чтобы пережевать и мою душу…

Спокойно, Ланс!

Я снова ухватился за воротник толстой куртки чу-ха, оттягивая тело поглубже в переулок. Скользкое месиво под ногами охотно помогало, кукуга смотрела в сторону. Не время раскисать! Сделаем это в родной норе за пиалой паймы. А пока? Пока пора выбраться из Гариб-базара и осознать, во что же меня угораздило так крепко вляпаться…

Внизу мертвы все, кроме глабера. Третий отморозок тоже скрутил хвост. Выходит, что человека в «Нимнога паяим» видели только двое — кукуга и «слепой землекоп». Второй будет молчать, тут сомнений почти нет. Более того, скорее всего после случившегося бедолага вовсе переберется в другой район или надолго потеряется в Нижнем Городе. А вот синтет… В ее случае все будет зависеть от того, как мы потолкуем…

Вопросы уже копились на моем языке, но я прекрасно понимал, что сейчас не время и не место. Взвесив возможности и новые риски, снял рюкзак и деловито сунул в лапы Симайне. Та послушно приняла, даже не помыслив заглянуть внутрь.

Стянув пальто, я накинул его неподвижному синтету на плечи, забрал рюкзак, после чего заставил бывшую работницу Лоло набросить капюшон и хоть как-то, насколько позволял покрой, застегнуться.

Маяк ушлый глабер выпилить успел, но это не означало, что во всем огромном гнезде не найдется других способов вычислить местоположение беглянки. Сеть тонких экранирующих нитей, несколько лет назад вшитых Зикро в мою подкладку, должна была предельно осложнить таковую задачу…

Переодев жилет так, чтобы он хотя бы отчасти прикрывал кобуру с «Молотом», я подтянул лямки рюкзака, осмотрел нас обоих, попросил Симайну идти следом и как можно более непринужденной походкой выбрался на широкую «улицу» Базара.

Справа возвышалась Секция № 3, слева нависала громада ветряка. Мимо нее проход тянулся к Аукционной Площади, откуда можно было выбраться на ближайшую скоростную магистраль. Пожевав губу, я властно махнул спутнице и уже

зашагал прочь от «Нимнога паяим», как вдруг остановился и задумчиво обернулся на фаэтон.

— А знаешь, куколка… — пробормотал я, подходя к «Барру» и заглядывая в пустой салон через пыльные окна, — садись-ка, прокатимся.

Открыл скрипучую дверь водителя, в ту же секунду порадовавшись, что маска все еще болтается на груди — через секунду только ее фильтры и сдерживали большую часть невообразимой вони «карамели» и немытых крысиных тел, которой насквозь пропитался транспорт «Хвостов». Кукуга подошла к пассажирской двери, но вдруг задумчиво оглянулась на салон паяльщиков.

— Господин, — негромко, но с жаром прошипела она и выразительно покосилась на прохожих, — но ведь это не ваш фаэтон!

— Ничего страшного, девочка, — я подмигнул ей, совсем забыв, что глаза скрыты «Сачирато», — уверен, прежний хозяин не станет вызывать тетронов.

Помешкав еще несколько мгновений, Симайна положила ухоженные пальцы на ручку двери, без усилия открыла и с запрограммированной грацией разместилась на переднем сиденье. Когда я выдвинул бортовой клавиатон и щелчком кнопки включил электродвигатель, кукуга задумчиво склонила голову, уставилась на меня из-под тесно-облегающего капюшона и резюмировала:

— Господин Ланс, вы удивительный и очень забавный.

Я улыбнулся под спасительной маской. Несмотря на огромнейший лексикон синтосексуалов, набор заложенных в них комплиментов не позволял в полной мере подобрать синоним к определению «больной на всю голову»…

Потрескивая движком, потрепанный «Барру» медленно двинулся по «улице» Гариб-базара, пронзительными гудками взрезая плотные толпы недовольных пешеходов и собирая на свою крышу сотни плевков.

Глава 7. КРУЖЕВО ЧУВСТВЕННЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ

Выпив пиалу-другую паймы, Подмастерье Ганкона любил сбивчиво напоминать мне, что у чу-ха существовала старинная поговорка: робкий никогда не вступит в воды Вишаль; но зашедший на глубину уже не может считаться смельчаком, и когда его тело выловят из реки, то назовут глупцом. Управляя краденым фаэтоном «Бритых хвостов» я ощущал, что с каждым новым шагом вода все ближе подбирается к моему лицу…

Синяк, оставленный Гвоздодером, снова не на шутку разболелся. Компанию ему решила составить и голова, на каждый резкий вираж отвечая острой пульсацией в висках.

Невероятно хотелось приложиться к фляжке, но я понимал, что делать это за рулем ржавого «Барру» будет не самой лучшей идеей. Особенно в одном салоне с синтосексуалом, об истинной природе которой я до сих пор ничего не узнал.

Дыхательная маска мешала и натирала нос, но снять ее не позволяла едкая вонь обшивки. Поэтому я терпел, бесшумно бормотал проклятия и рулил, стараясь излишне не ускоряться и не нарушать полетных правил.

Сидящая справа Симайна оставалась молчаливой и равнодушно смотрела вперед. Прокручивая на бортовой консоли карту города, молчал и я. Вопросы и обвинения так и рвались с языка, но благоразумие пока брало верх — допрашивать кукуга здесь и сейчас было бы неверным.

Одна за другой за кормой фаэтона с гудением оставались силовые вышки полетного коридора; там проплывал Юдайна-Сити, укутанный ледяной взвесью с сияющими в ней маяками рекламных транспарантов, во всем своем величии и культивируемой нищете, блеске и запустении, лицемерии и открытости.

Огромный перенаселенный город давил на каждого, и горе тому, кто не выдерживал этого пресса. Ощущение было похоже на тяжелую лапу знакомого бугая-вышибалы из ближайшего кабака, которую он приятельски забрасывал на плечо посетителя. Делал он это словно бы по-свойски, но с определенной угрозой в каждом грамме веса.

Юдайна-Сити был таким же. Даровал миллионы возможностей, оставлял на миллиардах перекрестков, но одновременно высушивал почву вокруг слабых до последней гидропонной травинки, оставлял в вакууме одиночества и

безысходности. Его непрестанный шум на самом деле был самой звенящей, предельно гробовой и пульсирующей тишиной во всем Тиаме.

Покрутившись на нижних уровнях Тысячи Дорог, я направил «Барру» на северо-запад, стараясь держаться менее загруженных магистралей. Думал, взвешивал, выбирал место.

Как только определился, свернул на извилистую Парковую улицу, вдоль которой отродясь не разбивали ни единого парка, и мягко опустил транспорт на пластобетон. Полетные коридоры здесь не ремонтировали уже лет сорок, так что мне совсем не улыбалось быть найденным ушлыми прокламаторами в разбившемся фаэтоне в обнимку с беглой куклой.

Еще раз убедившись, что за нами не следят, задворками родного района я направился на окраину Колберга. Если ржавое корыто с агрессивной символикой «Хвостов» заметят уличные дозоры «Детей», вопросов будет куда больше, чем ответов. Впрочем, я не без оснований считал, что проблемы посыплются, даже если нас срисуют и бойцы других казоку…

Долгое время мы катили в потоке грузовых транспортов, расходившихся на загрузку по заводским трассам Колберга; над дорогой нависала тощая разлапистая развязка, с шипением и свистом проносились составы транзитов.

Забрав еще западнее, я оставил производственные территории за правым плечом и поднялся на холм Две Мельницы — когда-то процветавший, а теперь заброшенный район со старыми складами и почившими производствами. Вокруг раскинулись малоэтажные пустые коробки, бесконечные кирпичные заборы и пустыри. На юге, слева от фаэтона, призывно мерцал уличными огнями Бонжур. В небе, фонтанируя красками свето-струнной рекламы, колыхались туши ветростатов.

Сбросив скорость, я медленно объехал территорию покинутого химического завода. Настроив нужный режим «Сачирато», высматривал неприятности, в глубине души осознавая, что просто оттягиваю время неприятного разговора.

Начиная злиться на самого себя, свернул в ближайший цех — пятиэтажный с высоченным первым, где когда-то размещалось предприятие по утилизации мусора. Широченные окна скалились на закат последними пыльными осколками, ворота для транспорта перегораживали натуральные барханы слежавшегося песка.

Я с натужным гулом перевалил через насыпь (чудом не развалив старенький «Барру» на куски), загнал фаэтон внутрь и остановил двигатель. Фары оставил включенными, начинало темнеть.

Огромное пустое пространство было расчерчено рядами бетонных колонн, между которыми уже не первый год громоздились горы пыли и брошенный при переезде хлам.

— Поговорим снаружи, — за почти час молчания я первым нарушил его и первым же выбрался из провонявшего салона, — сил больше нет дышать этой помойкой…

— Как господин прикажет, — незамедлительно откликнулась Симайна, послушно выходя следом.

Обошла транспорт спереди, остановилась в свете фар и поклонилась.

— Я не приказываю, а прошу, ты помнишь? — осторожно напомнил я, расстегнул маску и стал мягкими движениями разминать синяк на бедре. Добавил, заметив, как синтет принялась неловко снимать пальто: — А вот это оставь, пожалуйста.

— Как господин попросит.

Сняв перчатки и заткнув за отворот жилета, я задумчиво разглядывал послушную кукуга и вертел на пальце кольцо Аммы. Симайна терпеливо ждала вопросов, и только невероятно реалистичное подрагивание усов выдавало в ней хоть какие-то признаки «жизни». Как ни крути, а в создании реалистичных секс-манекенов чу-ха добились настоящего триумфа…

— Выходит, ты меня знаешь? — спросил я, обеими руками опираясь на переднее крыло фаэтона и внимательно наблюдая за реакцией беглянки.

— Господин фер Скичира прав, — кивнула та, с кокетливой угнетенностью не поднимая глаз, — я видела вас гостящим в доме госпожи Лоло. Вероятно, у вас хорошие отношения.

Да уж… и лучше бы им такими оставаться…

— Ты права… — я прислушался к окружающей нас тревожной тишине, и решил, что дальше откладывать самый важный и гложущий вопрос нельзя: — Симайна, это ты убила Гладкого?

Синтетическая чу-ха медленно подняла голову и взглянула мне в глаза. Спокойно, молча, с заложенным манджафоко сдержанным высокомерием.

— Нет, господин, не я.

У меня дернулось веко.

— Мы были с господином Гладким трижды, — добавила синтет. — Он приходил в наш уютный дом нечасто. Но всякий раз требовал меня. И терпеливо ждал, если я имела неосторожность быть занятой другим.

Я покривился и внимательно изучил увеличенный оптикой «Сачирато» ярко-зеленый глаз Симайны. Покачал головой и во второй раз задумался, умеют ли кукуга врать изначально, или это

стало результатом вмешательства глабера с Гариб-базара…

— Если ты не будешь говорить правду, я не смогу тебе помочь, — со вздохом предупредил я и задрал чудо-очки на лоб. — Ты ведь сейчас соврала мне, точно?

Симайна перевела остекленевший взгляд на разбитые окна цеха. Медленно кивнула и скрестила лапы на груди. Пальто на кукле собралось в складки, выглядя нелепо и неуместно.

— Прошу господина простить, — чудовищно безжизненным голосом сказала кукуга. — Но вред господину Гладкому невольно причинила именно я…

Я чуть не застонал. Стиснул кулаки, отвернулся и остервенело почесал подбородок. Передо мной стояла настоящий девиант, сказками о которых пугали друг друга глаберы всех времен.

Впрочем, чему удивляться? «Низкий писк» не обойти ни одному чу-ха, а значит, Заботливая Лоло сказала правду. Легче ли от этого «господину фер Скичира»? Вот уж хвост ему во всю харю…

— Куколка, — я снова подпер капот фаэтона, а кукла соизволила вернуть мне взгляд, — я попробую помочь, честно. Но только если узнаю больше.

— Благородство господина не знает границ, — чуть присев, грациозно поклонилась онсэн.

— Разрешаю говорить без протокола. Просто подбирай конструкты, наиболее подходящие для ситуации, и связывай их без оглядки на правила, хорошо?

Несколько секунд Симайна оставалась неподвижной, а затем снова изломилась в поклоне. Ветер на заброшенной улице усилился, и теперь начинал подвывать в разбитой вентиляционной системе старого цеха. Я поежился, но о возвращении в салон «Барру» не могло быть и речи.

— Почему господин Ланс помогает? — вдруг спросила кукуга, и теперь в ее голосе снова зазвучали эмоции, искусно применяемые из обширной базы данных.

Я не хотел отвечать. Но *другой я* решил, что так будет лучше, и открыл рот еще до того, как успел сформироваться наиболее обтекаемый ответ.

— Мне поручили дело… ты ведь слышала, что я работаю над решением разных… нетривиальных задач, которые не дают ни бойцам казоку, ни тетронам? Так вот, это его часть. И ты обязана знать правду: помощью тебе мои поступки назвать изначально сложно.

Симайна молча слушала, считывая фрагменты моей мимики гораздо эффективнее, чем это мог сделать настоящий чу-ха…

— Но мы оба знаем, что в таком случае говорит улица, — я раздраженно пожал плечами и даже пнул по пузатому колесу, — если влез не в свое дело, просто не мешай. Поэтому, Симайна, я не намерен вредить тебе. Обещаю. А если поможешь в расследовании, то даже постараюсь отблагодарить.

Она кивнула. Затем медленно осмотрела цех, подогнула хвост и взяла его кончик в пальцы, неожиданно сменив тему:

— Где мы сейчас находимся?

— На рубеже районов. Тут не встретить представителей казоку, Симайна. И «полосатые рубашки» сюда не заглядывают. Если в гнезде есть спокойное место для безопасного разговора, то оно здесь.

— Тут не выглядит спокойно, — закончив осмотр пустого этажа, констатировала кукуга.

— Весь наш город не выглядит спокойно, — с кривой усмешкой признал я.

А затем она склонила голову в жесте филигранного ожидания и спросила:

— Что господин Ланс желает знать?

Недаром в старину говорили, что половину смертных приговоров своим владельцам подписывает собственный язык. Потому что в следующую секунду я не сдержался от откровенного:

— Мне стоит тебя опасаться?

Одновременно прикидывая, какой эффект на синтета окажут фанга «Молота», если дело дойдет до схватки.

К моему удивлению Симайна одарила взглядом, какой ее проектировщики припасли для излишне расшалившихся или перебравших клиентов.

— Смею заверить господина Ланса, что вред господину Гладкому был причинен не намеренно и вследствие сбоя.

Смущенно почесав кончик носа, я спросил:

— Этот Гладкий… Что случилось в комнате, после того, как вы уединились? Ты хорошо помнишь вчерашний вечер?

— Господин Ланс похож на судью, — кротко констатировала девиант.

— Я тебя судить не буду. Но вошли двое, вышла только ты. И в бега. Мне нужно знать, почему и как.

— Это будет непросто описать, господин.

— Я буду настаивать на попытке.

— Действия в порыве… затмению рассудка мы были обязаны болезни…

Глядя ровно перед собой, Симайна говорила медленно и слегка запинаясь. Вероятно, подбирала наиболее подходящие

словесные конструкции из информационного багажа ночной обольстительницы, а это обещало быть непросто.

— В глубины знаний погрузившись, я вдруг встретила отпор… и горячка затмила разум.

Я выпрямился, отряхнул ладони от ржавчины и задумчиво уставился на потолок цеха. Глубины знаний? Затмение рассудка? Она говорит о сбое системы?

— Визит в Мицелиум не остался бесследным, — заметив мое замешательство, добавила кукла, и я медленно кивнул.

— Значит, сбой? Расскажи мне, что и как случилось?

Но уточнял я, признаюсь, несколько рассеянно: полностью сосредоточиться на рассказе мешали местные жители, уже не первую минуту бесшумно наблюдавшие за нами из глухих теней. Шпана, будь она неладна. Но я и не рассчитывал, что в такой громаде, как Юдайна-Сити, найдется хоть один не заселенный уголок…

Осторожно осмотревшись, заметил грязные лежаки под грубыми тентами, нехитрую утварь одичалых пустырников и обглоданные собачьи кости. Ну, хоть не лезут… И все же я перестал крутить на пальце кольцо и снова надел перчатки. А еще открыл водительскую дверь, словно хотел проветрить салон, и сдвинул рюкзак, чтобы не помешал без промедления шмыгнуть за руль.

Симайна, тем временем, подобрала самое точное, с ее синтетической точки зрения, определение. Поведя лапой, она с придыханием сказала:

— Это было *величественно*.

Я хмыкнул и невольно обернулся на онсэн. Разрешив использовать обороты салонного лексикона, никак не ожидаешь, что собеседник сравнит толкнувший на преступление сбой с чем-то величественным…

— Величественно и возбуждающе, — продолжала кукуга, перебирая кончик хвоста коготками. — Я ощутила дрожь, господин Ланс, словно перед сеансом шибари. Сердце мое забилось быстрее обычного, мысли спутались, а все тело охватил сладкий морок, путавший сознание… О нет, господин Ланс, он не был сладким… но иначе я описать затрудняюсь…

Сказать откровенно, это было странно — слышать от неживой чу-ха такие чувственные сравнения, при этом применимые вовсе не к постельным пляскам.

— Все хорошо, продолжай, — похвалил я Симайну, краем глаза поглядывая за темными углами цеха. Вокруг дальних колонн беззвучно двигались невысокие тени. — Чем больше ты приведешь образов, тем мне будет проще.

Подопечная Заботливой Лоло кивнула в знак понимания.

— Это было сродни неизведанному, — чуть заметно подрагивая, проговорила она, и я был готов поклясться, что зеленые глаза синтета затуманились от воспоминаний (если такое вообще было возможно). — Подобно первому падению в объятья любовной страсти, я не могла контролировать себя. Не была способна управлять собой, все подернулось дымкой, и я потеряла счет времени. Жаркие поцелуи небытия унесли меня в пучину сладострастия…

Она осеклась и назидательно подняла холеный коготок:

— Здесь я не права, господин Ланс, сладострастие было бы преувеличением. Но я не знаю, как точнее определить путаность впечатлений. Будто в сценарии «Упавшая шаль», где онсэн должна как можно более чутко приветить девственника, я была стеснительна и не отдавала себе ответа в действиях. Мне было страшно и интересно. Но память отказывается в точности воспроизводить случившееся…

Я нахмурился.

— Мы все еще говорим о сбое, верно? Не про «шмырк-шмырк», что вы устраивали с Гладким, а о *том самом* сбое в Мицелиуме?

— Господин, безусловно, прав, — легко поклонилась Симайна.

— После подключения?

— И снова проницательность господина не знает границ.

Подтянув перчатки, я неспешно прошелся туда-сюда вдоль фаэтона. Романтические образы сбивали с толку и мешали ухватить суть. Но кое-что я все-таки улавливать начинал. Мысленно переведя объяснения кукуга на нормальный язык, решил уточнить:

— Так, Симайна… поправь-ка меня, если ошибусь, но я понял так: ты сунулась в Мицелиум, у тебя «величественно» замкнуло в мозгах, и после этого ты… непроизвольно причинила вред Гладкому?

— Все совершенно верно.

На этот раз в ответе сквозила глубочайшая грусть. Впрочем, раскисать под ее воздействием я не собирался — бывает, что и живые врут так, что слеза наворачивается, что уж говорить про настроенную на эмоциональный отклик куклу?

— Продолжай, — приказал я, невольно повысив тон. — Что произошло потом?

Кукуга не заметила или предпочла проигнорировать нажим, снова заговорив в том же протяжно-сбивчивом ритме:

— Помутнение не было бесследным. Всем сердцем ощущала я

пристальные взгляды… скрытые и жаркие, они манили меня… но были тревожны и требовали от меня прекращения опасных утех…

Увидев мое откровенное замешательство, Симайна стала говорить медленнее, как будто это что-то меняло и тут же делало картину понятной:

— Господин Ланс… Сила и стать самых могущественных господ велит представителям нашей профессии быть покорными во всем… я немедля преклонилась перед той силой… но озвучила скромное пожелание немедля прекратить. Та грань… дозволенная грань, где синтосексуалы сами вольны определять предел давления и отказываться от приказов… Она была пройдена…

Я поднял раскрытую ладонь и прервал ускоряющийся поток ее мыслей.

— Так, не част**и**-ка! Мицелиум, власть, приказ… Ты пытаешься сказать, что во время твоего входа в Мицелиум на тебя кто-то попытался воздействовать? Приказывать? Против твоего встроенного инстинкта самосохранения?

Рука прямо-таки потянулась к запястному гаппи, чтобы вызвать Зикро и немедленно засыпать его вопросами, возможно ли такое в принципе. Куклы входят в «мицуху» не через консоли и умные костюмы информационного расслоения, а напрямую, втыкая штекер за ухо, где живые носят заушник «болтушки».

Но чтобы синтет словил атаку через такое соединение? Впрочем, еще утром город не слышал и ни про одно убийство клиента искусственной онсэн…

Я удержался от поспешного вызова. Уточню позже, сперва передав приятелю-глаберу суть разговора. Если, конечно, тот вообще поверит в сам факт допроса засбоившей кукуга…

Симайна молча ждала дальнейших указаний. В том, чтобы отвечать на мой последний вопрос, необходимости не видела даже беспрекословно подчиняющаяся секс-кукла…

п.1; г.7; ч.2

Байши… все это пахло так же дурно, как фаэтон покойного Плаксы Брукса. Выходит, в деле есть новые неизвестные — те самые, что навалились на синтетическую самку через «мицуху» и спровоцировали на полнейший беспредел… Если, конечно, все сказанное беглянкой не было выдумкой или частью сценария, каковых кукуга таскали в своей башке превеликое множество…

— Что это был за приказ, куколка? — массируя виски, спросил я негромко.

— Простите, господин Ланс, этого в моих данных не сохранилось…

— Но ты сразу поняла, что слежка и давление не входят в допустимые протоколы, так?

Я обошел фаэтон и остановился в свете фар ровно напротив синтета.

— Все так, господин Ланс, — она поклонилась, на всю протяженность следующей фразы сохраняя эту покорную позу. — Но благородные дамы уютных домов не обучены отчаиваться… поэтому я была вынуждена самостоятельно… исправлять дурное настроение… заботится о благополучии…

Мой рот издал неопределенный звук.

— Вийо, хочешь сказать, что ты силой разрывала соединение? И это стало причиной замыкания? Не электрического, так, но где-то там… в твоих мозгах?

— Я испытываю благодарность от общения с таким проницательным господином, — кукуга распрямилась и часто закивала, полностью согласная с моей расшифровкой.

Проницательный господин… Я скривился и снова взглянул вглубь цеха. Да уж, чаще всего такие эпитеты преподносят мне вовсе не как комплимент…

Обитатели Двух Мельниц продолжали наблюдать за фаэтоном и странной парочкой, причем уже не столь скрытно. Я видел силуэты, довольно многочисленные, в отсветах ускользающего дня мерцали прищуренные глаза десятка чу-ха.

Отступив из светового конуса фар, я поморгал, перестроил «Сачирато» и заставил себя удалиться от «Барру» и терпеливо ожидавшей Симайны. Поддел ногой ближайший лежак, слегка поворошил пожитки подошвой.

Нагнулся, изучая начисто обглоданные кости, оказавшиеся куда крупнее собачьих. Судя по всему, старый цех населяли святотатцы, плюющие на устои города и осмелевшие до рискового отлова священных коров. Дурно… Отсутствие какой-

либо веры в высшие силы подчас куда опаснее фанатичного следования духовным законам.

Я вернулся к фаэтону и включил запись на гаппи.

— Значит, горячий разрыв соединения что-то повредил в тебе?

Прислушиваясь к шепоткам и шорохам вокруг, я предпочел задать как можно больше вопросов, размышления и догадки оставив на потом. Кукуга кивнула и пояснила все в той же манере про «шмырк-шмырк»:

— Если поспешить и несвоевременно оборвать удовольствие господина или госпожи, — будто по учебнику зачитала девиант, — это может вызвать неприятные последствия, физическую боль и душевное неспокойствие.

Так… понятно. Экстренный разрыв связи с Мицелиумом усугубил сбой… Настолько, чтобы броситься на клиента? Симайна с легкостью всмотрелась в мои гримасы и предпочла добавить:

— Если бы дело касалось моего друга или подруги, я была бы куда более нежна и терпелива… прекращение утех одним заветным словом возможно по обоюдному согласию, господин Ланс. Но если служительница уютного дома считает, что ситуация становится потенциально опасной, то вправе действовать по личной инициативе…

От обилия сексуальных аллюзий у меня начинало шуметь в голове. Разумеется, я старался сразу перевести один образ на другой, но в голове так и представали голые, украшенные татуировками и пирсингом чу-ха, утонченно связанные и нет, переплетающиеся хвостами, шлепающие друг друга по задницам и упоенно наяривающие послушную куклу…

Ладно, будем считать, что я все уловил верно. Кукуга по сути есть безвольные и подчиненные хозяину автоматы, но сейчас Симайна говорила о том, что пошла против чужой воли в целях сохранения собственного рассудка. Да вот только дороговато вышло…

— Дальше ты решила действовать сама? — негромко уточнил я, отметив, что кольцо шепчущих силуэтов медленно смыкается вокруг фаэтона. — Следуя заложенным протоколам невредительства и выживания, так? Возможно, от других клиентов уютного дома ты когда-то услышала про паяльщиков и их услуги… И это привело тебя в Гариб-базар?

— Мне остается скромно промолчать, — поклонилась синтет.

Ее уши принялись нервно подрагивать — от внимания чуткой куклы явно не ускользнуло, что беседа давно перестала быть приватной. Обогнув фаэтон, Симайна совершенно неожиданно

приоткрыла пассажирскую дверь. Чтобы проветрить салон, не иначе…

— Но ведь ты понимала, что и дальше нарушаешь множество допустимых правил манджафоко и уютного дома, — аккуратно надавил я.

Интуиция требовала прыгать в «Барру» и немедленно покидать полутемный склад, обжитый безбожниками; но оборвать разговор, в котором кукуга так непросто раскрывала детали вчерашнего вечера, казалось кощунством. Расстегнув кобуру «Молота», я старательно пересчитал ближайшие силуэты, а «Сачирато» тут же высчитали дистанцию и последовательность ведения огня.

Кукуга скрестила лапы на крыше фаэтона, осторожно опустила на них подбородок и уставилась на угасающий день за разбитыми окнами цеха.

В этой отрепетированной задумчивости она была прекрасна и ранима, без труда ловя на крючок безупречной поддельности и старательно откалиброванных диалогов готовность собеседника видеть под маской не синтетический механизм, но живое существо…

— В терзаньях душевных и ожидании встречи мне многое удалось обдумать, — негромко и торопливо произнесла она, — и потому будет непросто излагать словами то, что могло бы рассказать обученное тело под легким покрывалом в ночной тиши… Исходов без числа быть не может, и осознание собственной оплошности… Оно едва не толкнула меня на безрассудство. И уже этим днем нож в сердце стал казаться столь же желанным, как глоток воды после дня в раскаленной пустыне…

До меня дошло не сразу. Но все же дошло. Челюсть отвисла и я откровенно опешил, на мгновение забыв и про подступающих пожирателей коров, и про трагическую смерть бедняги Гладкого…

Несмотря на потрясающую вариативность измышлений кукуга, манджафоко никогда не сравнивали своих дочерей (и чуть реже — сыновей) с полноценным искусственным разумом, хотя опасливые рисковые разговоры о разработке полноценного *джинкина-там**[1]*** время от времени и поднимались на просторах Мицелиума. Несмотря на богатые разговорные базы, набор эмоций и откликов, куклы оставались всего лишь машинами, пусть и высочайшего уровня.

А потому слова Симайны оглушили, словно взрыв.

— Ты задумала свести счеты с жизнью?!

Зрачки синтетической чу-ха мелко задергались с невероятной

скоростью.

Отступив на шаг, я невольно потянулся к башеру, проклиная себя за провокацию очередного сбоя… И не сразу сообразил, что в поведенческих ветках Симайны происходит лихорадочный поиск нужной модели отклика, вероятнее всего, попросту несуществующей.

В течение одного дня кукуга совершила недопустимое, осознала это, избежала покорной самоутилизации, пошла на незаконное снятие блокировок, раскрылась мерзкому изгою общества и теперь была не в состоянии подсчитать последствия.

Говоря проще — синтет боялась, и ее тело болезненно реагировало на неведомый сценарий и его эмоциональные переменные.

Сглотнув гадкий липкий комок, я попытался представить, кто именно и какими средствами мог заставить Симайну столь сильно преобразиться. И не смог…

Зеленые зрачки нерожденной чу-ха перестали походить на капли раскаленного масла. Она выпрямилась, пригладила усы, склонила голову и посмотрела на меня так, будто вновь могла видеть сквозь забрало «Сачирато».

— Я со смирением признаю вашу правоту, господин Ланс… — сказала кукуга. — Но последующее осознание того, что мое недостойное поведение может еще сильнее навредить госпоже Лоло, остановило меня от безрассудного шага.

— И что ты надумала тогда? — промямлил я пересохшими губами и с трудом узнал собственный голос.

— Записка, оставленная росчерком возлюбленного, может рассказать больше, чем шепот тысяч завистников…

— Ты решила оставить признание?

— Все, что в моих силах…

— А дальше? Скрываться?

Симайна сымитировала глубокий задумчивый вздох. А я в очередной раз понял, что именно привлекает посетителей уютных домов в отстраненной, но заведомо желанной красоте и покорности качественных кукуга.

— Есть много мест, господин Ланс, — терпеливо пояснила онсэн, — где любящим сердцам будет уютно и комфортно, невзирая на тягости и лишения…

Взлохматив волосы на макушке, я постарался заставить мозг работать еще быстрее. Перевод с любовного на общедоступный продолжался, запись шла, но было бы глупо прямо здесь и сейчас упустить что-то важное или неверно разгадать предложенный ребус.

— Намекаешь на Такакхану, — предположил я и тут же

уловил подтверждающий кивок. — Ох, милая, тебе там будет совсем несладко…

Симайна взглянула в сторону.

— Смирением пронизывая ростки-секунды, которым лишь предстоит стать плодами прошлого, я в полной мере осознаю, что после встречи с таким добрым господином, жизнь оступившейся кукуга уже никогда не будет прежней…

Любопытно, под «добрым господином» Симайна имела в виду меня или снова витиевато вспоминала бедолагу Гладкого?

Вздохнув, я снова почесал кончик носа и бегло осмотрел стремительно темнеющий цех. «Сачирато» равнодушно подтвердили, что бездомные чу-ха подобрались еще ближе. Впрочем, недостаточно угрожающе, пока опасаясь незваных чужаков не меньше, чем те их самих…

Значит, кукуга планировала побег, и мне немало свезло перехватить ее в «Нимнога паяим» сразу после того, как глабер выжег маяки. Хотела сбежать и записать признание.

Что ж, на этом можно было и остановиться. Урчащий желудок и головная боль охотно поддержали такое решение. Оставалось дать Подверни Штанину подробный отчет о расследовании и приватно поделиться его результатами с Заботливой Лоло (попутно выяснив про Пыльного и его интересы).

Быть может, после этого я даже на пару дней попаду на передовые станции прокламаторов? «Мутант в маске, взявший интервью спятившей куклы и оставшийся в живых»! Неплохая реклама, хотя Нискирич вряд ли будет счастлив…

Но вместо этого, будь оно неладно:

— Симайна, чем, по-твоему, был вызван этот странный сбой в Мицелиуме?

Прикусил губу, но запоздало. Стиснул кулаки. Ну не идиот ли?! Байши, да я видел самоубийц, больше заботящихся о собственном спокойствии!

Кукуга приподняла бровь. Вероятно, эмоции на видимой части моего лица ввели ее в заблуждение, и Симайна тоже решила, что разговор окончен. Отступив от фаэтона, она смиренно поклонилась и ответила:

— Щедрость моего друга господина Гладкого не знала границ. В порочном любопытстве погрузившись в Мицелиум собрать больше информации о своем имуществе, я перешагнула границы дозволенного.

Я покривился. От иносказаний начинала пухнуть черепушка, а поиск сексуальных смыслов теперь начинался даже в самых безобидных образах.

— Не очень тебя понял… — впервые за разговор признал я,

удрученно разводя руками. — Ты попросила Гладкого о недозволенном?

— Прошу прощения, но господин Ланс ошибается, — Симайна помотала головой, как была обучена башковитыми манджафоко. — Вы должны понять, что за дар любовный господину Гладкому я буду признательна до скончания своего неприхотливого существования.

У меня щелкнуло.

Ага, отлично, а то я уже предположил, что голова на остаток дня сгодится мне только для носки «Сачирато»…

— Он что-то тебе дал, верно! — Это был даже не вопрос. — Подарок!

— Дары гостей не запрещены правилами уютного дома, — кротко потупилась Симайна. — Мне было невообразимо приятно, и я щедро отблагодарила своего друга за этот сердечный жест.

Я чуть не хмыкнул. Дружок гаденького Кринго и беспутный уличный шалопай Гладкий оказался не только большим почитателем искусственных самочек, но и настоящим романтиком? Интересно, его отцу стоит об этом узнать?

— Что это был за?..

Но задать вопрос целиком мне, разумеется, не позволили. На височном дисплее «Сачирато» мелькнула тень, и я резко обернулся, выставляя в свето-струнных окулярах предельную четкость.

«Барру» окружила стая из полутора десятков сутулых грязных чу-ха, одетых в ужасающее тряпье. Причем окружили, уже не скрываясь за колоннами и мусорными кучами, а стоя в полный рост и подрагивая от возбуждения и медленно тающего страха.

[1] Мифологическое определение суррогатного сознания.

praeteritum

Пустыня смеется над календарями: мой небрежный счет дням почти потерян. Кажется, с момента спасения странного безволосого выродка, удачно совпавшего с его пленением, проходит чуть меньше двух недель. Сам он все еще не в себе, чтобы поручиться за оценку сроков…

Стиб-Уиирта продолжают кочевать. Идут весь день, вечером разбивая временный лагерь, а на рассвете продолжают бессмысленное путешествие.

Они называют себя чу-ха-хойя и говорят на языке, который я неожиданно понимаю, причем все лучше и лучше. И даже начинаю предполагать, что это мой родной язык, просто забытый, и теперь возвращенный.

В остальном я продолжаю терять последние крупицы того, с чем не способен совладать помутневший разум. Полупроводник, танкер, поэзия, молекула, дворянство, кукуруза, противовоздушная оборона, оптоволокно, пантеон, журналистика, медуза, стволовые клетки, демократия и абстракционизм теряют для меня всякий смысл; становятся мыслительными миражами и с незаметной грацией подменяются новыми образами…

Цепочка бродяг неспешно идет мимо занесенных песками разрушенных построек из старого выщербленного бетона. Мимо гигантских металлических конструкций, врытых в песок дисков и колец, железных каркасов и обломков, знакомых смутно, слишком недостаточно для полноценных воспоминаний о моем прошлом или настоящем.

Такие места стая предусмотрительно обходит стороной. Старухи шепчут, что внутри царит боль, которой управляют мелочные капризные духи, а их лучше не тревожить.

В некоторые руины кочевники все же суются, всякий раз отряжая неизменную троицу бегунов. Разведчики Стиб-Уиирта выглядят поджарыми, быстрыми и крепкими, но их вытянутые морды как одна покрыты крохотными язвами — поцелуями Бансури. Именно эти трое раз за разом исчезают в ведущих под землю тоннелях, провалах и полуобвалившихся шахтах, время от времени возвращаясь с добычей из легкого листового железа, самоцветов или даже драгоценных металлов.

Так тянутся бесконечные, наполненные тягостями переходов дни, и пустыня смеется над календарями.

Однажды мы натыкаемся на другое племя, чуть превосходящее Стиб-Уиирта числом. Чужаки тоже замотаны в балахоны, но ткань их выкрашена в иной оттенок. Пока две стаи ожидают на

барханах, разделенные сотней шагов, старейшины обоих караванов сходятся в центральной низине и долго приветствуют друг друга странными ритуалами.

Затем они пьют воду из общей чаши. Долго, обстоятельно и чинно торгуясь, обмениваются припасами: вялеными тушками подстреленных в пустыне зверьков и птиц, шкурами и украшениями.

Затем племена расходятся, но в арьергарде Стиб-Уиирта надолго остаются почти все воины, до самой стоянки прикрывающие тыл, будто опасаясь нападения в спину…

А два дня назад мы встаем на длительную стоянку у оазиса, на вытоптанном предшественниками пятаке у треугольного пруда, в котором даже водится сверкающая рыба. К небу вспучиваются купольные шатры, во все стороны отправляются дозоры.

День за днем я изучаю своих новых хозяев. Слушаю, вникаю, пытаюсь подражать.

Меня ошеломляет врожденное умение кочевников гармонично сосуществовать с пустыней. Любую свободную минуту я провожу, тихонько наблюдая за популярной детской игрой, в которой писклявая малышня зашептывает сусликов и змей, своих самых ненавистных врагов.

Ловко играя тоном, юные пустынники бормочут захваченным врасплох животным нелепые ритмичные стишки. Эти нехитрые считалки, к моему потрясению, заставляют зверье, пусть даже всего на несколько минут, выполнять простейшие приказы и даже драться между собой…

А еще я понимаю, что чу-ха-хойя не так примитивны, как кажутся на первый взгляд. Среди сокровищ племени имеются специальные электронные водосборники, похожие на складные цветки. Их пластины сделаны из тонкого легкого сплава, и когда во время перехода каждая семья стаи разворачивает такой на ночь, к утру караван получает несколько литров свежей воды.

Еще у них есть зеркальные солнечные накопители, с помощью которых крысолюди заряжают батареи прочих устройств, которых меньше. Главными среди них являются электронные карты, которыми владеют старейшины, не очень точные и барахлящие, но незаменимые в этом бесконечном походе. И специальные зажигательные устройства, которыми чу-ха-хойя разводят костры, вместо топлива используя собственное дерьмо, кости животных и собранные в пути ветки колючего кустарника.

Деньги, что странно, у кочевников тоже есть. Но Джу-бир-Амрат говорит, что проклятая бумага годится только для не менее проклятых городов, где странники время от времени покупают специи, свежие батареи и фильтры, ножи, ножницы и

прочий бытовой скарб, лекарства, алкоголь, серебряные кольца и серьги, а еще фанга и баллоны с газом для буар-хитт.

Это кажется странным, но у чу-ха-хойя нет хвостов. Более того, если в племени рождается хвостатый ребенок, его купируют еще в первые дни. Также во всем лагере не находится ни одного зеркала, посуду запрещено натирать до блеска, а потому я до сих пор не представляю, как выгляжу со стороны.

Первым же вечером на стационарной стоянке пытаюсь всмотреться в стоячую гладь пруда, но молодые самки с шипением гонят меня от воды; они предупреждают, что так я могу вызвать злых духов или накликать на стаю неудачу.

В остальном мои пленители почти не религиозны. Их шепотки и долгие взгляды на небо едва ли можно счесть молитвами, и лишь иногда старейшины собираются в тесный круг, где бросают граненые гадательные камешки…

Джу-бир-Амрат внимательно следит за мной, и днем, и по ночам, когда я притворяюсь спящим. Как становится понятно почти сразу, мой спаситель и хозяин является одним из самых опытных воинов и охотников племени, почти готовым стать старейшиной. Его уважают, и пусть слово Амрата на советах не последнее, к нему прислушиваются даже старики.

Причудливый прозрачный костюм окончательно сходит с моей кожи, рассыпавшись по воздуху тонкими сухими лепестками. Рубцы на висках собираются повторить его побег.

Они оказываются вовсе не застарелыми шрамами, а двумя круглыми нашлепками из незнакомого материала, напоминающего мою собственную кожу. Внутри дисков будто скрыта упругая мембрана, а к вискам они крепятся на сотни крохотных иголок с крючками на концах. Несмотря на плотность сцепления, сейчас они начинают отваливаться от пыли и пота.

Джу-бир-Амрат замечает это и даже предлагает мне короткий черный нож, глянцевый и неровный, словно выточенный из вулканического стекла. Дерни, говорит он, и обрежь. Но стоит мне потянуть за отлепившийся край, как голову пронзает резкая боль, и я оставляю попытку. Амрат смеется над моей нерешительностью, сравнивает с трусливым ребенком, но не настаивает.

Судя по всему, в обществе Стиб-Уиирта я остаюсь кем-то вроде ручного зверька. К удивлению всех, и даже старейшин, весьма понятливым зверьком. И даже пытающимся говорить.

Взрослые чу-ха-хойя охают в умилении, стоит мне взять в руки чайник, или ведро, или попробовать заштопать дырку на старом коричневом балахоне, который подарил Амрат. Дети злобно пищат и дразнятся.

Окружающие меня существа будто бы не верят, что такое убогое создание, как я — безволосое, отталкивающее, страшное лицом, но смутно напоминающее самих чу-ха-хойя, — вообще способно к осмысленным действиям.

А я продолжаю терять невидимые нити, связывавшие меня с прошлым. Образы и смыслы таких понятий, как латекс, абсент, метрополитен, арбалет, вакуум, небоскреб, микропроцессор, героин, потребительская корзина, канализация, сингулярность, аппендицит, фотон или сейсмограф кажутся мне сказочными; будто бы выдуманными сказителем с крепкой фантазией, хотя меня не покидает ощущение, что некоторые из понятий просто сменили имена и остались жить в моей голове по поддельным документам.

Убедившись, что я умею не только смешно стонать от брошенных в меня детьми камней, меня заставляют работать на подхвате у самок. Поэтому каждый день я усердно драю песком медную посуду, исправно хожу за водой, по мере сил помогаю чинить волокуши и латать дыры в кожаных шатрах.

Не могу сказать, что меня кормят от пуза, но и голодать не дают. И пусть еду в семье Амрата я получаю последним, ни разу не обделяют.

Любопытный уважаемый воин даже дает мне кличку: теперь желтошкурые кочевники в насмешку называют меня Ланс, что на их диалекте значит «бегущий».

Каждый день до зубной боли похож на прожитый, и я перестаю вести им счет. Пустыня смеется над календарями, сжигая страницы на бледном раскаленном песке.

Стоянка у треугольного пруда длится больше недели, но племя наслаждается прохладой и обилием питьевой воды, не спеша двигаться дальше.

Я узнаю все больше про чу-ха-хойя и их мир, который именуют Тиамом.

Джу-бир-Амрат отнюдь не болтун, но иногда становится чуточку добрее и отвечает на мои вопросы. Скаля раскрашенные клановыми узорами зубы, он от души смеется над их глупостью и неказистой грамматикой бледношкурого, но все же рассказывает. Про большую воду на западе от большого песка. И про крупные города, в которых живут неразумные сородичи чу-ха-хойя. И про ближайший их них, что лежит во многих переходах на юг…

А еще он пытается вызнать про меня и прошлое, но мне нечем порадовать зубастого хозяина. Убедившись, что не добьется правды ни лаской, ни угрозами, ни побоями, Амрат оставляет меня в покое. Однако, в отличие от соплеменников, продолжает наблюдать, причем с интересом и азартом, будто видя нечто,

скрытое от других.

Однажды вечером, перебрав с хмельным напитком, он уводит меня от стоянки. И берет буар-хитту, отчего мои колени подгибаются, а руки начинают дрожать.

Заметив и унюхав страх, Амрат смеется и грозит утащить меня на веревке. Его смеху вторят злые дети, пытающиеся покусать мне ноги. Я собираю в кулак остатки мужества и выхожу из шатра — если бы чу-ха-хойя хотели меня убить, не стали бы спасать, верно?

Мы снова идем в пустыню, на этот раз вдвоем. Отходим от оазиса не меньше тысячи шагов, и подвыпивший Джу-бир-Амрат внезапно учит меня стрелять. Вероятно, намеревается немало позабавить себя зрелищем неловкого зверька, но…

Оружие кочевника оказывается тяжелым, громоздким и неудобным, особенно для моих рук. Но, несмотря на заливистый писклявый смех, хозяин буар-хитты все равно не уходит из-за моей спины, а его покрытая шрамами лапа лежит на рукояти изогнутого ножа. Я не совершаю глупостей — даже пристрели я спасителя, в пустыне найду лишь собственный смертный приговор…

Послушно выполняю приказы. На потеху отважному воину учусь заряжать фанга, запирать узкую камеру, подавать газ и неловко целиться в круг, нарисованный на песчаном склоне в паре десятков шагов.

Когда Амрат заканчивает пояснять, он со смехом дозволяет мне выпустить сразу три драгоценные фанга. С его разумения они все равно окупят предстоящее веселье. Я стреляю, перезаряжаю и стреляю снова.

В мишень попадают два заряда из трех, почти в центр. После этого морда Джу-бир-Амрата мрачнеет, уши прижимаются, усы топорщатся, а брови гневно сходятся на седеющей переносице. Чу-ха-хойя торопливо отбирает у меня оружие, и с негодующим шипением гонит обратно в лагерь.

Глава 8. ПОДАРОК ПОКОЙНИКА

Благодетельная Когане Но, до чего же они были грязными! Да что там! Мои чудесные портянки, насквозь промокшие от бесконечной беготни, сейчас пахли куда лучше, чем эти цеховые обитатели.

Умные объективы «Сачирато» позволяли разглядеть покрытые язвами морды, шелушащуюся кожу лап, покрытые струпьями хвосты и здоровенные бреши на местах выпавших зубов.

Вокруг нас с Симайной собралось настоящее отребье Юдайна-Сити, которое не терпят не только в любом благопристойном районе, но даже в трущобных окраинах, и силой загоняют в подвалы Нижнего Города. Или, как оказалось, в Две Мельницы, куда уже много лет не ступала лапа жителя благопристойного района…

Выродки заброшенного цеха не разговаривали между собой, довольствуясь короткими шепотками и писком. Их тощие хвосты волочились по пыли, обломанные когти судорожно сжимались. Чу-ха вызывали ужас и жалость, при этом в полной мере олицетворяя весь Юдайна-Сити — яркий и мудрый в неоновом свете рекламы, но вечно голодный и безжалостный при тусклом мерцании звезд.

Они были плотью от плоти города, его воплощением и родными детьми, без скромности и стыда отринувшими воспитание, законы, нормы этики и морали, экономику и достижения науки. Брезгливо глядя в гнойные глаза оборванцев, я вдруг осознал, что смотрю в еще одну личину нашего славного гнезда. Причем, возможно, в самое что ни на есть настоящее лицо, наконец-то сбросившее маску…

Браконьеры беспрерывно облизывались и подслеповато рассматривали чужаков. Облезлые носы ежесекундно дергались и морщились, не в состоянии разгадать, что за запахи исходят от бледнокожего манкса и его спутницы.

Как обычно перед заварушкой, у меня промелькнула совершенно нелепая и несвоевременная мысль — интересно, а чем вообще пахнет кукуга? Искусственным по**т**ом? Стерильностью? А быть может, все еще Гладким?

Но погадать над идиотскими загадками мне тоже не позволили — отребье медленно двинулось к фаэтону.

— Лучше бы вам оставаться на своих местах! — выкрикнул я, причем до того резко и пронзительно, что напугался сам.

Вздрогнула и цепь чу-ха. Обменявшись взглядами и немного потоптавшись на месте, выродки снова двинулись вперед —

настороженные, прижимающиеся к бетонной пыли, торопливо проживающие последние секунды боязливой нерешительности.

— Стоять, я сказал! — В моей руке оказался «Молот», и я повертелся, демонстрируя оружие всему цеху. — Давайте вместе избежим проблем, сисадда?! Поэтому мы с подругой просто сядем в…

Продолжая обмениваться таинственными шепотками, неприкасаемые медленно приближались, будто не заметив взведенного башера. «Сачирато» услужливо подсказали, что ближайшего уродца и фаэтон разделяют не больше дюжины метров.

Выстрел в воздух прозвучал звонко и торжественно. Чу-ха разом вздрогнули, замерли и припали еще ниже к полу. Чтобы уже через миг вновь двинуться к нам…

«Сачирато» выдал экстренное предупреждение. Я уклонился, отчего брошенный камень угодил в левое плечо, а не голову. Сустав онемел, трицепс пронзило иглой, я резко крутанулся на пятках и отступил к открытой двери фаэтона.

— Симайна, внутрь!

И снова выстрелил. В нижнюю лапу ближайшего, не желая убивать. Впрочем, чего врать?! В глубине души я надеялся, что его соседи просто накинутся на раненого во вполне плотоядном порыве, и дадут нам время спокойно уйти, верно?

По заднему крылу «Барру» с жестяным грохотом ударил еще один камень. Бетонный обломок врезался в заднее правое окно, хрустко треснувшее. Два снова полетели в меня, заставив пригнуться.

— Как будет угодно господину Лансу, — расслышал я из-за спины.

После чего Симайна молниеносно втекла в салон и закрыла дверь.

Увернувшись от куска железной трубы, просвистевшей в считанных сантиметрах от моей головы, я стиснул зубы и начал стрелять…

Позже пересчитав оставшиеся фанга, я узнал, что «Молот» отплевался семь раз. Заряды разрывали плоть, ломали кости, роняли и отшвыривали тела. Память услужливо подсказала, что бил я на поражение…

Массовый отстрел ублюдков, увы, нужного эффекта не произвел. И пусть вокруг фаэтона с воплями и хрипом рухнуло несколько тварей, остальные перешли на стремительный бег.

Юркнув за руль, я успел захлопнуть дверь за мгновение до того, как в нее на полной скорости врезалась взрослая самка. Липкая пена с крупных почерневших резцов оставила на

поднятом стекле зигзагообразные разводы. Я зажал башер между коленями и торопливо включил двигатель.

Уцелевшие после пальбы навалились на «Барру», бездумно царапая корпус и пытаясь выдавить треснувшее стекло. Пристегнувшись, я заставил фаэтон резко крутануться на месте, с глухим стуком расшвыряв еще несколько тел. Нацелившись на ворота, юродивый транспорт «Бритых хвостов» взвыл стареньким электромотором и рванул вперед, по пути перемолов еще одного подвернувшегося святотатца.

На бархане в воротах нас подкинуло, весьма тяжко приложило о бетонный плац снаружи, и на несколько секунд я даже испугался, что фаэтон сейчас заглохнет. Нет, не заглох. Да и я сразу решил, что вовсе не испугался, вот еще!

Вывернув руль, врубил предельную мощность и бросил «Барру» вдоль стены цеха, откуда мы с Симайной и прибыли. За кормой яростно выли обитатели Двух Мельниц, вслед нам летели трубы и обломки бетона…

Скорость я сбросил лишь у подножья холма, вкатившись в «нормальный» Колберг. Шумно втянул воздух, на этот раз даже не заметив едкой вони салона, дрожащими пальцами поставил башер на предохранитель и спрятал в кобуру. Стянул очки на грудь.

Симайна, глядя перед собой, была деликатно молчалива, будто мы не спасались от спятивших дикарей Юдайна-Сити, а принимали участие в торжественном кортеже.

Восстанавливая дыхание, я ехал по магистрали Большого Забега и думал о том, что вечером парой пиал паймы не обойдусь.

Что теперь делать с девиантом?

Высадить у ближайшего патруля и отдать тетронам? А может быть, вернуть Лоло, чтобы разбиралась сама? Или вручить Подверни Штанину и пусть горемыка вершит собственный суд? Или вовсе отпустить?

Но я не был «полосатой рубашкой». И Заботливая Лоло меня не нанимала. А второе дело, назначенное «Желтыми котелками», начинало подгорать и неприятно пахнуть.

Сворачивая в Колберг, я почти решил, что наиболее правильным и незаинтересованным решением будет высадка Симайны возле уютного дома. Почти сразу вспомнив неприятное напутствие Сакаги, я снова поменял курс. Байши…

Фаэтон въехал в окраины Бонжура, но я не спешил поднимать транспорт под улицами. Катил медленно, почти не сигналя вездесущим гендоистам, и задумчиво поглаживал под перчаткой простенькое колечко Аммы.

Мне не хотелось этого признавать, но перестрелка в цеху химического завода напугала меня куда больше, чем драка с «Бритыми хвостами». Потому что второе было неизбежным следствием уличной работы, а первое демонстрировало неотвратимость постоянной угрозы большого города, способного в любой момент ударить своего обитателя. Там, на задворках Колберга, я столкнулся с дикой бездумной силой, совсем не похожей на примитивную простоту кочевников-манксов…

Не меньше пугало, что после расстрела чу-ха, промышлявших охотой на заблудших собратьев, я не испытывал ни малейшего угрызения совести…

Дождь взял перерыв, но тучи над городом обещали второй акт. Справа и слева от нас теперь возвышались коробки многоуровневых гидропонных ферм. Над улицей проплыл ветростат, сияющий рекламой ближайшего матча по штормболу. Тишина в «Барру» казалась страшнее вони.

— Так что Гладкий додумался тебе подарить? — спросил я, уже не в силах переносить молчание.

Симайна повернулась. Затем подняла глаза к потолку в запрограммированной романтической задумчивости и негромко ответила:

— Прекрасное украшение, господин Ланс, причину моего душевного беспокойства.

Сердце екнуло. Я сбавил скорость, чуть не намазав на задний бампер двух замешкавшихся наездников на гендо. Не обращая внимания на брань и удары по крыше фаэтона, свернул к обочине и медленно направил ржавое корыто вдоль забитого чу-ха тротуара.

— Вийо?

Приятное тянущее чувство появилось в груди, расползаясь по плечам и животу. На загривке приподнялись волоски, и я искренне загадал, чтобы соблазнительно-тревожные ожидания оказались не напрасны…

— Старинное украшение, — так же охотно и спокойно произнесла Симайна, прикоснувшись к шее, — чья ценность измеряется не в рупиях, а в пламени души дарителя. Я буду помнить его до скончания отведенного мне времени…

п.1; г.8; ч.2

Я помотал головой. Свернул в переулок за аптечной лавкой, где можно было разжиться не только мазью от головной боли. Осмотрелся, не видно ли кого-то из «Детей», а затем припарковал «Барру» за здоровенными мусорными баками и заглушил мотор. Из воздуховодов отопительной системы аптечного подвала вырывались клубы пара, окутывая переулок почти непроглядным туманом.

По шее словно провели ледяным пальцем. Ощущая невероятную жажду, я приподнял рукав рубахи, активировал гаппи и поднес запястье к морде синтетической онсэн.

Несколько прикосновений к вытянутому экрану позволили открыть базовый каталог, пролистать нужные данные и вывести их на крохотный проектор «болтушки». Над моим предплечьем в воздухе повис объемный свето-струнный слепок безвкусного кулона с зеленым камнем внутри.

— Твой подарок, случаем, не был похож на это? — спросил я, пока отказываясь верить в такую невероятную удачу.

По бокам струились струйки пота. Как и в подвале паяльщиков, Симайне было достаточно одного росчерка когтями по моему обнаженному запястью. Когтями холеными, крупными, сконструированными на радость клиентам, которые любят почесанную в царапины спинку, а то и нечто пожестче…

Кукуга смотрела на кулон ровно секунду, после чего почтительно поклонилась мне, даже в тесноте продавленного кресла сохраняя заложенное создателями величие.

— И снова господин Ланс демонстрирует осведомленность, достойную мудрейшего из вистар, — сказала она.

Я молча выключил запястник, подался вперед и уперся лбом в холодный исцарапанный руль. Мысли вертелись и вопили, словно пассажиры рухнувшего транзитного вагона.

— Ты не ошиблась? — пробубнил я в подмышку, уже зная, что это невозможно — ошибиться способна только живая и мыслящая чу-ха, умеющая бессознательно подменить воспоминание образами прошлого или вовсе выдумать. — Значит, этот кулон подарил тебе Гладкий вчера ночью?

Вместо ответа Симайна только покачала головой. Господин Ланс фер Скичира не ошибся нигде. Разве что, быть может, в работе, которую выбрал, посчитав, что «низкий писк» принесет денег и сохранит здоровья больше, чем участие в налетах «Детей заполночи»…

— Это точно-точно он?

— Господин Ланс играет со мной в какую-то игру?

— Твою же мать, Симайна! — глухо расхохотался я, снова откидываясь на влажно-липкую спинку сиденья.

А затем разразился длинной тирадой, процентов на девяносто состоящей из ругательств и междометий.

— Господин Ланс недоволен Симайной? — искренне напугалась синтет.

— Ох… Помолчи.

Чиркая ногтем по экрану, я принялся листать досье, полученное от Перстней. Копнул чуть глубже, раскрывая информацию на подельников Псины. Без малейшего удивления обнаружил там собранную на улицах историю Лепестка Кринго, а следом — тихони Гладкого из семейства Мисмис. Мертвого романтичного крысеныша, о котором так убивается мамаша; того самого, что вчера вечером без угрызений совести выставлял домик несговорчивого антиквара.

Удача была при мне! Остается лишь забрать кулон, в случае несговорчивости жрицы любви обменяв его на собственное молчание. Подумать только, все это время побрякушка могла находиться со мной в одном фаэтоне!

Я бросил невольный взгляд на карманы черного платья. Над переулком мигнул изумрудный прожектор ветростата. Одновременно с ним в моем сознании мелькнула мысль. Которая напрочь убила все упоение триумфа…

— Погоди-ка, — я с опаской покосился на Симайну, — ты сказала, что сбой случился, когда ты просканировала кулон и вышла в Мицелиум, чтобы узнать про полученную драгоценность чуть больше?

— Для меня честь подтвердить слова господина Ланса, когда они в точности отражают мои собственные убеждения, — с легкой заминкой ответила кукла.

Глаза ее вдруг снова зарябили, и я догадался, что непростое синтетическое желе в голове онсэн заново «переживает» ужас от погружения в невидимый мир Мицелиума.

— Симайна, — позвал я, не позволяя кошмарам минувшей ночи повторно навредить хрупким (как оказалось) мозгам нерожденной. — Дело в том, что сейчас мне очень нужна эта вещь. Ты можешь отдать мне украшение? Или продать, сисадда? Уверен, я предложу тебе достойную цену.

Мое дыхание замерло. Стало так тихо, что мы оба услышали шипение пара за бортом фаэтона. Странный мицелиумный эффект кулона, конечно же, настораживал, но сейчас казался вопросом даже не второй важности. Сейчас важно другое: ну, давай же, девочка! Сунь лапку в потайной карман юбки и вынь

мне эту романтическую безделушку! Умоляю!

Но Симайна только вновь изобразила печальный вздох:

— В нужде находясь, приходится идти на жертвы и расставаться даже с самыми любимыми вещами… — сказала она нараспев, наверняка процитировав один из заложенных манджафоко трактатов, призванных ублажать слух требовательного клиента.

— Ты его скинула… — только и смог прошептать я. — Уже продала, верно? Чтобы найти денег на паяльщиков, способных спасти тебя от слежки…

На этот раз кукла осталась молчалива и неподвижна.

Да и не требовалось никакого ответа. Потирая лоб, я заставил себя успокоиться. Ничего страшного… напротив — это вовсе не поражение, это победа! Потому что без куклы на соседнем сиденье я бы уже все ноги до коленей стер, выискивая по мешочникам западного Юдайна-Сити эту дрянную поделку!

— Симайна, послушай меня внимательно, — стараясь не выдавать волнения, сказал я, через лобовое стекло фаэтона изучая клубы белого пара в переулке. — Откровенность за откровенность. Ты мне и правда помогла. Так что уговор есть уговор. Я отпущу тебя, никаких тетронов или манджафоко. С одним условием, ты уж прости: наш разговор, пусть частично, будет передан моему заказчику…

Она наблюдала с неживым бесстрастием.

— Я вынужден так поступить, это часть моего кодекса, — продолжил я, внимательно наблюдая за реакцией и вспоминая, сколько фанга осталось в полуразряженной кассете «Молота».

Безусловно, подобный торг было бы предпочтительнее вести не в тесном салоне «Барру», а на безопасной дистанции, где я хотя бы успевал выхватить башер…

— Ты ведь не станешь глупить по этому поводу?

Симайна кивнула, медленно и уверенно. Не спеша доверяться ей, я изучал позу кукуга, ее расслабленные пальцы с черными когтями, и оценивал общую готовность нападать.

Тянулись секунды, но ничего не менялось.

Осторожно выпустив воздух сквозь сжатые зубы, я подумал, умеют ли синтеты быть благодарными или всего лишь находчиво реагируют на запрограммированные сценарии и раздражители? Впрочем, плевать…

— Но прежде чем мы расстанемся, Симайна, — осторожно продолжил я, как никогда сожалея, что мои таланты не распространяются на искусственных чу-ха, — расскажи, куда именно ты дела этот кулон?

Признаюсь честно, я не очень рассчитывал на ответ. В

глубине души и вовсе надеясь, чтобы этот разговор окончился как можно скорее и дал мне возможность собрать мысли в одну стаю.

В ботинках было сыро, нос забивали ароматы «Хвостов», рубашка липла к телу. К тому же на ноге пронзительно ныл синяк, а ушибленное камнем плечо разболелось в дуэте с гудящей головой. Мне хотелось домой, в безопасную нору «Угля», хотелось паймы, лапши, спать или сонно болтать с подвыпившими Пикири и Ганконой.

К моему удивлению, Симайна ответила.

Впрочем, не сразу. Приоткрыв рот в имитации растерянности, она «задумчиво» пожевала губу и сделала неопределенный жест. И я не сразу осознал, что даже если кукла и хотела помочь, то просто не могла, потому что все ее познания о географии Юдайна-Сити ограничивались цехом сборки, слепой доставкой в уютный дом и хаотичным перемещением во время недавнего бегства.

Но она заговорила, причем пугающе чужим голосом, определенно воспроизводя подслушанное на службе у Заботливой Лоло:

— В «Киноварь» тебе нужно, пунчи, — произнесла Симайна хриплым мужским баском, — второй ярус, братишка, там Зоркого Куирколя найдешь, он вопросов не задает. Сисадда? Я слышал, парни ему и не такое вонючее дерьмо сливали, брал с охоткой…

— Отлично, Симайна, ты молодец! — поддержал ее я, хотя совершенно не оценивал ситуацию на «отлично». — Ты продала украшение, чтобы пополнить запасы денег на бегство?

— Щедрость господина Куирколя была художественно приукрашена его бывшими клиентами.

— Охотно верю. Как ты добралась до «Киновари»?

В ответ кукуга разродилась монотонным набором цифр и литер, в котором я не сразу распознал городские координаты. Снова открыв систему гаппи, я развернул свето-струнную карту гнезда и ввел данные с опорой на дом Черных Юбок.

Хмыкнул. Результаты откровенно разочаровали — система указала на старую тюремную больницу к северо-западу от города… Помассировав переносицу, я пораскинул мозгами, попробовал мыслить категориями кукуга и уловил-таки собственную ошибку. Ввел координаты заново, на этот раз указав отправной точкой «Слюдяной небесный мост», доминантный объект всего Юдайна-Сити.

Хмыкнул снова, на этот раз с довольной улыбкой: «Киноварь» оказалась старым торговым центром «Алый восход» на юго-восточном краешке Ишель-фава. Далековато от дома, к мешочникам этого района я бы обратился едва ли…

Наблюдая за моими действиями, Симайна изобразила улыбку и благодарно кивнула. Байши, до чего же легко было обмануться, глядя на ее «эмоции»!

— Ты мне очень помогла, девочка, — благодарно произнес я и осмелился прикоснуться к рукаву собственного пальто.

Синтет молчала и ждала. Оба понимали, что обмен тайнами завершен, и теперь наши пути разойдутся. Причем спешно, ибо я был вынужден не терять ни минуты. Еще раз медленно кивнув, Симайна первой открыла дверь и выбралась из фаэтона во влажные клубы пара.

Я прихватил рюкзак и последовал за ней.

Застыв перед капотом «Барру», кукуга терпеливо дождалась, пока я щедро опрыскал маслом водительское сиденье, панель управления и клавиатон угнанного транспорта. Клубы подвального пара надежно скрывали переулок от случайных взглядов с улицы.

— У господина Ланса не будет проблем, вызванных недостойным поведением неразумной Симайны? — едва слышно спросила та, когда я приблизился и вытер масляные пальцы о шею и запястье.

— Не переживай, детка! — Вот уж совершенно не ожидал, что так залихватски подмигну убийце Гладкого. — Ничего такого, с чем господин Ланс не справится.

И подумал, что было бы неплохо действительно отыскать в недрах верного рюкзака уверенность, с которой я врал беглой кукле…

— Что господин Ланс прикажет дальше?

— Попросит, Симайна, ты помнишь?

— О чем господин Ланс попросит?

— Отдай-ка мне пальто, — я натянуто рассмеялся, и кукуга тонкой вежливой улыбкой поддержала это нервное веселье.

Зажав рюкзак между ног и натягивая одежду:

— Теперь мы расстанемся, Симайна. Как и обещал, я тебе не судья, и дальше все зависит только от тебя…

Подтянул лямки, сунул руку в карман пальто и нащупал комок мятых рупий.

— Вот, возьми. Пригодится.

Кукуга послушно протянула пальцы и с удивлением пересчитала отданные мной деньги. Десять рупий, больше трети остатков от утреннего пополнения в бумажнике.

— О, господин Ланс! — с жаром прошептала Симайна и тут же вернула мне понимание о заложенной в синтетическое желе профессии: — Это так щедро с вашей стороны! Быть может, вы готовы вернуться на заднее сиденье этого фаэтона, где глупая

Симайна могла бы отплатить господину за…

— Симайна!

Все-таки кукуга были созданы очень умело, потому что онсэн мгновенно расшифровала интонации моего сдавленного вскрика и покорно осеклась. Поклонилась, причем низко и долго.

— Я искренне благодарю господина Ланса и желаю ему удачи! — прекрасно откалиброванным голосом сказала Симайна, раскрывая ладони в доброжелательном жесте. — Если господин Ланс пожелает, о нашей встрече не узнает никто. Даже госпожа Лоло, если ее неразумной служанке еще доведется встретить свою добросердечную хозяйку…

— Пожелает, — без промедлений откликнулся я, и обернулся, будто Лоло внезапно вошла в переулок. Байши, нервишки-то расшатались… — Но ты ведь помнишь, девочка, что я не смогу ответить молчанием?

— Я уважаю решение господина фер Скичира, — все тем же глубоким, но вежливо-отстраненным голосом признала кукуга. — Пусть будет легким его путь. Симайна может идти?

— Может…

И она зашагала прочь, осторожно переступая грязные лужи в истоптанных ритуальных туфлях, совсем не предназначенных для улицы; грациозно придерживая когтями широкую черную юбку и кончик хвоста; неотличимая от сотен тысяч других самок, ежедневно встречаемых мной на улицах обожаемого гнезда.

Клубы пара заретушировали ее силуэт, скрыли, и через несколько секунд я остался в переулке один.

Быть может, мне еще предстоит пожалеть о проявленном благородстве… но в условия контракта с Подверни Штанину не входило задержание того, кто причинил вред его сыну, а это значит, моя совесть чиста. Ну, или почти. Во всяком случае, точно станет немножечко чище после пары бутылок паймы…

Пинком захлопнув водительскую дверь фаэтона, я развернулся и пошел в противоположном направлении. Рой мыслей, дождавшийся тишины и относительного одиночества, тут же бросился в атаку, усилив и без того гадкую головную боль.

Что в остатке? Тихоня Гладкий входил в шайку, ограбившую антиквара. Но когда пришло время сдавать кассу, зажал самый неприметный, с его точки зрения, кулончик. Который, вероятно, был главной целью заказчика, но оказался дополнен списком ерунды, чтобы не надувать значимость одиночного украшения и не повышать стоимость заказа. Затем Гладкий совершил ошибку — украл жалкий кулон у подельников и подарил любимой онсэн. Узнали об этом Кринго и Псина? Скорее всего, нет…

Кулон нужен «Желтым котелкам». Но Термокружка

обмолвился, что Псину и его полудурков нанимали не они. А сами «Котелки», в свою очередь, трудятся (на этот раз «деликатно») над поисками для представителя из «Диктата». Который, судя по всему, и заказал ограбление.

Яри-яри… Мощно. Но не моего ума дело, если хочу еще хоть немного потоптать улицы Юдайна-Сити. Вопрос: почему «Котелки» сами не тряхнули Лепестка? Ответ: потому что кто-то умный этим утром выбил из нарика дерьмо на бетонных спиралях «Аркады», и теперь хмырь затаился…

Вокруг блистала огнями и шумела вечерняя улица, но я не спешил к станции транзита. Надев маску и очки, натянул капюшон и молча наблюдал за прохожими, взвешивая события уходящего дня.

Что случилось в уютном доме? Кукуга пробила кулон через Мицелиум, где ее и шарахнул странный сбой, превратив в мифического девианта. Такое возможно? Ответ на этот вопрос может дать Зикро, но болтовню с верным глабером придется отложить…

Затем Симайна сбежала, скинула кулон (и, наверняка, другие подарки клиентов), но по ее следу с какой-то стати пошли «Бритые хвосты». Не случайно же те оказались в «Нимнога паяим»? А может, их навел ушлый перекупщик из «Киновари»? И причем здесь братцы из «Уроборос», чьих чистильщиков я видел в доме Черных Юбок?

Могло быть так, что боевики «Хвостов» неофициально работали на Пыльного, и это Сакага направил отморозков по следу маяка? Тогда будет совсем неприятно, если он узнает, что я причастен к заварушке в Гариб-базаре… Хм… и за кукуга ли приходили Брукс и его дружки? Или за безделушкой, которую рассчитывали найти в черном кармане? Но почему тогда Пыльный вообще позволил синтету так далеко уйти?

Еще капелька странностей: по какой причине «Желтые котелки» сами не опросили Заботливую Лоло, в стенах которой праздновали успешное ограбление нанятые их заказчиком придурки? Не хотели перебегать дорогу Сакаге?

Нет, тогда бы в дом Юбок не пустили и меня, даже расценивая малозначительным пушечным мясом. Вероятно, тут все проще — не переживший «душевную беседу» Псина и правда не знал, где кутят его недавние подельники…

Но не могло ли все-таки сложиться так, что «Уроборос-гуми» решили вступить в тайное противостояние с «Диктатом Колберга» и передать завуалированное предостережение? Что это Пыльный подстроил сбой и таким сложным путем устранил одного из поденщиков «Диктата»?

Тогда возвращаемся к вопросу — почему дал Симайне сбежать, а не спрятал или ликвидировал на месте? Знал ли вообще про заказ на антиквара, или вслепую бил по младшим фигурам? Да и зачем вообще было прибегать к столь сложной схеме, когда во все времена подобные сообщения отправлялись куда более примитивными, но не менее кровавыми способами?

Я поморщился. Предположение с заговором вокруг Гладкого казалось… слишком мелочным для такой уважаемой организации, как «Уроборос-гуми». Наверное, я снова усложняю… Скорее всего, могучая казоку из центра и правда опекает дом Лоло, и в обычном рабочем режиме поспешило скрыть следы необъяснимого ночного происшествия, чтобы не привлекать внимание «Голубого Лотоса».

Я вздохнул и погладил под перчаткой кольцо.

Меня. Это. Не. Касалось.

И точка.

Значит, пришла пора вернуться к началу — дело Гладкого почти закрыто. Я не только нашел парнишку, но и выяснил причину его гибели. Во всяком случае, если верить Симайне…

Второе дело тоже сдвинулось с мертвой точки, благодаря счастливому (надеюсь) стечению обстоятельств. И пусть кулон оказался непростым и заставлял мозги кукуга кипеть, словно суп, я выполню свою работу, найду безделушку и отдам Перстням. Взамен на деньги, естественно.

А это значило, что нужно еще на какое-то время забыть про мокрые портянки и боль от побоев, собрать силы и двинуть в Задворки, в комплекс «Алый рассвет», среди уличной швали известный, как «Киноварь». В жалкий узкий овраг на окраине Ишель-фава, где в десятиэтажках из говна и палок живут работяги, обеспечивающие Колберг и прилегающие территории дешевой рабочей силой. Увы, это неблизко и даже не граничит с Под-Глянцем, но Симайна просто не знала других перекупов, кроме как некий Куирколь из подслушанного разговора.

Вынув полегчавшую флягу, я приподнял маску и одним глотком прикончил остатки паймы. Охнул и занюхал рукавом, все еще носящим смесь парфюма кукуга и едкой гари из фаэтонного салона.

Карта подсказала, что до Задворок я доберусь на транзите — две станции на север, пересадка, и одна на запад. Значит, крутанусь еще до того, как на улицы выйдут ночные патрули тетронов. И буду надеяться, что беглая онсэн больше никому не успела рассказать про свою продажу. И не наследила…

Отлепившись от аптечной стены, я поддернул рюкзак и зашагал к ближайшей станции сквозного транзита. Гендо

непрерывно сигналили, пешеходы шипели и бранились, над головами с гудением проносились фаэтоны.

Мелькнула мысль, не связаться ли с Нискиричем и не запросить ли поддержку? Уверен, старик будет рад послушать свежие сплетни про казоку всегородского масштаба… Но я тут же отмел идею, как глупую и пустую. Прорвусь, не впервой! И без всякой помощи «Детей». А сомнительными новостями и домыслами всегда успею поделиться позже.

Однако, как говорят старики, «помяни демона — запирай двери», всерьез считая, что мысль материальна. Вот и моя, видимо, молнией рванулась над бурлящим гнездом, донеслась до Бонжура, где угодила в точности в седеющее ухо грозного отчима. Потому уже через полсотни шагов он сам дал о себе знать…

Глава 9. ВОДА ПОДСТУПАЕТ

Запястная «болтушка» ожила на подходе к транзитной станции «Пепелище». С непрошенным раздражением прочитав на дисплее имя вызывающего, я вздохнул и начал искать укромное место для разговора. Когда меня тревожит беспокойная Сапфир, это одно, но когда приходит сигнал от Нискирича… такие вызовы не сбрасывают и не оставляют якобы незамеченными.

Переступая через змеящиеся под ногами хвосты пешеходов, я отступил в узкую щель между торговыми палатками с пользованными консолями для нор и фаэтонов. Убедившись, что никому не мешаю, подтянул рукав пальто еще сильнее, задрал очки, поднял запястье к лицу и ответил.

Над гаппи тут же появился свето-струнный слепок главы «Детей заполночи» — здоровенного немолодого чу-ха с вытянутой мордой и неоднократно ломаным носом.

Нискирич фер Скичира был настоящим породистым пасюком с угольно-черной шерстью и длинными вытянутыми ушами, а шрамы на его теле и голове недвусмысленно указывали, какими путем и средствами он добился своего места в жизни. Левый глаз моего покровителя слегка косил, поэтому в камеру гаппи тот смотрел чуть искоса, словно отвлекаясь на что-то за кадром.

— Куо-куо, мой славный мальчуган! — Нискирич жизнерадостно оскалился, его протяжный бас знакомо завибрировал в моем заушном динамике. — Ты не голоден?!

Одевался он скромно, предпочитая очень плотную темно-синюю джинсу (родную сестру наждачной бумаги), из которой заказывал себе штаны, жилеты, рубашки и приталенные куртки. Наверное, даже пижамы и трусы, но это не точно.

Потертая от времени черно-желтая жилетка казоку-хетто выглядела произведением искусства — расшитая личными портными в мелкий геометрический узор, она была украшена одиноким металлическим значком, тусклым и исцарапанным.

Прочих украшений старший фер Скичира не носил вовсе, если не считать кольца с выпуклым символом судейского молотка, но его на толстом пальце черногривого чу-ха видели лишь на крупных собраниях организации.

В белых зубах Нискирича покачивался изжеванный огарок — в отличие от большинства обитателей Юдайна-Сити, старшее «Дитя» не жевал «бодрячок», а терпеливо вымачивал, раскатывал в тонкие листы, а затем скручивал в плотные трубки и уже эти оковалки поджигал. Вот и сейчас слепок был слегка замутненным от клубов серого дыма.

— Пусть будет добрым твой день, Нискирич, — улыбнулся я, надеясь, что вышло не шибко кисло.

— Парень! — тот крякнул и подался вперед, почти вплотную придвинув черный глаз к объективу. — Сколько раз я просил называть меня отцом?!

— Хорошо, отец. — Новая улыбка вышла еще более скомканной и пожухлой, но Скичира не заметил. Или сделал вид, что не заметил…

Откинулся на высокую спинку кресла, и по виду за спиной чу-ха я узнал его рабочий кабинет.

— Как дела, сынок?! — без докучливых реверансов начал он, и было очевидно, что это не просто вежливая форма речи. — Давай, поделись, как проходит денек? Все ли благополучно, все ли спокойно?

— День проходит чудесно. — Сохраняя терпение и стараясь не думать об утекающих минутах, ответил я. Смотрел при этом на шумную улицу, чтобы нашей беседе не помешал случайный зевака. — Я вымыл уши, клянусь. И про завтрак тоже не забыл.

— Все паясничаешь? — Нискирич прищурился и жадно затянулся пожеванным обрубком. — Завязывай, малой, ты же не ребенок!

— Ладно, прости… — Свободной рукой я почесал подбородок под маской и действительно испытал укол вины. — Непростой день, много работы. Но в остальном все в порядке. И ты отлично знаешь, до чего мне нравится, когда ты вот так издали заходишь, чтобы узнать что-то…

Внезапная догадка тревожно перехватила мое дыхание:

— У «Детей» что-то случилось?!

Заметив реакцию, Нискирич прищурился и навалился на рабочий стол, вновь заполняя кадр.

— Случилось? А это ты, Ланс, мне скажи.

И знакомо улыбнулся. Неторопливо и во все двадцать зубов, за которыми весьма ревностно ухаживал. На какое-то мгновение слепок над моим запястьем стал состоять сплошь из зубастой пасти, от вида которой, по слухам, многие доставленные на «беседу» к лидеру «Детей» залетные чу-ха теряли сознание.

Я же едва удержался от очередного вздоха. Дождался, когда глаз отца снова уставится в камеру гаппи, и очень сильно постарался изобразить неподдельное удивление.

— Отец, ты это о чем?

Теперь вздохнул Нискирич. Пожевывая толстую курилку, он одной лапой поглаживал отворот жилета, а пальцами второй медленно барабанил по столешнице. Мы оба молчали.

Где-то за кадром у «Детей заполночи» раздался хмельной

смех сразу нескольких чу-ха, в том числе самочек. В считанных метрах от меня шипела, ругалась и тренькала сигналами гендо полноводная вечерняя улица. По бледному лицу под капюшоном скользили неоновые отсветы реклам.

«Болтушка» очень своевременно просигналила о входящем сообщении с незнакомой ячейки Мицелиума. Незаметно подняв правую руку, я развернул текст на узком боковом дисплее, без малейшего удивления прочитав: *«Надеемся, ты не просаживаешь аванс в кабаках. Нарыл хоть что-то?»*.

Байши! Вот только вкрадчивого напоминания от «Котелков» мне и не хватало. Но грубо оборвать беседу со своим спасителем и покровителем я попросту не имел права, а потому безжалостно удалил послание Перстней и терпеливо ждал.

— Мальчик мой, — наконец нарушил молчание фер Скичира, — признай честно: ты угодил в неприятности?

— С чего ты взял?

Спросил я без промедления или заминки. Во-первых, потому что на самом деле хотел знать. Во-вторых, потому что этот вопрос Нискирич задавал мне регулярно, стоило лишь на несколько часов покинуть родной район. Но затем обладатель убогого манкса добавил такое, что сразу лишило убогого манкса иллюзий, что его вызов — лишь пустяк и «родительский» долг.

— Ты не хуже меня знаешь, как «Дети» получают информацию с улиц, — с укором наклонил голову Скичира-старший. — Причем не только о том, что происходит в Бонжуре…

Он знает о Гариб-базаре! И о спятившей Симайне! Или о поиске необычного кулона… Впрочем, с чего я взял? Настойчивое обаяние Нискирича раскалывало многих, но ведь я знал его не первый год, так с какой стати решил поддаться на эту простую уловку?

Поэтому, не меняясь в лице, я мягко, но уверенно прокомментировал:

— Со мной не случилось ничего такого, с чем я не смог бы справиться сам.

Скичиру мое самообладание порадовало, я видел это по обаятельной ухмылке старика. Однако же, так просто отставать он был не намерен.

— Скажи честно, пунчи, — тихо спросил чу-ха и бросил быстрый взгляд за пределы кадра, — в деле замешаны смирпы? Окраины начинают шептать, что Прислужники ищут какую-то кукуга. Со странностями вроде как. И не только они, кстати… И пусть сплетни пока напоминают байки подвыпивших дервишей, я не могу не уточнить.

Мое сердце пропустило удар. Но уже через мгновение я

заставил себя придушить панику — сохранить сегодняшние приключения в полной тайне от далеко не глупого Нискирича все равно представлялось нерешаемой задачей…

— Отец, — все также негромко и вкрадчиво сказал я, снова убедившись, что нас не подслушивают с улицы, — у меня правда привалило работы и пора бежать. Но я обещаю тебе, что мои действия никаким образом не навредят семье. И еще ты должен знать, что смирпы тут не при делах.

Вечер все активнее вступал в права. Все ярче и агрессивнее сияли рекламные растяжки, разноцветными шарами пульсировали в темном небе полые гондолы ветростатов, фары фаэтонов оставляли над шумными улицами хищные смазанные росчерки. Юдайна-Сити бурлил в привычном ритме и не обращал никакого внимания на крохотного манкса в капюшоне, забившегося между торговыми павильонами.

Какое-то время Нискирич оставался молчалив и сосредоточен. Пыхтя курилкой, взвешивал мои слова и внимательно изучал лицо, так непохожее на его собственное. Выпустив клуб дыма, он кивнул, словно соглашался поверить.

— Я могу помочь? — многозначительно спросил старший чуха нашей казоку, и снова погладил лацкан жилетки. — Где ты сейчас? На площади «Пепелища»? Если выждешь, отправлю тебе ребят…

— Нет, отец, благодарю, — я говорил это искренне, но все равно заставил Скичиру недоверчиво подвернуть голову. — Я почти закончил дело, на которое подрядился. Еще пара мелких телодвижений, и вернусь в Бонжур. Клянусь, сразу дам тебе знать.

Он снова замолчал, безжалостно воруя минуты и шансы. И когда я уже хотел вежливо оборвать разговор, придвинул к себе консоль и снова занял всю ширину объектива.

— Сынок, — доверительно пробасил он, не выпуская курилку из зубов, — ты должен знать, что приближается… нечто крупное. Ты мог что-то слышать об этом. А мог даже улавливать шкурой, в этом ты давно превзошел даже Ункац-Арана. Так вот я подтверждаю, Ланс, будет непогода. Мы способны и готовы возвыситься, как никогда раньше. Стать сильнее. Добиться еще большего уважения. Сисадда? Твои услуги, как понимаешь, несомненно понадобятся семье. И мне бы совсем не хотелось, чтобы по недоразумению ты влип в серьезные неприятности или наступил не на тот хвост…

Я куснул губу под маской.

Что ж, Нискирич всегда был откровенен со мной. Ну, почти всегда, но кто будет ворошить старое? И если Скичира-старший говорил о буре, стоило прикрыть окна… Но и сию секунду

вернуться в Бонжур я тоже права не имел. Хотя бы потому, что на пайму и потраченные фанга предпочитал зарабатывать сам…

— Ты хорошо знаешь, что я всегда готов помочь стае, — так же тихо ответил ему я. — По первому слову. Так будет и в этот раз. Но прямо сейчас связан наймом, а ты сам дозволил мне заколачивать рупии так, как я сам этого захочу. Отец, как только закончу, сразу буду в твоем распоряжении.

Он уставился в сторону. Польщенный моим стремлением помогать, но все же недовольный, я это видел. Однако накалять обстановку старик не стал. Кивнул, хмыкнул сквозь зажатую в зубах курилку, и пригладил черные седеющие волосы на шрамированном виске.

— Новостей точно нет? — спросил Нискирич совсем другим тоном, чуть более отстраненным и прохладным.

— Ничего такого, что нельзя рассказать по гаппи или скинуть тебе через «мицуху».

Я невольно поймал себя на мысли, что уже сейчас расстроен состоявшимся разговором. И собственным отказом от поддержки «Детей». И колкими домыслами чу-ха, требовавшего называть его отцом. Кажется, тот тоже ощущал нечто подобное…

— Как вернешься, сразу загляни ко мне. — Вместо прощания пробасил грозный Нискирич фер Скичира и лениво откинулся на спинку кресла. — Пропустим по пиалке и тогда побалуешь своего старика небылицами.

— Непременно.

— Амма передавала привет, — уже почти отключив связь, с точно выверенной театральностью спохватился чу-ха.

— Очень приятно, — честно сознался я, — ей тоже передавай.

— Поболтай, наконец, с сестрой, — Нискирич погрозил мне когтистым пальцем, — она скучает, ты же знаешь.

— Конечно, отец, — послушно кивнул я, — как только разгребу дела.

— Шагай в едином ритме с Когане и береги себя, сынок!

— Постараюсь.

Мускулистая лапа Нискирича протянулась к настольной консоли и оборвала соединение. Невесело вздохнув, я опустил затекшую руку, раскатал рукав пальто и вернул массивные «Сачирато» на переносицу.

Разговор оставил тяжелое впечатление и послевкусие, словно плохо перегнанная пайма. Несмотря на всю неоднозначность фигуры фер Скичиры-старшего, я хорошо относился к этому опасному, но обаятельному чу-ха. Да, при первой же возможности он беззастенчиво эксплуатировал умения своего «сына». Но именно этой старой хитрой крысе «сын» был обязан всем, что у

него было.

Нужно лишь потерпеть…

Когда я заполучу проклятый кулон и отдам безделушку в утяжеленные серебром пальцы Перстней, обязательно расскажу отчиму историю минувшего дня. Ну, может быть не всю. Может быть, с умелыми авторскими правками. Но он достоин знать о происходящем на улицах, особенно в свете неких запланированных авантюр…

Подходы к площади «Пепелище» охотно приняли меня в свои шумно-влажные объятья.

По диагонали через перекресток пятерка артистов показывала яркое представление, с фейерверками, свето-струнными изображениями на воздухе и скачками на пружинных ходулях вроде тех, что используют в своих набегах «Верткие прыгуны».

На краю транспортной развязки, пересекавшей каньон многоэтажек над моей головой, группа активистов устроила очередную акцию протеста, вывесив длинные полотнища, исписанные кровью.

Визгливо зазывали пассажиров гендорикши, в громкости с ними соревновались продавцы уличной еды и зазывалы букмекеров. Из открытых дверей лавки манджафоко валил сухой разноцветный дым, в котором угадывались очертания свежесобранных кукуга.

Рискованно обруливая неспешно парящие фаэтоны, над площадью гоняли наездники на пернатых досках, то и дело падая в длинный фонтан под оглушительно-визгливый хохот приятелей.

Убедившись, что не привлекаю лишнего внимания, я направился к станции транзита. Шел быстро, но осторожно, стараясь не толкать других пешеходов и намеренно игнорируя вездесущую брань, которой чу-ха просто упивались.

Выходит, до главы «Детей заполночи» все же дошли слухи о неприятностях на Гариб-базаре? И, несомненно, рассказы о том, что незадолго до заварушки там видели бледношкурого мутанта, каковым меня почитал весь Юдайна-Сити…

В вагоне транзитного состава, втиснувшись в самый дальний от входа и неприметный угол, я невесело размышлял о предстоящем разговоре с Нискиричем.

Вероятнее всего, он не одобрит драки с «Бритыми хвостами». И связи с «Желтыми котелками», за которыми тенью нависал не кто-то, а сам «Диктат», тоже… В таком случае мне останется хотя бы порадовать старика историей про романтичного домушника, синтета и кулон, так нелепо ускользнувший из-под носа моих действующих клиентов.

А вот на этом моменте, готов держать пари, Нискирич насупится и прочитает эмоциональную лекцию, что кулон (при всей его пустышечности) стоило сперва доставить «Детям». Потому что если он так важен уважаемым чу-ха из уважаемой казоку, то и цену за его поиски стоило бы надувать втрое. И когда я отвечу прожженному главарю, что это не мой стиль, он только расхохочется над наивностью терюнаши и упоенно запыхтит огрызком курилки.

Про Симайну Нискиричу тоже можно рассказать, пусть и не все. И, что многим важнее, про парней из «Уроборос-гуми», которых я встретил в уютном доме Черных Юбок. В свете приближающихся событий, если я верно увязывал хвосты, эта информация может оказаться для Скичиры-старшего весьма любопытной…

На станции «Восстания Правнуков» я поднялся на поверхность, нашел полутемный переулок и с удовольствием отлил. Послал в жопу сразу двоих толкачей, один из которых пытался расхлябанно впарить мне дозу «Разбега», а второй заговорщицки уведомил, что у него есть возможность недорого достать ворованной с ферм рыбы.

Хотелось жрать, паймы, снять ботинки, выспаться и снова глотнуть паймы. Но кулон «Котелкам» сам себя не доставит, а полученное с рассказом Симайны преимущество требовалось реализовать как можно скорее. Поэтому, не спеша покидать загаженный переулок, я замер в тени и внимательно изучил нужное мне здание.

Район, куда этим утром занесло беглую кукуга, благополучным и процветающим нельзя было назвать и десяток лет назад, а уж за прошедшее время он и вовсе съехал за разумный предел кизо-даридрата.

Здоровенный шестиэтажный молл через дорогу, занимающий площадь целого квартала, давно потерял вывеску «Алого восхода», больше половины окон, скромность и чистоту; впустил в себя сотни сквоттеров и местных торговцев, превратившись в очередное «гнездо в гнезде», каковых на окраинах Юдайна-Сити было вдосталь.

Узкие улочки спицами огромного колеса сходились к просторному пятаку подъезда; наплевав на правила движения воздушного транспорта, через них были перекинуты хлипкие мостки, по которым из здания в здание сновали деловитые и весьма подозрительные чу-ха. Иногда такой мосток сшибали крылом фаэтона, но, судя по неисчислимости конструкций, местные были готовы рисковать и дальше.

Широкие дверные проемы «Киновари» щерились

демонтированными створками, эстакады на стоянки для фаэтонов были забаррикадированы, стены покрывали многослойные граффити местных группировок и безродной шпаны.

«Киноварь» ежесекундно исторгала из себя потоки разномастных чу-ха, с такой же жадностью заглатывая новых гостей. Над овальной площадкой перед бывшим торговым центром стоял гул и непрерывный хохот подвыпивших компаний. Патрули тетронов не только не мешали вечернему веселью, но подчас и охотно принимали в нем участие.

Покинув сравнительно безопасный проулок, я перебрался через проезжую часть и направился к центральному входу.

Внутри, как и ожидалось, бывший «Восход» оказался столь же захламлен и изуродован, как и снаружи. Широкие холлы ничем не отличались от внешних улиц, встречая посетителей все теми же бочками с подожженными благовониями, убогими лачугами дервишей и вызывающе-разодетыми байши.

К моему удивлению верхнее освещение молла хоть и было прорежено пальбой и камнями, но все еще функционировало, наполняя переполненные «улицы» неверным желтоватым светом.

Под лапами «киноварцев» с визгом носились стаи тощих лысых псов. На месте когда-то вполне презентабельных магазинов теперь обосновались заведения попроще — грошовые рюмочные, татуировочные, клубы для игры в моннго, ночлежки и салоны для курения дайзу в иллюзиумных очках, арены для собачьих боев, дерьмовые закусочные и укрепленные лавки по перекупке краденого.

По залитым пластобетоном эскалаторам я поднялся на нужный этаж умирающего молла. Стараясь лишний раз не подавать голоса, успел раздраженно отмахнуться от пары грязных онсэн, очередного толкателя «карамели», мутного настройщика консолей, трех попрошаек и нагловатого, но непутевого глабера, какое-то время почти приклеившегося к моей спине в безуспешной попытке дистанционно взломать «болтушку» и поспешно отвалившего, только когда ему показали кобуру башера.

Не могу сказать, что меня совсем не узнавали. Кое-кто даже пялился вслед, кто-то шептал проклятья, кто-то когтем чертил на лбу охранные знаки. Однако открыто задираться никто не спешил — заметная под расстегнутым пальто жилетка «Детей» исправно делала свою работу, и я снова укорил себя за утаенное от Нискирича…

Перекупочная контора Куирколя оказалась ровно такой, как я себе и представлял — оккупировав помещения бывшей лавки по продаже зонтов и противокислотных плащей, она выставила в

зауженных проходах самодельные стены с мощными дверьми для посетителей, а витрины защитила толстыми решетками. Стекла за ними хоть и были целыми, но запылились и потерлись настолько, что едва позволяли рассмотреть разложенный на пластиковых коробках «товар».

Вывески ломбард не носил, а вместо нее на выступающем из стены самодельном флагштоке покачивался пустой мешок — известный символ перекупов гнезда.

Выбрав очередной наблюдательный пункт, столь же удобный, сколь укромный и лишенный валяющихся под ногами пьяных дервишей, я слился с тенями и принялся наблюдать.

Мимо бродили обитатели и посетители «Киновари» — мутные, размытые, неприглядные в своей жадности и подозрительности. Цокая массивными копытами по гладкому бетону пола, прошла тощая корова, за которой с пискливой песенкой увязалась стайка детишек. Им навстречу, воровато оглядываясь, пронеслись подростки постарше, определенно что-то стянувшие из лавки и улепетывающие от разгневанного торговца.

Затем в мое замечательное убежище попытались сунуться двое нервных чу-ха, со всей очевидностью привыкшие зарабатывать на дозу разбоем, но я с улыбкой показал им скрещенные пальцы и парочка поспешно ретировалась. Возможно, сыграла роль замеченная под пальто жилетка? А может быть, жулики просто были не очень дружелюбны?

Больше меня не тревожили, позволив без спешки разглядеть жалкую лавчонку Куирколя и трезво оценить шансы на благополучный вход-выход. Впрочем, в немалой степени наблюдению мешал и сам наблюдающий — моя одежда провоняла так, что не спасало даже ароматическое масло; болели нога и плечо, а портянки словно зацементировались.

Признаюсь как на духу: я ненавижу помятую и влажную одежду в конце тяжелого дня. В такие моменты я и сам ассоциирую себя с такой одеждой. Да что там? Сейчас я действительно представлял себя этой самой кучкой тряпья, мокрой от пота, вонючей и помятой…

Очки отправились в футляр. Затем я вынул из кобуры башер, выщелкнул фанга из ствола и заменил кассету. На Гариб-базаре вышло грязно… некрасиво и грязно, совсем не в привычном мне стиле. Поэтому, как бы ни поменялся ветер, убивать сегодня в мои планы больше не входило, а для нейтрализации особо ретивых сгодятся и специальные полые фанга с гелеобразным «сомотранком» внутри.

Еще раз оглядев коридор-улицу, подходы к лавке

перекупщика, спуски и подъемы на этаж и тканевые палатки с храпящими в них бедняками, я убедился, что не привлекаю лишнего внимания и зашагал к окованной металлом двери.

Взглянул в камеру наблюдения над входом, потянул на себя тяжелую створку и снова вспомнил старинную пословицу. Буквально ощутив, как грязная вода метафорической Ек-Вишаль-Кулхади-Утким-ек-Нишан подступает все выше и выше, грозя скрыть меня с головой.

"Ломкая горечь"

Куо-куо-куо, мои ушастенькие!

Честная Моноспектральная Чапати снова с вами, а значит снова настало время немилосердных новостей от «Ломкой горечи»! Раскрываем соседям правду, какой бы жестокой она не была. Не боимся, не скругляем углы, не меняем фактов.

Но чем же ты нас сегодня порадуешь, о, самая неподкупная прокламаторша Юдайна-Сити, спросите вы? Чапати ответит: вести мои дурны, господин, и с нижайшим поклоном я прошу дозволения исторгнуть их из своей недостойной пасти.

Ита-а-ак, мои внимательные, Чапати утверждает — началось! Вы подумаете, о чем это она? Окончательно спятила, сисадда? Ха-ха, да раньше пустынные манксы начнут отращивать хвосты, чем Моноспектральная потеряет дарованный Когане Но рассудок! А говорит ваша Чапати о том, что на улицах любимого, уютного, такого родного и незаменимого Бонжура начинаются полномасштабные боевые действия!

Но что заставляет тебя так считать, о, самая прозорливая мицелистка Юдайна-Сити, с придыханием спросите вы? Чапати ответит и на это: сегодня утром в нашем районе случились сразу два события, заставляющих Моноспектральную объявить открытой новую войну бандитских стай!

Начнем с того, что на въезде в Ишель-фав расстреляли фаэтон. Закончим тем, что одновременно с этим в «Комплеблоке-11/75» прогремел самый настоящий бой с применением тяжелых ленточных супрессоров. Ой, Чапати, и что же тут такого необычного, недоверчиво покривитесь вы?

Чапати объяснит.

Начнем с фаэтона. Угадаете, кто в нем ехал? Моноспектральная не будет мучить вас — там ехали «Дети заполночи». А когда от корпуса и его начинки осталось решето, фаэтон подожгли, но перед этим заботливо положили на крышу одинокую пружинную ходулю.

Ну, вы должны знать, что это за хрень, верно?! Такой имплантат облегченного вида, позволяющий не самым крепким чу-ха прыгать на два своих роста вверх. Именно такие штуки торжественно цепляют к нижним лапам члены казоку «Вертких прыгунов», да? Разуме-е-ется, ходуля оказалась на крыше расстрелянного фаэтона совершенно случайно…

Теперь про комплеблок.

Пока на севере ассолтеры неизвестных налетчиков безжалостно дырявили борт фаэтона, в котором сидели

подданные Нискирича Скичиры, на западе Бонжура группа отменно вооруженных боевиков ворвалась в «Комплеблок-11/75». Прошлась рейдом по нескольким норам, оперативно перебила всех найденных внутри и кое-что унесла с собой.

Ах, да, коне-е-ечно, мои любознательные, Чапати должна непременно добавить, что в этих упомянутых норах располагались мобильные цеха по разбавлению фабричного стриха безобидным дерьмом для увеличения объема и веса дозы. Да, кстати, именно запасы этого стриха нападавшие и унесли с собой. А еще улица поговаривает (и Моноспектральная не видит оснований не верить ей), что все выскобленные цеха контролировались «Детьми заполночи».

А теперь Чапати расскажет пару слов про нападавших. Потому что все наблюдавшие за рейдом в один голос утверждают, что это были вовсе не «Верткие прыгуны», а самые что ни на есть настоящие «Добродетельные Садовники»!

Да-да, мои сладенькие, Чапати отлично знает, что большинство из вас считает этот таинственный синдикат наемников обычной городской легендой. А их девиз «Цветок взойдет, когда сорняк лишится корня» — пугалкой смирпов, специально внедренной в небогатые районы для устрашения бандитских кланов.

Но Чапати поспешит вас расстроить: увы, «Ломкая горечь» гарантирует существование «Садовников», и при желании может даже раскрыть адреса двух штаб-квартир организации в Такакхане.

Солнечный свет эти милашки не жалуют, да. А потому почти не высовываются из Нижнего Города, регулярно пополняя свои ряды отбросами казоку и, едва ли не в первую очередь, отставными ракшак, у которых после службы в пустыне еще не спеклись мозги. Ну и офицерами кубба, конечно же. Они-то, спроси**т**е любого тетрона, в отставку выходят вовсе не полудурками, да еще и сохраняют вживленные на службе имплантаты.

Да, мои хвостатенькие, нас с детства учат, что змееголовые демоны-прислужники Бансури обитают в далеком подземном мире, где царят жара и боль. Но Чапати считает, что этот мир куда ближе, чем считали наши родители, и имя ему — Такакхана…

Так во-о-от, мои несравненные, вернемся в Бонжур: именно эти самые бравые «Садовники» появились в наших комплеблоках и за считанные минуты завернули хвосты сразу восьми чу-ха, неустанно трудящимся на благо Нискирича фер Скичиры. А в Ишель-фаве в те же минуты догорал фаэтон с еще тремя

«жилетками». И на их крыше лежала пружинная ходуля.

Говорит ли все рассказанное Моноспектральной Чапати, что управляющие «Верткими прыгунами» братец Риробури и сестрица Раромари наняли «Добродетельных Садовников» для мстительного точечного удара по «Детям заполночи»? Возможно… Но выводы Чапати предоставит делать вам, мои сладкие.

Говорит ли случившееся о том, что война подступила к Бонжуру, как никогда ранее за минувшие десять лет? И вот тут у Чапати нет никаких сомнений!

Помяните слова самой неподкупной прокламаторши Юдайна-Сити: если накал страстей между казоку продолжит набирать силу, то, когда бойня развернется в полную мощь, очередь в крематории гнезда придется занимать основательно загодя.

Всего доброго вам, мои внимательные!

Берегите себя и близких, приглядывайте за детьми, потому что сейчас самое время вспомнить невеселую старинную мудрость: «Огню плевать, чьи кости лизать», и обязательно слушайте самые оперативные и честные сводки «Ломкой горечи»!

Глава 10. СЛЕПОЙ ПЕРЕКУПЩИК

За порогом меня нежно обняла настоящая стена спертого воздуха, хотя по сравнению с корытом, на котором мы с Симайной покинули Гариб-базар, любые запахи отныне казались благоуханными ароматами.

Ярким световым пятном, привлекающим внимание еще с «улицы», оказалась неоновая вывеска «НОВЕЙШИЕ ЗАПЧАСТИ ГИ-ГИРО», тоже выставленная на продажу. Остальной свет давали потолочные лампы под железными кожухами, причем он оказался до того мертвенным и размытым, что я замешкался в коротких раздумьях, не зря ли спрятал «Сачирато». Но вынимать не стал и ограничился прищуром, позволявшим хоть отчасти привыкнуть к полумраку.

Помещение было квадратным, высоким, и когда-то очень просторным. Новые владельцы основательно его сузили, расставив по периметру зарешеченные витрины, но места все равно оставалось немало.

Решетками, кстати, оказались усилены не только шкафы или выводящие в «Киноварь» панорамные окна — защищая контору от подкопов, металлическая сетка также покрывала потолок и проглядывала под плитками пола, превращая лавку в глухую звериную клетку. «Болтушка» сразу просигнализировала о практически полной потере миц-сигнала…

Напротив двери растянулась длинная зарешеченная стойка, над которой нависал немолодой плечистый чу-ха, по всей видимости — сам Куирколь, с добротным протезом от локтя правой лапы, неспешный в жестах и движениях, посверкивающий ярко-белыми бельмами на миндалевидных глазах. Несмотря на почти полную слепоту, перекуп не пользовался имплантами зрения, что придавало ему вид загадочный и весьма мрачный.

Перед Куирколем на стойке стояли три картонных коробки с мелкими деталями. Глядя в пустоту просторной комнаты, чу-ха неспешно вынимал из первой одну, подносил к седому морщинистому носу, внимательно ощупывал тонкими пальцами здоровой лапы, а затем протирал тряпицей и по лишь ему понятному принципу откладывал во вторую или третью.

Слева от входа, в самом углу, обнаружился стол, за которым коротала время троица помощников перекупщика. Они же, со всей очевидностью, являлись охранниками злачного заведения. Охранниками крепкими, зубастыми, одетыми вполне прилично и очень удобно для внезапной драки.

Перед мордоворотами стояла початая бутылка дешевой

паймы, стаканы, невысокий кальян, несколько полупустых коробок с холодной лапшой и портативная консоль. Над столиком витал и полосками тумана расползался по всей лавке пряный дым слабенькой «карамели».

Двое охранников играли в моннго потертыми костяными дощечками. И даже на самый мимолетный взгляд награбастали себе в пулы такое количество фоловых фишек, что будут сидеть в обороне до нового пришествия Двоепервой Стаи.

Третий оказался босолапым натуралистом и пребывал в иллюзиумной отключке, спрятав морду под массивным обручем очков. Голова его сонно запрокинулась, нос подрагивал, из пасти на воротник плотной куртки почти дотянулась блестящая ниточка слюны.

Массивная створка за моей спиной закрылась с грозным металлическим щелчком.

Партия тут же прекратилась, игроки неспешно отложили фишки картинками вниз, а один из них локтем толкнул «очкарика». Тот, впрочем, не отреагировал, предпочитая оставаться в мире мицелиумных грез…

Полуслепой Куирколь не донес до морды очередную детальку, опустил лапы на стойку и мелко подергал носом. По крупным желтым резцам скользнул язык, усы встопорщились. Через мгновение кустистые брови над белесыми глазами сдвинулись к переносице.

Ух, как же много шуток можно было бы про него отвесить! Например: «эй, пунчи, ты не *видел* тут спятившую синтетическую онсэн?». Или вот: «приятель, успел *поглазеть* на кулон, который она тебе продала?». Или вот даже еще горячее: «за такими, как наша Симайна, требуется *глаз да глаз*, верно?!».

Я довольно улыбнулся собственным мыслям. Интересно, во всем Юдайна-Сити кто-то кроме меня и Сапфир еще способен оценить искрометность столь тонкого юмора?

В следующий миг Куирколь заговорил, негромко, басовито, хрипло.

— А чем это вдруг пахнуло, ребятки? — спросил он в пустоту, при этом безошибочно поворачиваясь к двери.

И не успел я открыть рта, как в разговор включился один из его помощников — долговязый и длинномордый, по кончику носа которого при рождении словно хлопнули доской, отчего теперь тот был задорно задран вверх. Причем ответил охранник не хозяину, а сразу мне.

— Дверью ошибся, уродец, — процедил он из-за длинных обколотых резцов, и во взгляде его отплясывало неприкрытое презрение. — Давай-ка ты протянешь свою уродливую лапу, снова

откроешь ее, а потом захлопнешь с другой стороны.

Мое сердце подскочило, отбарабанило частую дробь волнующего предвкушения, а губы растянулись в едкой усмешке.

— Господа, у нас свободный город, — вкрадчиво, но уверенно сказал я, делая аккуратный шаг вперед. — И смею вас заверить, дверью я не ошибся.

— Яри-яри! — с неожиданным оживлением протянул Куирколь, и даже навалился на стойку, будто хотел еще лучше разобрать мой неприятный запах. — Тот самый мутант, про которого судачит улица?

— Он самый, — коротко тявкнул второй игрок в моннго — скуластый, пятнистая морда которого выглядела так, как будто по ней щедро мазнули жирной сажей. — Какого *уя тебе тут нужно, болезный?

Не переставая улыбаться, я скосил на него глаза.

— Приятно, когда о тебе слышали, — подтвердил, не меняя обманчиво-вкрадчивого тона. — Но предлагаю сперва решить деловые вопросы. И уже затем, если господа изволят, потолковать о моей скромной персоне.

— Вийо?! — прощупывая незрячим взглядом комнату, саркастически пробасил Куирколь. — Деловые вопросы?

Намек не остался без понимания — Сажа тут же отодвинулся от игрового стола.

— Чот я сомневаюсь, манкс, чо у нас поводы для разговора найдутся, — почти не скрывая угрозы, отрезал он. — Если нужно чот толкнуть, ищи другую лавку. Сам найдешь, или помочь?

Я едва удержался от вздоха. Было бы наивной ошибкой думать, что в нашем «свободном» городе без приключений можно решить даже такой простейший вопрос, как выкуп сданного мешочникам…

Стараясь не выпускать головорезов из зоны внимания, я попробовал бегло осмотреть внутренние витрины. Взгляд скользнул по горам хлама за пыльными стеклами и решетками, старой пищевой утвари, неисправному оружию, украшениям, электронике, но так и не наткнулся на заветный зеленый камень.

— Разумное предположение, найду, — внимательно изучая всех троих охранников, признал я. Скулы уже начинало сводить от резиновой улыбки, все еще маскирующей мое лицо. — Но дело в том, что мне понадобилась именно эта лавка.

Куирколь прищурился, плечи его напряглись. Как и оба бодрствующих подельника, обменявшихся быстрыми взглядами. Не позволяя им перехватить инициативу, я торопливо добавил:

— Совсем недавно тут побывала моя подруга…

— У такого урода нет друзей среди чу-ха, — с шипением

ввернул Плосконосый.

— …она заложила тебе вещь, недорого и недорогую, — игнорируя подначку, продолжил я. — Хочу сейчас же выкупить ее. Дам хорошую цену. Ведь ты Зоркий Куирколь, так?

Ну… да, признаюсь, нужно было чуточку подумать, что язвительным прозвищем хозяина перекупочной конторы называли не в глаза (ах, новая блестящая шутка!). Потому что брови слепца тут же сшиблись вплотную, а его молодчики переглянулись так обалдело, словно я во всеуслышание предложил со всей дури пнуть себя под зад.

Я вздохнул и мысленно хлопнул себя по лбу. Еще раз взглянул на охранников и стол, на котором среди игровых фишек виднелась телескопическая дубинка. Кроме нее удальцы Куирколя были вооружены башером, рукоять которого я видел за поясом Сажи. Причем башером, наверняка заряженным летальными фанга, гори огнем мое надуманное благородство…

— Чо ты ща промямлил?! — щурясь, будто никак не мог меня рассмотреть, рявкнул Плосконосый, поднялся со стула и обвил хвостом ботинок.

— О-о-о, господа! — я улыбнулся куда более искренне, и даже протянул к ним раскрытые ладони. — Прошу прощения за бестактность, я никоим образом не хотел обижать вашего благодетеля. Давайте не будем шуметь и ругаться, хорошо? Вы просто покажете мне безделушки, перекупленные за сегодняшний день, я найду нужную, честно заплачу за нее чуть больше того, что вы дали бедной потаскушке, и мирно уйду!

Лично мне это показалось очень хорошей и взвешенной речью. И предложение само по себе было честным и взаимовыгодным. Увы, склонностью к логическим выводам и умению просчитывать последствия обладали далеко не все обитатели нашего замечательного гнезда…

Сажа и Плосконосый снова переглянулись. Очки все еще витал в призрачных просторах Мицелиума. Куирколь же снова подался к самой решетке, отчего протез противно скрипнул по потертой стойке.

— Думаешь, манкс, я поверю в детские байки о твоих умениях? — Его губа возбужденно подрагивала, то и дело обнажая влажные зубы. — Пусть на это покупается отребье из Такакханы!

Это заставило меня опешить.

— Уважаемый Куирколь, — со старательно отмерянной дозой возмущения парировал я, — у меня и в мыслях не было угрожать кому-либо в этой лавке! Нет, парни, клянусь, я тут по важному делу, и чем быстрее мы его решим, тем быстрее оно всех нас

оставит в выигрыше!

Куирколь медленно выпустил задержанный вздох, затем едва заметно повернулся к охранникам и повел носом. Сажа заметил первым, но среагировал все же Плосконосый.

— Ты, походу, правда умом тугой, — брезгливо сказал он и сделал шаг к двери. — Убирайся, как велено!

— Вали, мудила! — поддакнул Сажа, тоже вставая со стула и еще раз толкнув третьего подельника (тот недовольно замычал, но очнулся). Кривые лапы чу-ха демонстративно распахнули подол куртки, под которой виднелась рукоять башера. — Тут не верят в сказки про твои деплокатические штучки!

Куирколь превратился в статую с невидящим взглядом в задымленную «карамелью» пустоту. И лишь уши и усы его чутко подрагивали, выдавая напряженный интерес к развитию событий.

— Дипломатические, — поправил я Сажу, и тот вздрогнул, будто в морду ему брызнули кипятком. — Сисадда?

— С «Детьми» мы ссоры не ищем, — осторожно ввернул Плосконосый, хрустнув пальцами, — но если у тебя херово со слухом, я лично объясню господину фер Скичира, почему у тебя переломаны ребра.

— Погодите! — Не опуская растопыренных пятерней, я плавно сместился в противоположный угол лавки. — Пунчи, давайте заново, ладно? Мне правда нужно купить эту штуку. Я даже готов к переговорам с господином Куирколем, один на один в его личном кабинете, хорошо? И чтобы показать всю серьезность своих намерений, я сдам вам башер.

Я медленно раздвинул полы пальто.

И Плосконосый, и Сажа, разумеется, заметили черно-желтый жилет. Носы их снова дрогнули, чу-ха нерешительно переглянулись, но окончательно их решимости это, увы, не убавило. А затем масла в огонь плеснул и сам Зоркий Куирколь…

— В моем кабинете?! — презрительно хохотнул он, не меняя позы внимательного ученика.

В принципе, с этого момента ход дальнейших событий был предсказуем сам по себе, но мешочник все-таки добавил:

— Такая мразь, как ты, и в моем кабинете? Так, парни… пустой треп меня утомил. Вышвырните этого лысого кретина прочь.

Воздух стал еще более густым и тяжелым. Волоски на предплечьях чу-ха приподнялись, уши агрессивно прижались к головам.

Я с укоризной повернулся к хозяину лавки, словно он мог видеть недовольное выражение моего лица. Левая рука еще придерживала пальто, а правая уже тянулась под мышку.

— Ну как можно быть таким расистом? — горько спросил я. И ухватился за «Молот».

п.1; г.10; ч.2

Плосконосый уже шагал ко мне, сжимая кулаки. Сажа вздрогнул. Его глаза внимательно, но с ценным запозданием следили за моими жестами, а правая лапа медленно тянулась к оружию. Слишком медленно.

Я выдернул башер из кобуры. Брови Плосконосого подскочили на лоб, а сам чу-ха тут же рухнул на пол, вязкой каплей уходя с линии огня. Впрочем, в него я палить пока и не собирался — сбросив предохранитель, молниеносно вскинул руку и дважды выстрелил в Сажу, уже почти выхватившего свой ствол.

Первая фанга впилась в высокий воротник куртки, прокусив и шкуру, но лишь самую малость, и выпрыснула почти весь бледно-зеленый раствор на пятнистую шерсть. Вторая же угодила в цель. Сажу откинуло, он пискнул, прижал левую лапу к горлу, а уже через мгновение его глаза стали мутными, почти как у хозяина лавки, и игрок в моннго медленно осел на покинутый стул.

А вот его напарник, как оказалось, не просто нырял под выстрел — сгруппировавшись, он крутанулся в «вертушке», а его хвост вдруг рассыпался на десяток сегментов, вдвое увеличиваясь в длине. Провернувшись вокруг оси, ублюдок с разворота лупанул меня боевым имплантатом, угодив по руке с оружием.

Кисть объяло пламенем, пальцы предательски разжались и башер выпал. Кончик хвоста скользнул дальше, чудом не выбив мне глаз, и болезненно хлестнул по правой скуле, глубоко рассекая кожу. Вскрикнув, я отшатнулся, а Плосконосый тут же бросился в атаку.

Моя полыхающая рука скользнула в карман, но кастет закапризничал и не пожелал привычно надеваться на пальцы. Через секунду я получил удар головой в грудь и отлетел к витринным решеткам. Ударился спиной, едва не рухнул на колени и с трудом втянул воздух в отбитую грудину. В глазах потемнело, перед ними засверкали яркие звезды.

Продолжи Плосконосый меня прессовать, уже через минуту Куирколь мог бы злорадно посмеяться над побежденным терюнаши. Но вместо этого охранник вдруг отскочил и нагнулся над отлетевшим «Молотом». Подхватил оружие, злорадно оскалился… но переделанная под мою «уродливую» кисть рукоять оказалась неудобной, и чу-ха тут же снова выронил башер. Выругался, щелкнул хвостом об пол, а в следующую секунду на мои пальцы все же скользнул умничка-кастет.

Сжав кулак, я рванулся вперед.

Подпрыгнул, увеличивая разницу в росте с противником, и со

всей силы обрушил рифленый биток на скулу Плосконосого. Тот хрюкнул, его повело в сторону, но я не дал опомниться — навалился снова и ударил еще.

Чу-ха отмахнулся левой лапой с растопыренными когтями, но вместо уклонения я поднырнул под выпад, еще теснее прижался к головорезу и, методично вбивая кулак в его правую скулу, провел серию коротких прямых.

Хрустнула кость, Плосконосый заскулил и упал на колено, но я и не думал останавливаться. Скопившаяся за весь непростой день злость наконец-то нашла удовлетворительный выход, и я продолжал раз за разом обрушивать кастет на морду противника до тех пор, пока его вскинутые в знаке поражения лапы бессильно не обмякли.

Уже не поскуливая, Плосконосый пьяно завалился на бок, глаза его закатились.

Кровь заливала мое лицо, стекая за воротник, и чтобы ощутить ее тяжелый запах не нужно было обладать обонянием чу-ха. Машинально ощупав шрам, я отскочил от поверженного охранника и запоздало обернулся к игровому столу, где еще секунду назад приходил в себя третий подельник Куирколя… которого теперь там не было.

Спохватившись, я рывком сместился левее и начал лихорадочно искать под ногами «Молот», почти сразу услышав над головой характерный металлический цокот.

— Байши… — только и успел промычать я, вскидывая голову и замечая, что Очки умудрился запрыгнуть на потолочную решетку, по которой и преодолел разделяющее нас расстояние.

А затем он — невысокий, жилистый и верткий, — обрушился на меня сверху, целя в голову босыми когтистыми лапами. Я вовремя рванулся вбок, но чу-ха все же сбил меня на пол, подмял и с размаху ударил кулаком в ухо.

Подставив плечо, я взвыл от пронзившей сустав боли; левая половина тела словно окаменела. Сумев встать на колени, я почти вырвался из-под противника, но тут же получил пинок в ребра, охнул, снова упал, и затем меня технично обхватили сзади. К шее мгновенно прижалось что-то тонкое, холодное, пружинящее, но при этом очень твердое. Дыхание оборвалось…

Продолжая душить меня телескопической дубинкой, Очки что-то шипел и сквозь брань велел не дергаться, уверяя, что скоро все закончится. Секунды утекали вместе с последним воздухом в моих легких, кадык был готов треснуть. Но вместо того, чтобы упасть на спину или попытаться сбросить с себя внезапного «наездника», я подался вперед, приподнялся на четвереньки и, уже почти ничего не видя от густеющей тьмы, начал шарить по

полу.

В висках пульсировало. Грудь жгло жидким огнем. Левая рука все еще немела, и я даже не услышал, с каким красивым лязгом с пальцев сорвался окровавленный кастет.

Да, Нискирич точно будет смеяться. Конечно же, наперво он обязательно распнет ублюдков Куирколя и самого слепца на фонарных столбах вокруг «Киновари», а уже затем, в крематории, стоя у картонной коробки с моим бренным телом внутри, позволит себе вдосталь посмеяться.

Не влипай в неприятности и береги себя, ха!

Подумать только, бледношкурый Джадуга, надежда и секретное оружие «Детей заполночи», способный мыслить в чужеродной хитрой и извращенной логике, распутавший для казоку не одно сложное и интересное дело… окончил жизнь в жалкой вонючей конторе мешочника, о существовании которого еще утром даже не знал…

Время остановилось, звуки исчезли.

В слабеющие пальцы сел «Молот». Словно влитой.

Забросив ствол через плечо, я начал стрелять. Без счета, за несколько секунд опустошив кассету.

Где-то в сотне километров от моего сознания, разбитая выстрелом, лопнула светящаяся вывеска «НОВЕЙШИЕ ЗАПЧАСТИ ГИ-ГИРО», треснуло прошитое стекло витрины. А затем умелая хватка Очков ослабла, тонкая дубинка упала к ногам, а в мои скукожившиеся легкие ворвался бритвенно острый, но столь благословенный воздух…

Хрипя, плюясь и жадно разевая рот, я повалился вперед, перекатился на спину и неловко отполз от Очков.

Тот остался стоять на коленях, где его и застали фанга «Молота», в позе покорной и смиренной, словно хотел помолиться или просить пощады. Третий охранник Куирколя, еще минуту назад ловивший кайф в иллюзиумных миражах, теперь словил в морду не меньше пяти выстрелов. Вся правая половина ее была изуродована, на месте глаза зияла раскуроченная воронка, истекающая белесым, красным и зеленым.

Еще секунду постояв на коленях, чу-ха завалился на левый бок. Неподвижный, бездыханный. Я видел камни, выглядящие более живыми. Даже если подельник перекупа каким-то неслыханным чудом переживет убойную дозу «сомотранка», пять фанга в башке даром не пройдут…

Запоздало вскинувшись, я дрожащими пальцами заменил кассету «Молота». Снова на боевые. Прицелился в сторону стойки, уже ожидая встречной очереди из ассолтера… но, как выяснилось, слепой мешочник даже не поменял позы.

По-прежнему созерцал невидимое, часто водя носом и принюхиваясь к происходящему. Лапы оставались на виду, уши мелко подрагивали. Тяжело поднимаясь на ноги и поправляя перекосившийся рюкзак, я решил, что Куирколь или вызвал новых боевиков, или прятал в штанах стальные яйца высочайшей закалки.

— Вот значит, как? — внезапно спросил тот, безошибочно поворачиваясь к месту, где я стоял. Голос перекупщика был напряжен, но не казался испуганным. — Неожиданно… Допустим, пасынок Нискирича, ты привлек мое внимание.

Его ноздри расширились, он одобрительно покачал головой.

— «Сомотранк», — метко предположил слепой чу-ха. — Любопытно. Ты был готов к драке, но не хотел убивать. Это делает тебе честь, терюнаши. Надеюсь, к утру мои ребятки придут в норму?

Я покосился на расстрелянного Очки и изувеченного кастетом Плосконосого. Ну, как бы помягче сказать… Предположение Куирколя вызывало немало сомнений и я бы не поставил на него и дырявого юна, но тому о них сейчас знать явно не полагалось.

В попытке ответить что-то остроумное и при этом уводящее от правды, я вдруг хрипло закашлялся. Байши! С одной стороны, во время драки Куирколь даже не вспотел, что облегчало мне дальнейшую работу. С другой стороны, я пока даже говорить нормально не мог, не то что применять талант…

Не опуская наведенный на перекупщика башер, я осторожно помассировал опухшую шею. Ощупал рассечение на скуле и со злостью оценил его опасную глубину. Плечо и ребра ныли, горло тоже схватило щипцами боли, лицо начинало наливаться расплавленным свинцом.

— На чем мы с тобой остановились? — осторожно и как можно более непринужденно спросил я, стараясь не перетруждать связки.

— Ты что-то говорил про свою подругу, — как ни в чем не бывало ответил Куирколь.

С легкой неловкостью слепца нашарил коробки, придвинул к себе и снова занялся сортировкой деталей. Все еще ожидая подвоха, я аккуратно присел на корточки и подобрал кастет. Затем попятился к двери и с лязгом запер ее на засов.

Все еще опасливо поглядывая на поверженных противников, вернулся к стойке. Просунув кисть за решетку, легко постучал крысу по искусственному предплечью. Тот с пониманием хмыкнул, покачал головой.

— Пушки в протезе нет. Не мой стиль.

Я еще раз внимательно осмотрел механическую руку и на всякий случай сместился в сторону. Затем демонстративным стуком поставил «Молот» на рукоять так, чтобы ствол смотрел точно в грудь перекупщика.

— Утром тебе продали старый кулон, — почти прошептал я, с облегчением замечая, что силы возвращаются в голос. — Пустышка, это даже ты смог бы *разглядеть*.

Куирколь вздрогнул, по морде прокатилась тень гримасы. Но через миг он вновь окаменел и в очередной раз доказал, что невозмутимости ему не занимать. Сегментированные пальцы мешочника протирали деталь, живые пальцы ощупывали и укладывали в одну из двух коробочек.

— Где этот кулон?

— Хочешь обыскать лавку? — Морду чу-ха будто раскроило в неприятной зубастой ухмылке. — Тебе предстоит долгая ночь.

Я хмыкнул. Еще раз прошелся вдоль витрин, но не в попытке на самом деле заметить кулон, которого там наверняка не было, а растягивая время и давая себе восстановиться после удушающего приема.

— Я не грабить тебя пришел.

— Улица рассудит иначе, — лениво покривился Куирколь.

— Не рассудит, — ответил я, и от уверенности, с которой это было произнесено, седая бровь чу-ха снова дрогнула. — А вообще, старик, зря ты так. Расовые предрассудки делают нас беднее духовно и более уязвимыми.

— Хватит дрюкать мои уши, терюнаши, — он с усмешкой отмахнулся от меня механической лапой. — Если я захочу нотаций, пойду в храм. Скажи-ка лучше, пасынок Нискирича, что будет дальше? Станешь меня пытать?

— Ох, да что ты?! — притворно охнул я, возвращаясь к стойке. — Выдумал тоже!

С каждым новым словом голос мой звучал все более знакомо и не хрипло. Подавшись вперед и почти прижавшись щекой к решетке, я попытался разглядеть реакцию слепца. Увиденное меня обнадежило — ни учащенного дыхания, ни нервного сглатывания. Куирколь оставался невозмутим, и это радовало больше долгожданного подарка на Ночь Переосмысления.

— Надеюсь, ты сам пойдешь мне навстречу, пунчи, — наконец решился я, замирая ровно напротив старика. — Хочешь услышать кое-что интересное?

Тот хмыкнул. Неспешно отложил деталь, которую так и не успел обнюхать. Сцепил пальцы обеих лап на стойке перед собой и терпеливо вздохнул.

— А куда нам теперь спешить, терюнаши?

Прильнув к разделяющей нас решетке, я негромко и вкрадчиво произнес:

— Девять крохотных мышат,

Сговорились не дышать…

Незрячие глаза Куирколя едва заметно приоткрылись, под белесыми пленками суетливо забегали зрачки, а уши приподнялись. Я быстро облизнул пересохшие, измазанные засыхающей кровью губы, и продолжил давить:

— Один вдруг затих не шурша,

Осталось лишь восемь мышат.

Вероятно, Куирколь ощутил: что-то не так. Они все это ощущали. Каждый чу-ха в этом изумительном городе. Как газ в комнате. Как начинающийся дождь, с которым ничего не могли поделать.

На скулах старика заиграли желваки, он решил сражаться.

— Задохнулся второй насовсем,

И мышаток осталось семь.

У третьего лопнул глаз,

И шесть уже мышек сейчас.

Мой голос набирал силу, креп и теперь бил без осечек, как прекрасно смазанный башер. Перекупщик был силен, это стало заметно еще на «первом мышонке», да и визуального контакта с собой установить не позволял. Но все же совсем недавно он стал свидетелем драки, в которой его подчиненные проиграли, а значит, несмотря на все хладнокровие, он хоть отчасти возбужден и подавлен, и это сыграет с мешочником дурную службу.

— Четвертой не устоять,

И вот уж мышей только пять.

Я читал стишок убедительно и негромко, словно делился сокровенной тайной. На концовке двустишия Куирколь вздрогнул всем телом. Он был готов «поплыть», уже почти, но все еще пытался бездумно шевелить морщинистыми губами и гневно сдвигать брови.

— Не вынесла пятая мышка,

Но четверо так и не дышат!

Тело чу-ха напряглось, будто он хотел отскочить от стойки, но я не прекращал, и вот слепец наконец обмяк. Пальцы Куирколя расцепились, с необычайной покорностью легли на стойку, а голова опустилась на грудь. Закрепляя успех, я прочитал добивающее:

— Шестая мышка сердцем вышла,

Три упорных будто не слышат.

А затем зафиксировал эффект:

— Отречение.

— Отречение, — подтвердил хозяин перекупочной лавки.

— Бесцветная относительность переплывает горизонт радости.

Он повторил фонетический фиксатор слово в слово, послушно и подавлено. Снова помассировав шею, я спешно прикинул, каким временем располагаю, и без промедления спросил:

— Ты вызвал подмогу, Куирколь?

— Нет, — растерянно ответил старик, а его невидящий взор уперся в мой башер.

— Записи с камер, — мягко приказал я, — отдай мне их.

Сонно, удручающе медленно мешочник сунул левую лапу под стойку. Щелкнул порт, а затем старик вытянул из офисной консоли вместительную полоску *юнму**[1]***. Забрав накопитель информации, я с хрустом сломал его в пальцах, обломки спрятав в кармане пальто.

— Этим утром сюда приходила синтосексуал, — как можно четче сказал я. — Верно?

— Верно, — мой собеседник послушно кивнул. — Сразу после рассвета.

— Она нуждалась в деньгах.

— Верно, — повторил Куирколь, хотя это был не вопрос.

— И продала тебе кое-что. Из личных запасов.

— Верно.

— В их числе был кулон. Где он сейчас?

Куирколь отлепился от стойки, причем до того неожиданно, что я едва не всадил в него фанга. Только теперь осознав, что пальцы все еще дрожат, снял указательный со спускового крючка, а сам «Молот» нацелил немного в сторону. Чу-ха тем временем развернулся. Уверенными движениями слепца, знающего каждый миллиметр собственного жилища, сдвинул висевшую за спиной аляповатую картину и отпер спрятанный под ней сейф.

Я едва не присвистнул. Даже доведись мне действительно обыскивать контору, этого тайника я бы взломать не сумел…

Вернувшись к стойке, Куирколь поставил перед собой плоскую нефритовую шкатулку. Деликатно продвинул ко мне в специальное окно решетки, сделал приглашающий жест механической кистью.

Испытав прилив непрошенного азарта, я осторожно откинул тяжелую крышку. Внутри оказался солидный клубок украшений, причем весьма ценных, но меня они не интересовали. Разворошив горку золотых цепей, я почти сразу обнаружил искомое.

Как и на слепках Перстней, кулон оказался грубым и невзрачным. Оправа зеленого камня была выполнена из золота,

но наверняка низкой пробы, неоднократно переплавленного и разбавленного, что бродяги вроде Стиб-Уиирта тащат в Юдайна-Сити со всех отравленных земель вокруг города и самых дальних провинций.

А еще я заметил, что грубый камень (к слову куда более любопытный и интересный, похожий на кусок ярко-зеленого янтаря) был вставлен в оправу взамен чему-то еще, по всей вероятности утерянному давным-давно.

— Почему ты спрятал кулон в сейфе, Куирколь? — неожиданно для себя спросил я, взвешивая находку в левой ладони. — Он представляет ценность?

— Я не успел пробить по базам, — честно (а как же иначе?) ответил старик, снова укладывая лапы перед собой. — Но вещь старая. Очень.

Моя бровь привычно изогнулась, отчего по перепаханному лицу прокатилась волна боли. С трудом удержав стон, я обстоятельно спрятал кулон во внутреннем кармане жилета.

Может ли быть ценным украшение, за которым охотится сам «Диктат Колберга»? Вероятно, и интуиция слепого перекупщика лишь подтверждает это. А еще трупы, которыми устлан мой сегодняшний путь…

— Я выкупаю его по просьбе владельца, — стараясь не обращать внимания на тянущую боль в разодранной скуле, сказал я и вынул пачку рупий. Вложил в шкатулку несколько купюр. Подумал, и добавил еще, оставляя себя почти на нуле. — А это за материальный ущерб…

— С тобой приятно иметь дело, пасынок Нискирича, — чинно кивнул слепой старик.

— А теперь слушай меня внимательно, Куирколь, — попросил я, и тот подался к решетке, почти упершись в нее сухим носом и едва не касаясь меня жесткими усами. — Когда ты очнешься, ты не вспомнишь произошедшего. Ты и дальше будешь презирать уличные байки про мифические способности бесхвостого, о котором говорит улица. Когда твои парни опишут драку, ты им тоже не поверишь. Скажешь, что они сами виноваты. Что тут случилось недоразумение, вина за которое лежит только на них. Сисадда, ты понял меня?

— Мои парни сами виноваты, — кивнул слепец, прошелестев усами по решетке. — А в сказки про бесхвостого я никогда не верил.

— Ты молодец, Куирколь, — почти искренне сказал я, выставляя башер на предохранитель и убирая оружие в кобуру. — Удачи и процветания твоему делу.

— Пусть она пребудет и с тобой, пасынок Нискирича, —

доброжелательно ответил погруженный в транс мешочник.

Отстранившись от стойки, я уже направился к двери. Морок спадет сам собой, и будет лучше, если к этому моменту в конторе останутся только чу-ха. Но в самый последний момент я вдруг спохватился, обернулся и все же уточнил:

— Куирколь, когда кукуга ушла, ты отправил за ней своих парней, верно? Проследил за беглянкой, так? Чтобы выяснить, куда она направится дальше и что из этого можно выгадать?

На сонной морде белоглазого отразилось неподдельное недоумение.

— Я этого не делал, — он лениво мотнул головой. — Только подсказал координаты места, где ей смогут помочь в одном деликатном вопросе.

— Хао, старик. Теперь отдыхай.

Кивнув самому себе, я осторожно, чтобы ненароком не лязгнул, отодвинул засов. Набросил капюшон и напоследок с тоской осмотрел место внезапного побоища.

Что ж… Симайну на Базар действительно направил Зоркий, да вот только дальше этого решил хвоста не пачкать. А это означало, что Плакса Брукс и его дружки приперлись к паяльщикам по совсем другой наводке… Неужели охоту на девианта действительно объявил Пыльный? Если это правда, мне довелось невольно перебежать дорожку крайне неприятным типам…

Перевернув дверную табличку на «ЗАКРЫТО», я вышел на «улицу» «Киновари» и осторожно прикрыл за собой тяжелую створку.

[1] Информационный накопитель.

Глава 11. АЛАЯ СУКА

Из «Киновари» я уходил быстро и вовсе не тем путем, каким попал внутрь. Что уж лукавить? Я почти сбегал, и совершенно не стыдился этого факта…

По зацементированным эскалаторам поднялся еще на пару этажей, нашел сворот к внешней стене и покинул молл по хлипкому мостку через улицу. Высота кружила голову, проносящиеся на расстоянии вытянутой руки фаэтоны заставляли стискивать зубы и боязливо хвататься за веревочные перила.

Но зато уже через пару минут я оказался в нищем комплеблоке, чьи коридоры и загаженные лестницы давно превратились в проходной двор и импровизированный рынок наркоты, оттуда скатился во двор и даже смог перевести дух…

Встреченные мной чу-ха подозрительно оборачивались вслед и жадно поводили носами, улавливая запах свежей крови. Усы их топорщились, глазки хищно щурились, но я не сбавлял хода. И позволил себе шагать чуть медленнее, лишь когда от «Киновари» меня отделяло не меньше пары кварталов.

Убедившись, что на хвосте никого, выбрал укромную подворотню и без раздумий нырнул в ее сырое нутро. Морщась от вони, обнаружил внутри сразу несколько заваленных хламом матрасов под целлофановыми тентами, чьи владельцы выбрались на ночную охоту за жратвой, подаяниями или дешевой дурью.

Выбрав наименее заляпанный уголок лежанки, я со стоном опустился на гнилой матрас и осторожно стянул рюкзак на колени. Увы, характер раны от удара металлизированным хвостом не позволял мне использовать «Сачирато», поэтому я нащупал и вынул фонарик. Непрерывно матерясь, зажал в зубах его трубочку и приступил к операции в свете скачущего пятна.

Раскрыл аптечку, протер руки специальной салфеткой, еще одной бережно обработал рану и счистил запекшуюся кровь. Заодно прошелся по лицу, к вечеру напоминавшему сплошную маслянистую маску.

Обеззаразил рассечение морозной щепоткой «нифотеха», запенил «жидким пластырем», вколол в щеку легкого обезбола. Уверен, что грядущей ночью анальгетик не шибко обрадуется соседству с предстоящей моему желудку паймой, но до норы, как и до бутылки, еще лишь предстояло добраться…

Руки перестали дрожать, дыхание окончательно нормализовалось.

Старательно ощупав бок и убедившись, что ребро все-таки не сломано (хвала голозадым натуралистам!), я аккуратно собрал

аптечку и использованные медицинские расходники, и только после этого разрешил себе поверить, что перестрелка в «Киновари» осталась позади. Во всяком случае — на какое-то время.

Внутренний карман жилета жгло, будто там покоился кусок расплавленного железа. Но я (скажу честно — с огромными усилиями) заставлял себя не только не вынимать, но даже не ощупывать кулон.

Вместо этого восстанавливал в памяти драку с подельниками Куирколя, невозмутимость самого мешочника, его ответы на допрос, и пытался взвесить, какими рисками произошедшее может оказаться чревато для «Детей» Нискирича фер Скичиры. Прокрутив ситуацию в десятках возможных направлений, попытался убедить себя, что впереди не маячило ничего такого, с чем бы я не справился сам.

На выходе из проулка мелькали сутулые силуэты чу-ха, бредущих на ночные смены и возвращавшихся с дневных, торговцев и уличных девок; но большую часть толпы составляло дворовое отребье, ходячее дерьмо наивысшей пробы, вполне справедливо полагавшее, что тьма им — подруга и мать.

Суматошная музыка улиц в моей голове стала еще более экспрессивной, рваной и аритмичной. Переводя дух на грязной подстилке, выслушивая далекий собачий лай и гудение фаэтонов, изнывая от жажды и желания напиться до соплей, я незаметно перебрался к размышлениям о собственном таланте.

«Низкий писк». Мое богатство и проклятие, подарок героя древности…

Недостижимое ни для одного чу-ха Тиама, сколько бы Ункац-Аран ни силился воспроизвести ударную фонетическую формулу на пленниках Нискирича, опасно заигрывая с дозировками и чистотой «Явандры». А ведь гадатель пытался с первых моментов открытия, причем неоднократно, раз за разом терпя неудачи и копя завистливую злобу…

Иногда (чаще, чем нужно) я задумывался, что случится, угораздь меня при каких-либо немыслимых обстоятельствах потерять этот жутковатый дар. Ответом всегда (без исключений) была растущая злость — сознание напрочь отказывалось верить в такую возможность, даже минимальную.

Потому что для меня, будем взвешивать откровенно, это означало только одно. И в этой фантазии не было ровно ничего хорошего…

Мне сложно рассуждать, как устроена жизнь людей, если подобные мне вообще существуют или существовали. Но крысам — при всей их высокоразвитости и глубинной социализации, —

верить было нельзя. Потому что обмануть, руководствуясь принципами меньшего зла, личных интересов или благополучия семьи, мог *любой* чу-ха. Потому что так было элементарно заведено во всех гнездах Тиама, и общество не видело ничего дурного в именно таком мериле моральной нормы.

Что оставалось мне, жалкому и одинокому в своем бесхвостом уродстве? Год за годом жить, не веря никому и одновременно доверяя всем. И, разумеется, использовать «низкий писк», этот неожиданный уникальный талант, в какой-то момент биографии ставший моим инструментом заработать на миску риса и рюмку паймы. И стоит мне потерять этот инструмент…

Байши! Я по-звериному встряхнулся всем телом, отчего едва не съехал с матраса в лужу под лежаком и тихо выругался на эту идиотскую привычку, машинально перенятую у близких чу-ха. Хватит дурных мыслей! Позволив тесноте и мраку проулка бездомных поглотить себя, я чуть не сдал сознание в плен усталой подавленности тяжелого дня.

Застегнул рюкзак, решительно (но тяжко) встал.

Охнул, жалобно подержался за отбитые части тела, но все же заставил себя настроиться на рабочий ритм. Сейчас нужно думать о другом. Например о том, как предельно быстро вернуться в Бонжур, связаться с Перстнями, передать «Котелкам» кулон и получить свои деньги. С бонусом за оперативность, конечно же.

А затем заглянуть в продуктовую лавку, купить жратвы и бутылку… лучше две… или три… отметиться у бесконечно-тревожной Сапфир, и на пару дней замуроваться в норе.

Стараясь не хромать, я вернулся на оживленную, шумную, безразличную, хриплую, пропахшую запахами еды, пеструю от неона и блестящую ослепительными лужами улицу. Несмотря на разбитость, усталость и раны, я неожиданно понял, что весьма доволен собой.

Вот так денечек, не правда ли?!

Сгорбившись и натянув капюшон, я неспешно побрел к станции транзита, с каждым новым шагом ощущая, как тяжесть неказистого кулона все сильнее оттягивает карман и давит на ребра. Намекая, дразня.

Соблазн просканировать вещицу и самостоятельно «пробить» ее через «мицуху» становился все острее. В конце концов, я же не синтет, чтобы словить мицелиумный сбой или что там произошло с Симайной?

Что откроется мне, когда я попытаюсь отыскать информацию о безделушке на просторах объединенного призрачного сознания всего Юдайна-Сити? Или поиск данных лишь вскроет осознанную ложь кукуга, столь же феноменальную и нежданную, как и ее

нападение на бедолагу Гладкого?

Наверное, ушлый персонаж иллюзиумной пьесы так бы и поступил. Или Нискирич. Разумно, предусмотрительно. Взял бы, да просканировал, сопоставив факты, добавляя в картину недостающие фрагменты и пополняя информационный багаж.

Да вот только я не схематичный персонаж-тетрон в отставке по ранению, живущий на пенсию и лениво промышляющий частным сыском на страницах еженедельной манги. Сканировать чужие украшения не входит в задачи наемного болтуна Ланса фер Скичиры, и заслуженное вознаграждение я получу вовсе не за лишнее любопытство.

Ох, до чего же меня порой бесила двойственность моего сознания! Чужеродная самому Тиаму не меньше, чем я — сообществу чу-ха. Которые, насколько я познал их за прошедшие годы, вообще были лишены такого мыслительного атавизма. И если что-то задумывали или намеревались делать, то с выбранного пути не сворачивали и даже не думали корить себя за упущенный шанс.

У букашки-человечка Ланса все было чуть иначе. Сложнее, драть его копытом в зад. Что, несомненно, создавало трудности. Но (столь же несомненно) делало жизнь букашки Ланса интереснее.

Причем речь не о мучительном поиске нужного решения из двух-трех возможных вариантов. А о самом факте *возможности* поступить так или эдак, выбрать по себе; это давало сладкое ощущение свободы и контроля над собственной жизнью, да… пусть даже весьма иллюзорное…

Да, вне всякого сомнения, по-настоящему от чу-ха меня отличало именно это, а вовсе не отсутствие шерсти или хвоста. Именно это не давало почувствовать себя своим, каковым для обитателей Тиама (причем даже для «Детей Заполночи») я не стану никогда…

В попытке отринуть тягостные раздумья, я снова встряхнулся, ненароком зацепив рюкзаком старую чу-ха, обгонявшую меня по тротуару. Та злобно огрызнулась, зашипела, пробормотала проклятье и ускорила шаг. Почесав опухшую скулу, я приказал себе быть более острожным, и снова влился в поток пешеходов.

Нужно как можно скорее найти Перстни и передать ему кулон. Выполнить работу. А если учесть, какими усилиями она была выполнена… Да, чем быстрее я закрою дело, тем лучше будет для всех.

Никакого сканирования. Сегодня же, не откладывая в ящик.

Потому что еще я отличался от любого жителя Юдайна-Сити тем, что если некий чу-ха получал заказ на важное дело, задачей

крысюка было сделать так, чтобы «потрудиться на всю кассу», продемонстрировав исключительно титанические усилия и больше заботясь о том, как будет выглядеть не конечный результат, а процесс; его тяготы, препоны и несомненные упорства, достойные потраченных денег. Я намеренно старался не быть таким…

Рука невольно коснулась груди, где притаился зеленый камень.

Сомнений нет — кулон куда ценнее, чем об этом говорили «Котелки». Но здесь наступало время вспомнить, что в нашем чудесном городе излишнее любопытство к чужим интересам чаще всего приводило не только к сложным хирургическим операциям по извлечению фанга из жопы, но и куда менее благоприятным последствиям в виде почастичного сжигания в подпольном крематории…

Или все же проверить?

Яри-яри, ну надо же, кто снова пожаловал?! Снова-здорово, Ланс Скичира, что живет внутри настоящего Ланса Скичиры! Внутренний мятущийся голос, которого удивительным образом лишены большинство чу-ха. Внутренний, колотить его, голос, заставляющий все подвергать сомнению и копаться в самой основе жизни.

Я снова спрятал руку в карман и ускорил шаг. Нет. Репутация пасынка Нискирича строилась не один день, и было бы большой ошибкой обрушить ее из праздного любопытства…

Остановившись возле стоматологической лавки неподалеку от спуска на транзитную станцию, я закатал рукав и прикоснулся к «болтушке». Пришло время связаться с «Котелками», отчитаться и назначить встречу.

Но вызвать Перстни я не успел, потому что к обочине дороги мягко опустился массивный, блестящий обсидиановым лаком «Крейс».

Сердце екнуло, когда я вдруг сообразил, что все это время Перстни и его угрюмый дружок следили за моими поисками. Но уже через миг пришло иное понимание — остановившийся передо мной фаэтон не имел к казоку «Желтых котелков» никакого отношения. Равно как и сидящие в нем чу-ха.

Задняя правая дверь открылась, вполне однозначно приглашая в уютный просторный салон. По спине прокатились мурашки, а кулон в кармане налился таким жаром, будто собрался прожечь ткань жилета.

Привычно глянув по сторонам, я вздохнул, пересек тротуар и послушно нырнул внутрь фаэтона. Дверь тут же закрылась.

— Выбрался на ночную прогулку, Лансик? — вкрадчиво

осведомилась моя персональная демонесса, кончиком когтя постукивая себя по красной губе. — Далековато от дома тебя занесло…

Магда…

Мудра отнюдь не на внешний вид, порой весьма беспечный, сколь же стильный. Молода отнюдь не по уму и занимаемой должности. Всегда в красном, сегодня ночью — в длинной юбке с нашитым по спирали отделением для хвоста, блузке и пиджаке. Прядь на макушке подкрашена рыжим, завита в хитроумный локон и уложена под новомодно-прозрачным головным убором, незаметно переходящим в короткую вуаль. Алым подкрашены когти, ресницы и выступающие резцы. В ушах, на шее, пальцах и поясе неизменные украшения с янтарем. В дорогущем парфюме читаются чужеродные моему обонянию сладковатые нотки гниющей плоти.

В этом вся Магда — ослепительная, но пропахшая падалью. Самая опасная змея наших краев. Ее-то мне сегодня и не хватало…

— Ты совсем рехнулась, — стягивая рюкзак и устраиваясь спиной к водителю, обреченно вздохнул я. — Мы засветимся.

— Не капай в штанишки, Ланс, — розовая бровь Магды выразительно изогнулась в крутую дугу, — все под контролем.

Водитель за моей спиной начал напевать. Негромко, немелодично, словно задумчиво. И, конечно же, ожидаемо — именно таким нехитрым способом шкурохранитель Магды предотвращал возможное использование «низкого писка».

Болезненно крохотный настолько, что подкладывал на водительское сиденье специальную сидушку, Жи-ми был стопроцентным альбиносом, и я подчас задумывался, что в крохе было страшнее: его лютое умение драться, познания в ядах, фанатичная преданность Магде или ярко-белая морда, на которой горели узкие красные глаза.

Как-то я спросил ее, не по сочетанию их ли оттенка и повседневных нарядов подбирала Магда своего водителя и стража? В ответ Жи-ми ударил меня, единственный раз за все наше знакомство, технично, весьма болезненно и тонко. И не успел я выхватить башер, как альбинос с легкостью обезоружил меня, а затем почти сразу вернул ствол. Разобранный на несколько частей.

Насколько мне было известно, Жи-ми не служил в ракшак, да и следов операции по укорачиванию морды не носил, но убивать был обучен не хуже самой смерти, а однажды я даже оказался свидетелем того, как ему отдавали честь далеко не последние шишки сил обороны гнезда…

В отличие от госпожи, одевалась правая лапа Магды всякий раз по-разному, то в неприметного кабельщика, то в военную форму, то механиком или медиком. Сегодня, если я верно разглядел, на нем был недешевый строгий костюм, в каком нестыдно прогуляться по центру Уробороса.

— Что тебе нужно? — спросил я, косясь в затемненное окно шикарного фаэтона. — Так ты нас обоих угробишь…

— Только тебя, если ты верно меня понимаешь, — улыбнулась Магда, вынимая из терракотовой сумочки электронный кальян и выпуская в воздух салона струйку слабой, но невероятно качественной дайзу. — Расскажешь, что за суета заставила меня бросить важные дела и прибыть в вашу помойку?

Я оледенел. Задумчиво склонил голову и постарался расслабиться. Кулон будто бы пульсировал, а его бугорок под пальто начал казаться предательски огромным. Она знает? Откуда, байши, она может знать?! И что я скажу «Котелкам», если тварь заставит меня отдать украшение?

— О чем ты, крошка? — как можно спокойнее и развязнее спросил я.

Взгляд иссиня-черных глаз Магды перестал быть расслабленным. Они прищурились, изучая меня сквозь вуальную сетку и дым.

— Красивая дырка, — оценила собеседница, рассматривая шрам на скуле.

Я хотел ответить, что то же самое на улицах говорят про нее, но благоразумно прикусил язык. Магда с пониманием кивнула.

— На Гариб-базаре постреляли «Бритых хвостов», — задумчиво продолжила она. — Жуткое дело.

— На Гариб-базаре постоянно стреляют, — я пожал затекшими плечами.

— А еще говорят, что там видели уродливого бесхвостого мутанта, — спокойно вставила Магда, склоняя голову. — Сисадда? Толкуют про некую кукуга со сбитой программой. И про странное ограбление лавки идиотов-паяльщиков, которых тоже перебили. Про интересы казоку с окраин там тоже начали говорить. Просветишь, как это может быть связано?

Я улыбнулся. Почти без усилия, вполне естественно. Если бы змея знала про заказ «Желтых котелков», перестрелку в «Нимнога паяим» не стала бы упоминать вовсе. Впрочем, информация о спятившей онсэн тоже может обжигать…

— Ничего об этом не слышал, прости.

Магда подалась вперед, и мне стоило немалых усилий сохранить неподвижность. Иногда ее жесты и взгляды пугали куда сильнее самых матерых головорезов Нискирича.

— Не шути со мной, Лансик, — напряженным голосом попросила чу-ха. — Хочу напомнить, что ты живешь и процветаешь благодаря *нам*, а вовсе не своим дружкам-отбросам.

— Я помню. — В горле пересохло, и я развязно вынул из портативного холодильника под сиденьем крохотную бутылочку дорогущей минеральной воды. Надеясь, что пальцы не станут дрожать, отвернул пробку и в два глотка жадно осушил. — О таком трудно забыть.

— Итак?

— Я правда ничего не знаю. На Базаре недавно был, но это никак не относится к безопасности Юдайна-Сити. Или ты решила натянуть поводок?

— Пока нет.

— Тогда что за суета заставила тебя бросить важные дела и прикатить в нашу помойку? Ни за что не поверю, что вас опечалила неожиданная кончина пары отморозков, которым на роду написано не дожить до следующего года.

Магда откинулась на сиденье и глубоко затянулась легким наркотиком. Жи-ми продолжал напевать, с демонстративной ленцой наблюдая за разговором на экране бортовой консоли.

— Я кое о чем хочу знать, — наконец змея в красном пиджаке нарушила молчание и погрозила мне брикетом кальяна.

Несомненно. Как всегда.

Но тиски вокруг моего сердца медленно разжимались. Выходило, что Магда еще ничего не знает про уютный дом, кулон или заказ «Котелков». Я отложил пустую бутылку, постарался придать лицу заинтересованное выражение и оперся локтями на колени.

— Нискирич собирается устроить передел, — равнодушно глядя в окно, сказала Магда, тихонько постукивая кальяном по янтарному браслету на правой лапе. — Мы оба знаем, что в последнее время он мобилизовал немало новых казоку-йодда и увеличил производство препаратов. Я полагаю, он нацелился на север и задумал расширить рынок сбыта. Для этого ему придется отбить у «Вертких прыгунов» бедные кварталы на границах Колберга и Ишель-фава.

— Ты знаешь больше меня, — изумился я. Почти неподдельно.

— Желаю быть в курсе, насколько серьезной может оказаться заваруха, — не дрогнув, продолжила Магда. — Подтверди или опровергни слухи о грядущем отжиме у «Прыгунов» свинобойнь и гидропонных ферм на южных улицах Колберга. Если приближающаяся война подвергнет безопасности гнездо и я узнаю об этом не от тебя, одному из нас придется крепко

пожалеть.

Она говорила спокойно и даже ласково, как и привыкла. За моей спиной попискивал Жи-ми, и со стороны беседа могла показаться дружеским трепом на малозначительные темы. Но для меня температура в салоне «Крейса» внезапно упала почти до нуля…

— Мне почти ничего не известно, — сознался я, ощущая в горле поганый комок. — Нискирич и вправду что-то готовит. И бойцов собирает. Но суета вряд ли выплеснется за границы Бонжура. Скорее речь пойдет о возврате позиций, много лет назад утраченных его отцом.

— А Базар?

— Это личное.

— Пока я не решу иначе.

— Пока ты не решишь иначе…

Унижение сковало меня, словно моток колючей проволоки — не пошевелиться, не изранившись. Ноги стали ватными, мгновенно разболелись все полученные за день побои. Байши, чувство было столь сильно, что я даже забыл про проклятый кулон!

Сцепив подрагивающие пальцы, я уставился на мыски своих грязных ботинок и глубоким вздохом невольно втянул пряный аромат «карамели».

— Магда, послушай… — не удержавшись и все-таки облизнув пересохшие губы, негромко ответил я. — Если услышу что-то действительно важное, это сразу же будет у тебя. — А затем сделал неопределенный жест в окно: — Но прошу, не нужно вот так вот подвергать меня риску?

— Если мы узнаем, что Нискирич стал проявлять неожиданный интерес к Гариб-базару, а ты по природной рассеянности забыл ввести нас в курс дела, я сильно расстроюсь, — пропустив мою законную просьбу мимо ушей, твердо добавила чу-ха в красном.

— Я могу идти?

— Проваливай, — с зубастой улыбкой отмахнулась Магда, убирая кальян в сумочку. И вдруг, когда я уже потянулся к дверной ручке, попросила — жестко, будто гвоздь вколотила: — Но сперва скажи это.

Я прикусил губу и тяжело опустился обратно. Иногда проволока затягивалась так крепко, что вызывала не страх, а гнев.

— Скажи сама, — не узнавая собственный голос, предложил я.

— И все же я настаиваю. — Чу-ха поглаживала янтарные бусы на темно-серой шерсти и не переставала улыбаться.

— Не переломишься, — злобно парировал я, и глаза Магды опасно сузились.

Если бы Ланс фер Скичира внутри меня мог обрести тело хотя бы на долю секунды, я получил бы от самого себя такой удар по яйцам, что неделю не встал бы с кровати…

— Ты слишком дерзкий для одинокого изгоя, Лансик, — напряженно ухмыльнулась Красная Вистар.

— А ты слишком самоуверенна для одинокой сучки, — оскалился я, уже ожидая удара в шею.

Но его не последовало. Я выдержал обжигающий взгляд из-под алых ресниц, прихватил рюкзак и все же открыл дверь фаэтона.

— Ты успел забыть, что меня никогда не цепляли твои подначки, Лансик, — с вздохом произнесла Магда. Вынула из сумочки сканер умного корректировщика косметики, откинула вуаль на лоб и пробежалась по узкой морде прозрачным лучом, проверяя безупречность вечернего раскраса. — Так мне долго ждать?

— Предпочту еще послушать твоего волшебного голоса.

Моя левая нога уже стояла на влажном тротуаре. Я ждал едких угроз или металлических приказов, но Магда неожиданно сдалась.

— Хорошо, скажу сама, — вдруг приободрилась она, пряча косметический прибор.

И сказала. Не то, чтобы традиционную фразу, но своего рода персональный фонетический фиксатор Ланса фер Скичиры, использовать который тварь не забывала (или заставляла меня самого) не реже раза в пару месяцев.

— *Тебе не покинуть Юдайна-Сити живым*, — почти прошептала чу-ха в красном и янтаре, лукаво подмигнув на прощание из-под дымчатой сетки. — Ты же всегда это понимал?

Я покосился на нее, поймал внимательный взгляд Жи-ми, втянул еще немного пропахшего дурманом воздуха салона и чуть не проблевался. Свободной рукой накинул капюшон, выскользнул наружу.

— Концерт окончен? — сплюнув под пузатое колесо «Крейса», уточнил я напоследок. — Тогда до новых встреч.

И захлопнул дверцу.

Фаэтон «Голубого Лотоса» без промедления поднялся в воздух, скользнул к перекрестку и растворился в потоке ярких габаритных огней. Роскошный транспорт силового крыла тайной канцелярии Смиренных Прислужников не носил ни единого опознавательного знака, но парящие рядом легковушки раздвигались в стороны, будто «Крейс» Магды был заключен в

невидимую отталкивающую сферу…

Двигаться я смог только через минуту, все это время, будто Куирколь, бездумно всматриваясь вслед улетевшему фаэтону. Затем тело сотрясла дрожь, рюкзак чуть не выскользнул в лужу, но я удержал. Снова сплюнул, но жалко и вязко, испачкав пальто. Утерся, размазав, и заставил себя отойти от обочины.

Насколько Магда права, утверждая, что своей жизнью я обязан вовсе не «Детям», а ей? О, этот вопрос я задавал себе сотни раз… И вот снова. Опять на грани. Опять на тонком острие опасной иглы, под которой раскинулась хищная бездна. Балансируй, Ланс, и не вздумай терять равновесие!

Я задрал рукав и поднял левую руку к лицу. Перехватил запястье пальцами правой, чтобы «болтушка» не тряслась. Открыл базу вызовов, нашел нужный, послал сигнал.

— Слушай, надеюсь, у тебя добрые вести? — ответили мне вместо приветствия.

— Работа выполнена, — хрипло произнес я и вновь ощутил тяжесть убогого кулона.

— Яри-яри, Ланс, это просто прекрасно! — свето-струнный слепок Перстней над моим гаппи расплылся в довольной улыбке. — Где тебя перехватить?

praeteritum

Я продолжаю постигать и забывать.

Эта виртуозная рокировка в моем сознании так легка и непринужденна, что часть образов мягко уже подменена новыми, а оставшиеся не у дел выглядят нелепыми нагромождениями искусственных слов. Полностью перестроившись на мышление чу-ха-хойя, я больше не уверен, где настоящее слово, а где выдумка и бессвязное лепетание.

Орбитальный лифт, консульство, генератор, цирк, шпинат, лайнер, акула, реконкиста, видеосигнал, батискаф, волейбол, карбон, микроволны, подсолнух, искусственное оплодотворение и мотороллер неумолимо заносит песком забвения, словно руины огромных бетонных комплексов, которые Стиб-Уиирта обходят в пустыне.

К концу второго месяца похода однообразные пустоши внезапно остаются за спиной вместе с душной жарой. Оставляя восход по левую руку, теперь мы кочуем вдоль берега широченной неторопливой реки. Вдоль ее берега виднеются деревни, и это совсем не жалкие мазанки осевших пустынных стай; я с удивлением замечаю бетонные постройки, рослые ветряки, системы водозабора и линии электропередач.

А впереди на горизонте темнеет огромное пылевое облако, будто застывший клокочущий самум. Местные жители — тоже крысолюди, но чуточку другие, — опасливо косятся на незваных гостей из Стиб-Уиирта, нам тут явно не рады.

На третий день кочевки вдоль большой воды мы выходим к городу, о котором я уже успел немало узнать, но у меня все равно отвисает челюсть. Все спокойное и повседневное сразу кажется тщетным и недостойным, а тяготы перехода мгновенно становятся малозначительными, как и мое незавидное положение пленного прислужника. Раба, если говорить откровенно…

Первым делом я вижу махину башни в сердцевине облака из пыли и промышленных выбросов, которую называют «Слюдяным небесным мостом». Она колоссальна, словно меч великана, вбитый в землю из белоснежных облаков.

Следом я замечаю силуэты прочих высоких зданий, бетонные эстакады, широкополосные магистрали, пеструю мозаику дорожных знаков и указателей, и от увиденного теряю дар речи. Вместе с последними остатками призрачных псевдовоспоминаний…

Терроризм, циклон, монархия, сверхновая, мультиплекс, пчела, контактные линзы, инцест, аспирин, самолет, подкова, эпителий,

полиэтилен, блюз, социум, дорожная разметка, фуникулер, распад ядра, паук, лейкоцит и яблочный джем — этих слов никогда не существовало в их первозданном понимании. Их изначальный смысл больше неизвестен мне, они стали миражами и фантомами моего воспаленного рассудка. Они подменились.

С расстояния в несколько километров я смотрю на Юдайна-Сити из хвоста кочевой процессии и понимаю, что отныне в моем сознании нет места ничему главнее, чем этот чудовищно-огромный город.

К вечеру того же дня Стиб-Уиирта размещаются на стоянку.

Место выбрано на холме, вокруг которого приткнулись сразу три поселка. Те, кого здесь именуют без уважительной приставки «хойя», трудолюбиво выращивают в герметичных загонах овощи и скот. Они сразу отправляют к нам вооруженную делегацию, но старейшины привычно договариваются с фермерами и выкупают для племени право провести здесь пару дней.

Самки и подростки снова ставят шатры, я привычно присоединяюсь к ним в этой непростой работе. Но меня зачем-то зовут к старейшинам. В груди поселяется недоброе предчувствие, я неохотно подчиняюсь.

И с недоумением узнаю, что меня включают в состав экспедиции, которая пойдет в Юдайна-Сити. Тогда я еще не понимаю, что это значит, и даже упираюсь решению. Джу-бир-Амрат тоже недоволен приказу старейшин, но не спорит и даже повышает на меня голос. Решение определенно принадлежит не моему господину, но он вынужден смириться. Как и я…

Мы отправляемся в пыльный, шумный город — восемнадцать взрослых самцов и я, закутанный в балахон так, что едва различаю дорогу через щель в глухом капюшоне.

Буар-хитты и боеприпасы оставлены в лагере, отряд вооружен лишь ножами, за спинами качаются увесистые рюкзаки с трофеями из пустыни, один такой выдают и мне. К своему стыду я далеко не сразу соображаю, что делегация идет торговать. И уже отнюдь не по своей вине многим позже узнаю, что район, через который мы входим в Юдайна-Сити, называется Ишель-фав.

Специальное место, куда направляются воины и старейшины Стиб-Уиирта, носит собственное имя — Витрина Милашек. И является, что открывается мне совсем скоро, обыкновенным невольничьим рынком…

Всю дорогу люто хочется скинуть плащ и осмотреться. Творящееся вокруг светошумовое безумие потрясает, пугает, завораживает и дергает в душе невидимые струны, заставляя вибрировать все тело.

Над нами с гулом проносятся летающие телеги, по улицам

текут нескончаемые потоки двухколесных самодвижущихся устройств, всюду в небо упираются невероятно огромные дома-скалы, все сверкает, шумит и сигналит.

Тогда же я неожиданно осознаю, что в какой-то момент уже начал ассоциировать себя с сыновьями пустыни; громкие звуки давят, лупят, прижимают, и я осторожно потираю гудящие виски, с которых несколько дней назад окончательно отлетели пружинистые колючие диски. Я ежусь, вздрагиваю и пугливо отшатываюсь от самокатов, стараясь не отставать от не менее взволнованных спутников.

Однако подспудно, и в этом я не признаюсь даже Амрату, я ощущаю невероятный комфорт. Так, должно быть, чувствует себя пойманная ящерица, которую неделями держали в мешке на потеху детишкам, а затем вдруг выпустили на волю. Вот только ящер убегает в родную пустошь, а я сердцем чую, что меня зовет именно многослойное гнездо…

Стараюсь никак не показать этого, но всей душой надеюсь, что мы задержимся тут подольше. Мне простительно так думать и тешить себя наивными надеждами, потому что тогда я не имею ни малейшего понятия о замысле старших Стиб-Уиирта.

*Нас окружают городские чу-ха, и они тоже отличаются от кочевников. Во-первых, потому что каждый из них имеет длинный темно-серый, с розовым оттенком хвост; во-вторых, более тяжелыми челюстями, походками и взглядами, в том числе намеренно-презрительными, которыми провожают нашу делегацию; а еще тьмой вспомогательных устройств, имплантатов и вживлений. И г**о**вором. И даже скоростью речи.*

Витрина Милашек оказывается огромным подземным базаром, все спуски на который охраняют неприятные вооруженные головорезы. В их лапах я вижу отнюдь не самодельные буар-хитты, а любую подозрительную личность бандиты жестко вышвыривают прочь без малейших колебаний. Я понимаю, что если в этом удивительном городе и существуют старейшины и принадлежащие им воины правопорядка, то сюда им вход явно заказан…

Внутри Витрины творится настоящий кошмар.

Полый подземный купол наполнен шумом, беготней, выкриками, диким смехом, плачем и грохотом отвратительной музыки. Кочевники ловким ручейком протекают внутрь, находят укромный уголок у стены, где меня сажают на пол под присмотром Джу-бир-Амрата и еще парочки охотников. Остальные забирают нашу поклажу и уходят сбывать товар.

Возвращаются через час или два, за которые я едва не глохну от рваной какофонии. Возвращаются налегке, но недовольные.

Собираются в кучку, принимаются шептаться. Амрат спорит, и я отчего-то вспоминаю жаркий день, когда Стиб-Уиирта нашли меня в пустыне. Мой хозяин мрачен, немногословен и лишь отрывисто кивает.

И тогда меня уводят на рабский торг.

Что бы там, как я узнаю значительно позже, не утверждали смирпы, институт рабства в Юдайна-Сити процветает не первый год и даже не думает вянуть. Несмотря на относительную близость к центру города, в Витрине можно купить невольницу для постельных утех, а можно прислугу, которая никогда в жизни не покинет хозяйского дома; или работников на нелегальные фабрики и комбинаты, где продолжительность жизни горемычных чу-ха будет куда меньше, чем у механизмов, которые им предстоит обслуживать…

Но такого как я? Такого Витрина Милашек через себя еще не пропускала…

Старейшины это осознают, несмотря на все мыслительные различия с городскими. И долго шепчутся с распорядителями торгов, устанавливая достойный ценник и нагоняя интриги на ожидающих покупателей.

А затем шумному подвыпившему народу Витрины показывают меня. Выводят на помост, врубают пару мощных прожекторов и заставляют лысую зверушку до пояса стянуть штопаный балахон.

Витрина Милашек замолкает, и тишина волной катится по огромному залу, словно холодная ночная тьма по пустыне. Они пялятся на меня, сотни чу-ха, они открывают пасти от удивления и недоверчиво трут крохотные глазки. Кто-то брезгливо морщится, кто-то плюет на пол, кто-то чертит охранные знаки.

Но есть и те, кто охвачен настоящим интересом. Эти подбираются поближе, оттирают праздных зевак, разбирают таблички с номерами и начинают суматошный торг.

Я качаюсь от страха, щурюсь от яркого света и невидящим взглядом пытаюсь перехватить взгляд Джу-бир-Амрата. Молча умоляю его не делать этого. Молча умоляю забрать меня в пустыню, где я буду помогать отстирывать накидки раскаленным песком, где ночью воздух прохладен и колюч, где злобные детишки умеют зашептывать сусликов и каменных жаб.

Мой хозяин не выдерживает этого жалкого молящего взора. Накинув капюшон, Амрат уходит с рынка, и больше я его никогда не увижу…

Мне страшно, жарко, нестерпимо хочется в туалет, я унижен и раздавлен.

Передо мной вскидывают одну табличку за другой, рядом беснуется распорядитель. К финалу торгов остаются лишь трое

толстосумов, а от озвученных сумм поджидающие концовки кочевники за сценой радостно подвывают. Все трое претендентов явно при деньгах, кажутся важными персонами и держатся так, словно выиграть у соперника — дело чести.

На очередном повышении цены один со злостью отсеивается. Оставшаяся парочка продолжает торг, причем мой будущий хозяин вообще не скрывает восторга. Еще бы! Он никогда в жизни не видел такую причудливую зверушку, вдобавок способную шить, убирать комнату и — о чудо! — даже разговаривать!

Плечистый, ушастый, высокий и мордатый, с густой черной шерстью и множеством шрамов под ней; он носит вещи только из грубой синей ткани, хотя под курткой виднеется черно-желтая безрукавка. То и дело вскидывая табличку, он без устали дымит странным тлеющим свертком в зубах.

Его отговаривают, это заметно даже сквозь ослепительные зарницы прожекторов. Возле черношкурого крепыша отираются еще несколько чу-ха в похожих клетчатых жилетах. Шипят, советуют, осторожно негодуют. Сумма слишком велика. Он сошел с ума. Зачем ему тратить деньги на это убожество?! На игрушку, которая выглядит так, будто издохнет через день?

Но мой будущий покупатель уже вошел в азарт и лишь небрежно отмахивается. А еще я слышу, как он говорит что-то про доброе предчувствие. И что вообще не привык отступать…

В итоге его оппонент сдается. Раздосадовано машет лапой, бормочет проклятья, сетует на жадность и безумие, и уходит. А победитель откровенно ликует, выпускает огромные облака дыма и довольно потирает широкие ладони. Его помощники идут к распорядителю рассчитываться за необычную покупку. Кочевники за помостом громко возносят хвалу своей удачливости и мудрому решению Джу-бир-Амрата.

Имя своего будущего отчима я узнаю только в особняке-крепости «Детей заполночи», доставленный туда, будто вещь, в тесном багажнике фаэтона…

Глава 12. ОГНЮ ПЛЕВАТЬ

Встречаться решили на мосту Тобу, в гнезде более известном, как Доска Прыгунов. Причина повышенного интереса потенциальных самоубийц к высотной конструкции была проста: южным концом нырявший в Бонжур, ажурный мост соединял почти отвесные склоны холмов Карига и Хошш, а под ним бурлили сразу несколько настолько загруженных фаэтонами полетных магистралей, что прыжок через перила гарантировал стопроцентную смерть.

На Юдайна-Сити снова навалился мелкий липкий дождь, только усиливший гадливое впечатление на душе после внезапного визита Магды. Высотки спрятались за мутной пеленой, без устали бомбардируя завесу полотнищами сверкающей рекламы. Затмевая звезды, по темному небу красочными миражами плавали ветростаты.

Облокотившись на перила, я задумчиво разглядывал раскинувшиеся меж холмов районы. Ночной город, как обычно, казался красивым, ярким, празднично-пестрым и неугомонным. Его возбуждающие токи пробивались даже сквозь тягостную непогоду, вынуждая беспрестанно оглядываться и жадно впитывать едкий наэлектризованный ритм.

Несмотря на весь гнет, мимолетную жестокость и коварство, Юдайна-Сити сумел покорить и убедить в том, что стал моим домом. И если Красная Вистар в один прекрасный день решится исполнить традиционную угрозу, я стану жалеть не об утраченной жизни, а о том, что больше никогда не пройдусь по этим узким, шумным и болезненно-ярким улицам гнезда…

Обманчиво-знакомый черный «Крейс» подкатил только через десять минут. Точнее, это чуть позже я заметил, что фаэтон все же принадлежит «Желтым котелкам», а в первую секунду (когда транспорт только вынырнул из влажной пелены, включил аварийные сигналы и снизился к пешеходной дорожке) вдруг решил, что Магда что-то разнюхала и вернулась за мной.

Подавив дрожь, я отлепился от мокрых перил и двинулся к проезжей части, но на этот раз в салон меня не пригласили. Выбравшись из фаэтона и брезгливо перешагивая лужи, через невысокое ограждение ко мне перебрался Перстни.

Как и несколько бесконечных часов назад, он выглядел безупречно-холеным, а серебряные кольца загадочно посверкивали. Яркое пятно лимонной шляпы скакнуло, когда чуха ловко перемахнул через ограду.

— Скучаешь? — оправляя кожаные полы, поинтересовался

модник.

— По вам-то? — я криво улыбнулся, ощутив укол боли в драной скуле. — Места себе не нахожу.

Перстни остановился напротив и сунул лапы в просторные карманы френча. Изучал меня с лукавым прищуром, будто ожидая, что к делу перейду именно я. Не дождался, вздернул лакированный воротник и с вызовом спросил:

— Ты действительно сделал это, Ланс?

Я удержался от очередной колкости. Отвернув лацкан мокрого пальто, сунул руку за пазуху (Перстни слегка вздрогнул, а в его кармане щелкнул предохранитель башера) и вынул кулон. Поднял в раскрытой ладони, но тут же сжал кулак.

— Слушай, ты — красавчик, — с уважением протянул Перстни, осторожно вернув оружие на предохранитель. И многозначительно дернул исполосованной мордой, указывая на мой шрам: — Тяжко пришлось?

— Бывало хуже.

— Кто-то из ублюдков Псины?

— Да просто об дверь ударился.

Перстни улыбнулся и задумчиво качнулся на пятках.

— Ну, пилюльки оплатить тебе точно хватит, — по-отечески успокоил он, перехватывая хвост на изгиб левого локтя, чтобы не касался луж.

— И бонус за оперативность, — бесцветным голосом напомнил я.

— Несомненно, Ланс. — Чу-ха вынул из кармана правую лапу и протянул мне раскрытую ладонь. Кольца сверкали. — Давай.

Я взвесил кулон на ладони и поморщился так, словно силился вспомнить что-то важное. Затем улыбнулся и мечтательно взглянул за перила Тобу.

— Хорошо, — снова оскалился «Котелок».

Отвернулся к «Крейсу», пригнулся к угольно-черному окну и пощелкал длинными пальцами. Украшения приятно звякнули. Не успел чу-ха снова обернуться ко мне, на гаппи пришел сигнал. Окантовкой кулона оттянув край рукава, я бросил на запястный дисплей короткий взгляд и убедился, что счет пополнен обещанной суммой.

Тогда сделал шаг вперед и вложил кулон в широкую лапу Перстней.

Тот повел носом и поднял украшение на уровень глаз, будто собирался проверить зеленый камень на просвет. Покрутил, поморщился, понюхал и спрятал за пазухой. А я вдруг поймал себя на мысли, что передал опасный подарок Гладкого вовсе не без сожаления о том, что успел так мало о нем узнать…

— Слушай, ты правда молодчина, — вдруг сказал Перстни, хотя я не ожидал от стиляги ничего, кроме прощальной подначки. И вдруг добавил чуть тише: — Уверен, этого не забудут ни наши казоку-хетто, ни господин фер вис Кри.

Меня передернуло, будто в ногу вонзили иглу.

Конечно, я понимал, на кого работают «Котелки». Но одно дело — предполагать. И совсем другое, услышать неумолимое подтверждение.

Про таких, как Хадекин фер вис Кри в Юдайна-Сити знали даже неразумные детишки. Но чем старше эти детишки становились, тем отчетливее понимали, что лучше бы не слышали вовсе. Не говоря уже о недопустимости личного знакомства или оказания «услуг». Впрочем, в моем случае это я оказал главе «Диктата» услугу, а не наоборот…

Про него много говорили, но мало знали наверняка. Шептали, что Хадекин Кри является самым долгоживущим обитателем гнезда, пережил дюжину крупнейших исторических событий и уцелел в сотне покушений. С каждым новым витком пересказа приукрашивали его мощь и дальновидность. Обсуждали специальный самоходный саркофаг, вне которого могущественный старик не протянул бы и четверти часа. И, разумеется, боялись до усрачки…

Я сглотнул невидимый холодный шарик и легко поклонился Перстням. Ответил вкрадчиво, как если бы начинал «низкий писк», но вполне искренне:

— Передавай уважаемым господам мою благодарность за возможность взяться за предложенную ими высокооплачиваемую работу.

Модник самодовольно кивнул, и я небезосновательно допустил, что привлечь к работе Ланса Скичиру своим хозяевам предложил именно Перстни.

— Красавчик, Ланс! — подмигнул тот, с легкостью подростка перемахивая ограждение и возвращаясь к фаэтону. Беззаботно махнул лапой и открыл дверь, напутственно бросив через плечо: — Оставайся живым и целым, пунчи!

Я насупился и шагнул следом.

— Может, подбросите до дома?!

Перстни, уже почти исчезнувший в салоне, замер и в недоумении обернулся.

— Слушай, не наглей, бесхвостый, — хохотнул он, укоризненно склоняя голову, — пройдешься. Ты ж только глянь, какая чудесная погодка!

А затем сел в «Крейс», захлопнул дверь и через пару мгновений укатил прочь.

Да. Пройдусь. Чего бы не пройтись? Погодка действительно в норме.

Я покрутил под перчаткой колечко Аммы и хмыкнул собственным мыслям. А затем оправил капюшон, поглубже вбил руки в карманы и зашагал в сторону холма Хошш к ближайшей станции транзита.

Перстни, как бы его там на самом деле не звали, на деле оказался прав — прогулка дала возможность хорошенько проветрить голову и привести мысли в порядок. Выстроить план дальнейших действий и несколько раз повторить его необходимость. Возможно, чу-ха вроде Нискирича могли бы обвинить меня в излишней сентиментальности, но… я таков, какой есть, не так ли любят хвастать все неудачники Тиама?

На подходе к транзиту я связался с Сапфир. Без слепка, чтобы подруга не расчувствовалась по поводу рассеченного лица. Та, конечно же, переживала. Где был? Все ли в порядке? Почему весь день не давал о себе знать?

Если до родного дома и добрались какие-то слухи о случившемся в городе, умничка никак не дала понять, что находится в курсе. Когда хозяйка «Гущи» стала интересоваться, когда я в последний раз ел, мне пришлось вежливо прервать поток заботы. И задать прямой вопрос — сможет ли Сапфир раздобыть домашний адрес Подверни Штанину?

— Конечно, милая, спасибо, буду ждать… Конечно, обещаю! — И я закончил сеанс.

Она, разумеется, смогла. Адрес механика ссыпался на мою «болтушку» уже в вагоне транзита, не слишком поздно, но все же заставив вернуться на одну станцию. Сориентировавшись по настенной интерактивной карте, я выбрался на поверхность, с облегчением вдохнув воздух милого Бонжура.

Не снимая капюшона, я зашагал по знакомым улицам, в просветах меж многоэтажками высматривая силуэт «Куска угля», от которого сейчас меня отделяло всего несколько массивных комплеблоковых кварталов.

Ночные улицы галдели и сверкали рекламой, встреченные «Дети» махали и приветливо скрещивали пальцы. Готов биться об заклад, уже через минуту первый из них донес фер Скичире-старшему о ране на моем лице, но об этом мне предстояло подумать лишь завтра.

Кивая знакомым в ответ, я натянуто улыбался незнакомым и неспешно брел в сторону громадины «Комплеблока-11/71».

Я был обязан сделать задуманное. А затем, без сомнения, в лавку.

Да, в продуктовую лавку неподалеку от «Куска». Купить

паймы. И туалетной бумаги. Побольше и того, и другого. Иногда мне казалось, что этот милый дуэт как нельзя лучше символизировал всю мою жизнь — крепкая пайма и мягкая бумага для жоп…

Поднявшись на двадцать третий этаж, я двинулся по размалеванным баллонами коридорам в поисках нужной норы. Двери, пролеты и даже отдельные рисунки напоминали мое собственное жилище, причем подчас в мельчайших деталях. В углах все так же копились компании малолеток, игравших в азартное или втихаря балдевших над кальянами с «карамелью».

Перед нужной дверью я замешкался. Еще раз все взвесил, почти передумал, но заставил себя поднять руку и со злостью ткнуть пальцем в треснувшую панель вызова.

Дверь открыли почти сразу. Тощий босой крысеныш, одетый столь же бесполо, как и выглядел, с игривым интересом уставился на бесхвостого уродца в щель приоткрытой двери и с азартом поковырялся в носу.

— Отец дома? — негромко спросил я, в душе надеясь, что Подверни работает в ночную.

Не срослось.

Пискляво завопив: «Паа-а-а! Тут к тебе-е-е!», мелкий с топотом скрылся в недрах норы, предоставив мне выбор — ждать на пороге или войти. Я вошел.

И сразу понял, что разуваться не стоит — если немалая семья Подверни и жила по заветам кизо-даридрата, то у самой нижней его границы, за которой распахивала свои объятья самая настоящая бедность.

В тесной комнате, куда открывался прекрасной вид из узкой прихожей, обнаружились сразу шестеро детей самого разного возраста. В «загоне» копошился самый крохотный, еще толком не научившийся ходить. Двое постарше играли с кубиками из прессованного мусора. Самочка-подросток сосредоточенно красила когти на нижних лапах, на меня даже не взглянув. Открывший мне дверь малец тут же присоединился к игре с братьями (или сестрами?), а последний — возрастом чуть моложе Лепестка Кринго, равнодушно вернулся к игре на старенькой консоли, один фрагмент которой крепился на левую лапу, а второй охватывал шею.

Из общежилищной консоли скрежетала пронзительная композиция «ВЧР», пищал мохнатый комок в «загоне», из пищевой зоны тянуло пригорелым. Прикрыв дверь и остановившись на пороге, я прислонился к косяку и приготовился ждать.

Пришлось недолго — дверь в родительскую спальню сдвинулась в сторону, и в гостиную выбрался Подверни, сонно

растирающий морду. На нем была простая и весьма застиранная домашняя одежда, отчего механик казался еще более неказистым и старым, чем утром.

Заметив меня, он вздрогнул так, что кончик хвоста стукнул по ножке ближайшего кресла. Сон мигом слетел с его морды, глаза заблестели. Дрожащими пальцами пригладив встопорщившуюся на макушке шерсть, чу-ха медленно оглядел комнату и вдруг громко произнес, причем властно и строго, что не совсем вязалось с довольно жалким видом:

— Дети! — Пятеро отпрысков семейства тут же оставили дела и с тревогой уставились на помрачневшего отца. — В спальню, сейчас же. Шинна, забери малыша.

Малолетки слиняли из гостиной быстро и слажено, будто взвод добротно вымуштрованных кубба из тетронских спецподразделений. Забрав из «вольера» самого маленького, не докрасившая когти Шинна на прощание смерила меня уничижительным взглядом.

Услышав окрик, на пороге пищевой каморки появилась немолодая чу-ха в простом домашнем платье. Уставилась на меня, ойкнула, взглянула на Подверни и вдруг всхлипнула. Прижав перемазанную тестом лапу к губам, она мгновенно исчезла из виду и прикрыла дверь, из-за которой теперь неслись сдавленные подвывания.

Механик мялся и откровенно потел.

— Тяжелый день? — сипло спросил он, осматривая рану на скуле. — Господин Ланс, мне очень жаль, если моя утренняя просьба привела к таким…

— Оставь, пунчи, — мягко, но решительно оборвал его я. И зачем-то добавил: — Это другое. Ну, то есть, и твоя просьба тоже… но другое… Сисадда? В общем, забудь.

Под аккомпанемент модной визгливой музыки, которую я так и не понимал, мы изрядно помолчали. Затем Подверни Штанину сделал ко мне пару шагов, судорожно вздохнул и наконец осмелился спросить:

— Почему вы здесь, господин Ланс?

Я скинул капюшон и задумчиво потер щетину. Идея заявиться к заказчику уже не казалась мне единственно верной, но отступать было поздно.

— Присядь-ка, пунчи, — попросил я, косясь в сторону пищевой комнаты.

— Постою, — почти спокойно ответил механик, но голос его дрогнул.

— Я выполнил работу, — тогда сказал я, стараясь не смотреть Подверни в глаза. — И нашел твоего сына.

— Живым? — сдавленно уточнил тот.

Мне все же пришлось отдать ему свой взгляд. И медленно покачать головой.

— Нет. Прости…

Он все-таки присел. В то самое кресло, по которому шлепнул хвостом. Точнее — упал на его драную продавленную обшивку, растирая уши верхними лапами.

Тишина длилась довольно долго, нарушаемая лишь музыкой, новостными обзорами прокламаторов из консоли, да тонкими всхлипами из постряпочной. Дети в своей комнате в дальнем конце коридора тоже были удивительно тихими, наверняка подслушивая разговор.

— Как это случилось? — наконец спросил Подверни Штанину, глядя в грязный пол.

— Несчастный случай, если так можно сказать, — ответил я, в сотый раз пожалев, что перед визитом к клиенту не завернул в закусочную опрокинуть пиалку. — Возможно, совсем скоро на улицах ты услышишь, что это было работой Лепестка Кринго. Не стоит этому верить.

Механик поднял голову и внимательно уставился мне в глаза, пытаясь осмыслить услышанное. Он все еще не осознал, и я не мог винить его за это.

Тогда я начал рассказывать. Осторожно, тщательно дозируя информацию и опуская излишние подробности. Про сомнительные знакомства без имен и кличек, про темные делишки его мертвого сына без подробностей, про ночной поход в уютный дом Заботливой Лоло, про синтета и немыслимый сбой.

С легким нажимом намекнул, что тела Гладкого Мисмис родные не найдут, и похороны придется устроить символические. Как и пообещал кукуга, Симайну я сдал по полной программе, напоследок перебросив краткое отредактированное досье на гаппи механика.

Без оценок и выводов объяснил тому, что работница Лоло всецело признает свою вину, но до одури — как настоящая живая чу-ха, — боится последствий. В детали нашего с ней разговора я не вдавался, но упомянул, что теперь онсэн в бегах, и у Подверни Штанину остается всего несколько вариантов: попробовать самостоятельно найти кукуга-девианта или передать информацию «полосатым рубашкам». Следов убийства в уютном доме тетроны, готов ручаться, не найдут, но за что-то да зацепятся…

Подверни молчал несколько минут.

Я, все еще подпиравший плечом дверной косяк, не торопил. Ждал вопросов, уточнений, доказательств или опровержений. Но

вместо этого механик вдруг вскинул голову и глаза его распахнулись. Без лишних слов, будто прочитав его мысли, я вдруг осознал, что последует дальше.

— Нет! — отрезал я твердо и чуть громче нужного, добавив уже мягче и тише: — Пойми, пунчи, я не наемный убийца, чтобы там про меня не сочиняла улица… И именем своим дорожу, так что если ты что-то задумал… а я вижу, что задумал… это точно не ко мне.

Губа Подверни Штанину дрогнула.

— Господин Ланс, — прошептал он, — но вы же состоите… то есть имеете друзей… и даже родственников в братстве господина Скичиры!

Я медленно покачал головой.

— Нет, Подверни. Я не стану твоим посредником. Если задумаешь взять вожжи правосудия в свои лапы, тебе придется прийти к Нискиричу лично.

Он понял. Поник. Опустил голову, спрятав морду в широких мозолистых лапах. А затем, наконец, заплакал, горько и порывисто.

п.1; г.12; finis

Байши… Выпивая с собственными отражениями, я неоднократно видел, как плачу сам. Молча и безмолвно истекая солеными каплями из глаз, топя жалость к себе в еще большей жалости. С Подверни вышло иначе — подвывая и кусая губы, он начал царапать седеющие щеки, причем сильно, в кровь. Убедившись, что опасения подтвердились, в пищевой комнатке в полный голос взвыла жена, в конце коридора заревело несколько детей.

Осторожно отступив к входной двери, я беззвучно открыл створку и вышел из норы семейства Мисмис…

На душе было пусто и ветрено. И холодно. Свет уличной рекламы вдруг болезненно резанул по глазам, крики зазывал скрежетали, будто росчерки гвоздя по тарелке. Едва справившись с растущим раздражением, я торопливо свернул в темные дворы — в череду залитых тревожным мраком колодцев, наполненных самым подозрительным народцем.

Ловя на себе встревоженные, дерзкие и напуганные взгляды торговцев всем, что можно купить или продать, двинулся к собственному дому, почти не глядя по сторонам. Местной шпаны я не боялся и в обычные дни, а уж сейчас… Что лукавить? Сейчас мне не только было наплевать на возможную агрессию, но я едва ли не осознанно искал доброй драки…

Но ее не случилось. Вместо этого — когда я пересекал уже второй колодец, а глыба «Комплеблока-4/49»» надвинулась так, что скрыла часть небосвода, — на моем запястье просигналила «болтушка». Которую я сонно включил, даже не заметив, что вызывают со скрытого профиля, а передача свето-струнных слепков надежно заблокирована.

— Доброй ночи, Ланс, — раздалось в моем заушнике.

Я остановился прямо посреди двора. Группка малолетних толкачей «Разбега» на измызганном диване поверх искусственной клумбы спешно пошепталась и предпочла убраться подальше.

Разумеется, я узнал голос в гаппи, хотя сегодня и услышал его впервые в жизни. И подумал, что он — наименее желанное в завершение этого восхитительного денечка…

— Господин фер Сакага, — хрипло ответил я. — Не спится? Чем обязан?

Пыльный усмехнулся, и я воочию представил себе его хищный оскал с безупречно-белыми резцами и титановыми клыками под верхней губой.

— Разве я не могу позвонить своему новому приятелю, чтобы

просто поболтать? — вкрадчиво поинтересовался он.

— О-о, — задорно протянул я, не испытывая ни капли веселья, — мы стали приятелями!

Вокруг меня словно образовалась зона отчуждения — наблюдая за мутантом-терюнаши, надломленно болтающим с ночной пустотой посреди квадратного двора, местные предпочли на всякий случай расползтись во мрак густых теней.

— Как славно! — добавил я. — Займешь десять тысяч?

— Да, ты действительно забавный, — сказал Сакага, и теперь его голос стал чуть жестче. — Послушай, Ланс… с тобой хотят поговорить. Прямо сейчас.

У меня онемело и похолодело все, что только может онеметь и похолодеть у взрослого и не очень здравомыслящего человека. Из головы мгновенно выдуло и Подверни Штанину с его трагедией, и угрозы заносчивой сучки Магды, и даже желание напиться.

Безвольно опустив руки вдоль тела, я слушал бархатистый голос Пыльного, продолжающего переходить к сути дела.

— Ланс, дружище, — произнес тот, и если бы стоял рядом, непременно похлопал бы по плечу. — В следующие несколько минут я от всей души советую набраться всего уважения и корректности, на которые ты только способен. Сисадда? Признаюсь, Ланс, я не буду слышать дальнейшего разговора. Но если после беседы вдруг пойму или предположу, что твой тон, неуместные насмешки или идиотские шуточки расстроили следующего участника предстоящего разговора, мне придется очень расстроиться на своего нового приятеля. Я доступно изложил?

— Более чем, — ответили мои губы, которые всю последнюю минуту я ощущал будто бы чужими.

— Тогда переключаю, — мягко предупредил фер Сакага. — Будь осторожен.

А затем в заушнике наступила глубокая опасная тишина. Долгая, протяжная, в какой-то момент почти убедившая меня, что Пыльный решил разыграть.

Неуверенно, словно в незнакомую темную комнату заглядывал, я произнес:

— Слушаю.

— Это очень хорошо, — без промедления ответила мне тишина, — я тоже тебя слышу, Ланс.

Голосом крепким, пружинящим, хорошо поставленным и умеющим брать самые разнообразные интонации от неподдельно-ласковой до неумолимо-приказной. Голосом, в чем я был почти уверен, принадлежащим самому Данаве фер Шири-Кегарета.

— Знаешь, с кем говоришь? — заботливо осведомился мой собеседник.

— Догадываюсь, — судорожно кивнул я, будто передача слепков не была заблокирована. — Складывать два и два научился не вчера, так что…

Я вовремя осекся, вспомнив ласковое предостережение фер Сакаги.

Сомнения, если таковые и оставались, таяли с каждой секундой. И теперь я почти на сто процентов был уверен, что говорю именно с тем, кого на улицах Юдайна-Сити называли Господином Киликили, Песчаным Карпом и сотней других имен. С Шерстью Миллиона Запахов, использующим ароматические метки трупов и заставлявшим редких «счастливчиков» верить, что те говорили с покойными знакомыми.

Я говорил с вистар по рождению, одним из самых таинственных, а оттого предельно-грозных казоку-хетто гнезда, повелителем могучей «Уроборос-гуми», персоной максимально не публичной и окружившей себя верной свитой, ведущей дела от имени лидера.

— Это очень хорошо, — благосклонно повторил Ширi-Кегарета, — я тебя понял.

— Чем могу быть полезен? — в прострации оглядывая пустынный ночной двор, спросил я, и отчего-то вспомнил слова Пыльного, сказанные мне в уютном доме Лоло.

— У меня есть основания полагать, — произнес один из самых могущественных чу-ха в городе, — что ты взялся за одну работенку.

Байши… И почему я раньше не смекнул, что воздух запах гарью еще с момента моего визита к Заботливой Лоло?

— Я часто работаю, — осторожно признал я, ощущая на спине струйку свежего пота, — без этого в нашем городе никак.

— В *моем*, — мягко поправил Господин Киликили.

Я не сразу догадался, о чем идет речь. Но исправить «оплошность» мне не позволили, потому что сразу после этого тот перешел к делу:

— Мы говорим о предмете, который ты ищешь, Ланс. Я заплачу в десять раз больше, чем тебе предложили. Если принесешь этот предмет мне, а не текущему заказчику. С доплатой за оперативность.

Меня будто ударили в живот. Заушник словно раскалился, умоляя сорвать себя с кожи и вышвырнуть в темноту; разом заболели все полученные за день раны. Но вместо того, чтобы поддаться панике, я вдруг уточнил с потрясающей хладнокровностью:

— Вы предлагаете мне нарушить профессиональный кодекс?

Несколько секунд Шири-Кегарета молчал. И когда я уже почти поверил, что сейчас он начнет ткать витиеватое полотно хитрого политического словоблудия, тот внезапно подтвердил:

— Я тебя слышу, Ланс. Совершенно верно. Но поверь, оно того стоит.

Теперь нематериальный кулак судьбы ударил меня в ухо, почти оглушив. Стук пульса стал таким громким и грозным, что почти заглушал слова собеседника. Невольно подняв правую руку, я машинально ощупал карман, в котором еще совсем недавно покоился многострадальный кулон.

Тридцать тысяч рупий. Огромная сумма, в шестьдесят раз превышающая мою стандартную таксу. Не чудовищно огромная, но позволявшая вообще не работать на протяжении нескольких лет…

Игла, на которой уже много лет балансировал ловкий малый по имени Ланс Скичира, опасно накренилась. Прямо в эту секунду.

— При всем моем уважении, господин фер Шири-Кегарета, — отлично осознавая, что своей же рукой подпиливаю основание этой призрачной иглы, ответил я, и приятно поразился тому, что голос вовсе не дрожит, — вынужден отказаться от предложения.

— Вийо? — попросил Господин Киликили. — Повтори?

Обыденно, без нажима, как будто и правда не расслышал последнюю фразу. Но меня от этого простодушия едва не стошнило…

— Поймите, я действительно благодарен за проявленный ко мне интерес, — все еще пялясь в темноту, старательно проговорил я, — но принять такое предложение не могу.

— Кодекс, верно? — с коротким вздохом спросил Шири-Кегарета. — Дело ведь не в сумме?

— Кодекс, — с неожиданным облегчением признал я. — Дело не в сумме.

— А еще… — мой невидимый собеседник теперь казался задумчивым, — ты уже нашел искомое. Я тебя понимаю. Я угадал?

На этот раз я промолчал. Проницательность Карпа пугала, но была ожидаемой — без нее, равно как без жестокости, развитой интуиции и умения видеть картину в целом, на такие высокие троны не забирались…

— Ланс, ты ведь понимаешь, что такие предложения поступают не каждый день? — Я не мог догадаться, как Шири-Кегарета истолковал мое молчание, но он продолжил загонять меня в угол. — Именно они определяют завтрашних друзей. Или

недругов.

Я огляделся в поисках скамейки, впервые осмысленно и целеустремленно за все время пребывания в дворе-колодце комплеблока. Поймавшие мой взгляд малолетние чу-ха забились еще глубже в тени, вдоль ближайшей стены пробежала пара вороватых псов. Ноги подгибались, рюкзак будто потяжелел.

Отличный день. И открытые угрозы от управляющего одной из трех наиболее сильных казоку Юдайна-Сити под его занавес — прекрасное финишное украшение.

— Разумеется, — услышал я собственный ответ и дрожащими пальцами взлохматил вспотевшие под капюшоном волосы.

— И все равно отвечаешь отказом? — деликатно уточнил Шири-Кегарета.

Чуть позже (наконец-то прикупив вожделенную бутылку и даже успев ополовинить) я размышлял, что последующая попытка была все-таки нелишней. Более того, при всех раскладах и взвешивании шансов она оставалась единственно верным решением загнанного в угол манкса. Убаюканное выпивкой сознание оспаривало это утверждение; внутренний Ланс набрасывал иные, все как один жалкие и не проходящие проверки на прочность варианты; а я глушил себя залпами мятной паймы и пытался осознать случившееся…

Но это произошло чуть позже, в иллюзорной безопасности моей главной норы. А тогда и там, в темном жерле двора, настороженно наблюдавшего за бесхвостым «Дитем заполночи», я облизнул растрескавшиеся губы и вместо ответа спросил:

— Рассказать вам кое-что интересное?

Казалось, Господин Киликили смутился. Или это мое воображение нарисовало такую картину, а на самом деле безжалостный правитель «Уроборос-гуми» и не подумал отреагировать на дерзость, совершенно спокойно согласившись:

— Я тебя слышу.

Это представлялось невероятно трудным делом.

Отсутствовал визуальный контакт, да и атмосфера была предельно неподходящей; я был вымотан и изранен; нить разговора с первых слов удерживал Шири-Кегарета, он же диктовал его ритм и нажим; мое сердце колотилось быстрее обычного, а горло сдавливал страх.

Но я все равно попробовал, вспоминая малейшие детали своих ранних экспериментов с дистанционным внушением. Сказал негромко, но уверенно, молясь всем покровителям Тиама, чтобы Сакага на самом деле не подслушивал беседу со своим повелителем.

— *Девять крохотных мышат,*

Сговорились не дышать…
Один вдруг затих не шурша,
Осталось лишь восемь мышат.

Тишина в динамике за моим правым ухом стала такой звенящей и безжизненной, что впору было подумать о поломке передатчика. Но я только вздохнул и уверенно удержался от соблазна прикоснуться к заушнику или задрать рукав и взглянуть на гаппи, лишь бы не потерять концентрацию. И продолжил зашептывать опасную бездну:

— Задохнулся второй насовсем,
И мышаток осталось семь.

Бесконечно далеко от меня Господин Киликили вдруг хмыкнул и с интересом предложил:

— Любопытно… продолжай.

Но меня не требовалось подгонять.

— Задохнулся второй насовсем,
И мышаток осталось семь.

Дыхание в заушнике участилось.

— У третьего лопнул глаз,
И шесть уже мышек сейчас.
Четвертой не устоять,
И вот уж мышей только пять.

Я читал все громче и напористее, и был почти уверен — любой наблюдавший за терюнаши чу-ха сейчас со всех лап покидает проклятый двор. Потому что если Джадуга вдруг начал ритмично нашептывать, покачиваясь на пятках и уставясь в подбрюшья ветростатов, жди беды, проклятья, засухи, рождения слепых бесхвостых детишек, сизую плесень в подвалах и падение продаж дайзу.

Они боялись меня. И Шири-Кегарета не был исключением.

К последнему двустишию мой голос обрел пик мощи, готовясь приказывать тому, кто сам привык отдавать приказы:

— Спросила тогда мышь у мыши:
Подруга, а ты вообще дышишь?
А та захлебнулась слюной,
Победу оставив одной.

Судорожно вздохнув, я с нажимом бросил в микрофон «болтушки»:

— Отречение.

— Отречение? — внезапно переспросил Господин Киликили.

Я едва не поперхнулся, как предпоследняя мышка из «низкого писка». Но заставил себя отбросить сомнения и уверенно добил фиксатором:

— Бесцветная относительность переплывает горизонт

радости.

В заушнике снова наступила тишина. Дожидаясь, пока Ширн-Кегарета повторит якорную фразу, я едва не застонал от нетерпения.

Он все забудет. И прикажет своим казоку-йодда не только не трогать бесхвостого мутанта, но и оберегать от случайных напастей. А еще он уверует, что Ланс фер Скичира не имел никакого отношения к поискам сраного кулона!

— Бесцветная относительность переплывает… — задумчиво начал Песчаный Карп и я не стал сдерживать победной улыбки. Но затем: — Ланс, что за бессвязный бред я услышал?

Улыбка застыла на моем лице, будто ее зафиксировали мощнейшим лаком.

— Отречение, — глупо повторил я, отказываясь верить. — Бесцветная относительность переплывает горизонт радости…

— Да ладно-ладно, шучу, — добродушно оборвал меня Данав фер Ширн-Кегарета и я был готов поклясться чем угодно, что тот улыбается. — Конечно, Ланс, я тебя слышу. Я тебя понимаю. Я в курсе, что это было. Но не утруждай себя повторами. Хорошая попытка. Еще увидимся. Я тебя вижу.

И «болтушка» просигнализировала, что сеанс связи окончен.

Не веря ушам, я закатал рукав, сонно поднял левую руку к лицу и ошалело уставился на дисплей гаппи. Не веря сознанию, медленно прокрутил в памяти состоявшийся разговор. Огляделся, не видя ничего, кроме раскрашенной светящимися окнами глыбы «Угля» впереди, манившей меня путеводным маяком.

Все они были связаны, причем цепью прочной, опасной и способной превратиться в удавку: грошовый кулон, беглая кукуга, «Бритые хвосты», Пыльный и «Уроборос-гуми», «Желтые котелки» и «Диктат Колберга». Что такого ценного забрал я у незрячего Куирколя, чтобы послушно отдать Перстням? Что на самом деле превратило Симайну в девианта? Во что меня вообще втянули? И что, ради всего добросердечного и смиренного, сейчас только что случилось?!

Я оглоушено потоптался на месте, высматривая по затемненным подъездам торгующую стрихом шпану, словно кто-то из них мог подтвердить или опровергнуть всю нелепость произошедшего в их дворе. И на подкашивающихся ногах зашагал к «Комплеблоку-4/49», ощущая внутри омерзительный холод и опустошение, каких не встречал уже очень, очень давно.

С волос капал ледяной пот, поясницу свело. Из груди поднимался нервный смех, порожденный простым фактом: я только что покушался на одного из самых могущественных теневых правителей города. Причем неудачно…

Нет-нет, страха почти не было, улица быстро перековывает пугливых. Страха не было, потому что с вершин больно падают и самые сильные, а вскидывать лапы в жесте покорности вовсе не входило в мои привычки. Так что еще поглядим… Не зря же в старину говорили, что огню плевать, чьи кости лизать?

Настораживало другое. Настораживало и заставляло лихорадочно искать ответы о случившемся во время переговоров с фер Шири-Кегаретой, а их напрашивалось негусто. И самым реалистичным из них пока казался, увы, всего один, чудовищный. И вот он-то пугал до дрожи в коленках — тот, кто только что разговаривал со мной через гаппи, был вовсе не чу-ха…